

Башир Хадрат Девши

ПУТЕШЕСТВИЯ С СУФИЙСКИМ МАСТЕРОМ

Путешествуя по Индии, Греции, Йемену, Афганистану, а также Европе и Америке, Башир Хадрат Дервиш ведет дневник своих удивительных встреч и бесед с Идрисом

Шахом и другими реальными суфиями современности.

Именно этот живой опыт и дает ему возможность отличить реальное в себе и других

от эмоциональных и интеллектуальных суррогатов, которые сегодня столь многие

склонны считать суфизмом.

Книга передает атмосферу суфийской обучающей школы в контексте современной

культуры.

ПОСВЯЩЕНИЕ

От звезд — перевернутых ламп,

От голубых шатров небесных

Сошли люди,

Чтобы тайны явить нам.

Избранные поэмы

из «Дивана Шамси-Табризиди»

Джалаледдина Руми

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга эта описывает некоторые эпизоды из опыта на пути суфиев. Хотя ее нельзя

считать авторитетным (в суфийском смысле) источником, она, тем не менее, занимает промежуточное положение между настоящими суфийскими учебными

текстами и описаниями сторонних наблюдателей. Автор несет всю полноту

ответственности за ее содержание и форму изложения.

Некоторые из бесед были воссозданы по записям; время, в котором протекали

события, иногда намеренно сжато. Делалось это для сохранения линейности и

последовательности, которых требует связное изложение.

Арабский корень, от которого происходят слова «книга» и «путешествие», состоит из

трех знаков сфр, составляющих основу и для некоторых других значений — среди

них вы обнаружите и «рассеивание туч», и «дорожный провиант», и даже

«посредник или посол». Стало быть, слово «путешествие» в данной книге

обозначает, помимо конкретных поездок, еще и другие концепции, содержащиеся в

этом корне. В английских словарях, кстати, слова "journey" и "travel" («поездка» и

«путешествие») — оба подразумевают «работу или труд». Свою деятельность

суфии часто обозначают словом «работа» — отсюда и вытекает смысловое

расширение слова "journey" («путешествие») в английском переводе как рабочее

путешествие.

Книга целиком написана мною и является прямой и честной попыткой рассказать

предельно правдиво, насколько это было в моих силах, о «рабочих путешествиях», но я бы не решился опубликовать ее, если бы один авторитетный источник (занятый

выполнением своей задачи, а не цензурой) не расценил ее как восполняющую

пробел в публикациях на эту тему.

Башир М.Дервши

Лондон, январь 1982

Глава 1. ОТПРАВЛЕН К СУФИЯМ

Мастер скрыт в своей мастерской.

Войди же туда, чтобы узреть его воочию.

Поскольку мастер скрыт работой своей,

Ты не увидишь его, оставаясь в стороне.

Руми

Я вырос в маленьком, чуть больше деревни, городке на Среднем Востоке, и мое

детство мало чем отличалось от детства десятков тысяч, возможно, даже

миллионов молодых людей одного со мной возраста и происхождения.

Отец мой был кузнецом. Как и у большинства подобных нам людей, у нас не было

фамилии. Жили мы ни богато, ни бедно, и если голодали, то только в месяц поста

Рамадан, когда от восхода до заката во рту не должно быть ни еды, ни

табачного дыма. Мои родители были трудолюбивыми и жизнерадостными людьми, пользовавшимися всеобщим уважением соседей, и всех нас — моих родителей, двух братьев, сестер и меня — можно было бы назвать дружной и гармоничной

семьей.

Жители Среднего Востока, идя на поводу тех, чьи книги они читают, уверены, что

чуть ли не все какие ни на есть болезни, равно как и большинство пагубных

привычек молодежи в наших краях, появились со времен колониального правления, отсюда же и недостаток возможностей реализовать себя. Так это или нет, но

подобные вопросы, надо сказать, никогда не занимали обитателей моего городка. И, вернувшись туда несколько месяцев назад после почти сорокалетнего отсутствия, я

обнаружил, что ни люди там, ни их представления, ни упования, ни возможности

почти совсем не изменились.

Под возможностями, в действительности, подразумевалось то, что способствовало

улучшению себя. Сегодня, по сравнению с днями моей юности, людей

политизированных в сельской местности стало гораздо больше; они агитируют за

участие в политике как за способ самосовершенствования. Однако — и тут уж

ничего не поделаешь — те же самые люди не упустят ни малейшего случая

ухватиться за ту или иную традиционную возможность, а это, вкратце, как в

прошлом, так и поныне значит — вступить в ряды армии, пополнить собой отряд

государственных служащих, открыть собственное дело или встать на путь религии

— у нас это называлось «стать ученым человеком».

Мой отец хотел, чтобы я получил образование и стал каким-нибудь специалистом в

технической области. «Я научил тебя тому, что сам знаю о традиционных путях, сын

мой. А это неплохое основание, чтобы проторить себе дорогу в мир техники и даже

дослужиться до инженера».

Моя мать, со своей стороны, желала видеть меня служителем Божиим, тем, кто

шествует путем веры и религии, разумеется, совершив перед этим паломничество в

Мекку, — чтецом Корана, по крайней мере, а если повезет, то, возможно, и имамом, возглавляющим молитву в мечети, иными словами, человеком, избравшим стезю

учености и духовной жизни.

Говорили, что ученым человеком был один из моих дядьев: он много

путешествовал, пока наконец не осел в каком-то отдаленном краю, где его глубоко

почитали как знатока теологии. Как знать, быть может, нечто подобное сидело и во

мне. А с другой стороны, если мой дед по матери был корабельным инженером, —

так почему бы и мне не пойти тем же путем?..

Не помню, чтобы мечты о будущем слишком занимали меня в детстве, во всяком

случае, если я и мечтал, то не так конкретно, как мои родители или старики, что

вечерами собирались вместе, чтобы посидеть и пофантазировать о том, как дети

прославят их имена. Ведь они построят свою жизнь на уже обеспеченном для них

основании: надежный дом, любящая семья, уверенность, которую
вселяет

умиротворяющая вера...

Пока мне не исполнилось семнадцать, я посещал местную школу, учил
наизусть

Коран, помогал в мечети, работал с отцом; свободное же время
проводил, изучая

устройство автомобилей в ближайшем гараже, и ни в малейшей
степени не

задумывался о будущем.

Но в один прекрасный день всех молодых людей моего возраста
согнали на

городскую площадь, заставленную многочисленными столами, и
посреди

чудовищной суматохи и военных приветствий трое людей странного
вида, в

сопровождении свирепо выглядевших солдат, опросили всех нас — вот
тогда я и

узнал, что пришел мой черед идти на военную службу. Я стал
солдатом.

Наступило время серьезных физических тренировок, психологических
тестов, грубой униформы, скудной пищи, муштры и технического
инструктажа — иными

словами, военной школы. Я успешно выдержал испытания и прошел в
высший

эшелон, после чего, получив полагавшийся мне в связи с повышением отпуск, прибыл в родной городок с офицерскими нашивками на погонах.

Затем, в числе отобранных для обучения артиллерийскому делу, я был отправлен в

Европу, а позднее назначен в закупочную миссию — контролировать отправку

приобретенного нашим правительством вооружения. Казалось, жизнь моя

определилась и теперь будет окончательно связана с армией. Но тут одно из наших

посольств прислало запрос на специалиста с техническими знаниями: нужно было

наблюдать за выполнением долгосрочных контрактов на поставку научной

аппаратуры и обучать наших соотечественников обращению с ней.

Я снова отправился на Запад, сражаясь с двумя новыми иностранными языками, чтобы в свои двадцать три года стать помощником военного атташе в звании

подполковника. Правда, мне объяснили, что это звание дается исключительно в

интересах дела, с тем чтобы я для этого самого дела мог на равных общаться с

нужными высокопоставленными иностранцами. Но, как подчеркнул на прощальном

вечере президент республики, все это не повод задирать нос и слишком много

воображать на свой счет, что я и принял к сведению.

Следующие десять лет я продвигался ввысь и вширь, занимая посты во

всевозможных миссиях, заседаю в комитетах, консультирую по различным

технологическим и военным вопросам, изучая международное право и становясь

достаточно известным в крошечном мире международного дипломатического

сообщества. Я женился, обзавелся тремя детьми, отдал их в хорошие школы и в

целом, казалось, прямиком двигался к тому, чтобы занять пост министра или посла.

Но именно тогда, когда я с изрядной долей удовлетворения уже обзирал свое

будущее, вся моя жизнь круто переменилась. Мой тесть, который слыл фермером

средней руки с весьма незначительными средствами, умер и оставил после себя

кучу денег. Часть средств он вложил в целевой фонд, чтобы его внуки могли

получить на них университетское образование, часть денег оставил моей жене, чтобы на всю жизнь обеспечить ей финансовую независимость. Остаток, который

был все еще весьма велик, он завещал мне, сопроводив его предписанием, чтобы я, если пойму, что могу сделать это, не нарушив своих социальных и семейных

обязательств, посвятил себя святым поискам Истины.

Ничего подобного из уст своего тестя, за исключением одного-единственного

разговора — да и то случившегося накануне моей свадьбы, — я никогда не слышал.

Что же до моих собственных представлений о «поисках Истины», то они были

ничтожны, если не менее того. Разве Истина не содержится в священных книгах? А

если так, то о каких поисках речь? Если же подразумевается, что ее там нет, —

тогда что это, как не богохульство?..

В то время я как раз находился между службами, ожидая, что буду выдвинут

правительством в одну из международных комиссий в качестве представителя от

нашей страны. Обычно подобные структуры формируются из людей, предлагаемых

лично главами национальных администраций (или их приближенными гражданскими

советниками). Считается, такой порядок необходим для беспристрастного

распределения «лакомых» мест — или, если угодно (а им — главам — угодно), чтобы сбалансировать состав специалистов и соблюсти равновесие национальных

интересов. Я решил попросить совета у председателя национального комитета, от

которого зависели подобные назначения.

Это был государственный муж старой закалки, почтенный и седовласый. Он принял

меня с исключительной сердечностью, даже назвал на «вы», а не на «ты», и когда я

вошел в комнату, поднялся мне навстречу — невзирая на разницу в нашем

положении — со всей учтивостью хозяина по отношению к гостю. Его репутация и

сама манера держаться вызывали во мне столь глубокое уважение и доверие, какие

испытываешь редко.

— Если я и знаю кого-либо, кто мудр, так это вас, ваше превосходительство, —

сказал я, когда нам принесли кофе, — а я нуждаюсь в мудром совете. Все мои

обстоятельства и ожидания вам известны. Пожалуйста, прочтите это изъяснение

воли моего только что умершего тестя.

Он внимательно прочитал бумагу. Затем сказал:

— Мой младший брат и выдающийся служитель на благо нашей родины! Я

действительно много знаю о вас, ведь это, как вам известно, моя обязанность. Тем

не менее, вы, наверное, удивитесь, но я знал и вашего тестя и почту за честь хоть в

какой-то мере поспособствовать тому, чтобы его желание исполнилось, ибо он был

святой, настоящий святой.

Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого. В уме пронеслась мысль, что, вероятнее всего, наставник постарается уговорить меня остаться на

правительственной службе на благо страны или же сделает ряд благочестивых

замечаний — о паломничестве или о крупном пожертвовании, но то, что я услышал, было совершенной неожиданностью. Так говорят всякие там мудрецы, которых

изображают в фильмах по телевизору или о которых читаешь в жизнеописаниях, так

могут говорить персонажи той или иной книги, но чтобы люди современного мира

употребляли выражения подобного рода?!

— Святой, ваше превосходительство, — сказал я, — это, по моему разумению, человек, служащий Богу, единственно в которого он верует, исполняющий все

предписанные религиозные обязанности и способствующий приобщению к тому же

самому остальных людей. Этому учит ислам, и то же написано о святых людях, принадлежавших к предшествовавшим исламу

истинным верам — иудаизму, христианству и другим.

— Да, это так, — отвечал он, — и никто не станет оспаривать ваше утверждение.

Тот, кто исполняет все, что вы описали, как раз и является святым. Но святой ли

тот, кто имеет

всего лишь репутацию среди людей, что он таковым является и все это исполняет?

Святой ли тот, кто молится, постится, совершает паломничества, делает

пожертвования, сидит ночами, читая священные книги, говорит окружающим, что

они должны делать, какими быть и все такое прочее, не познав на опыте, что все

эти вещи значат на самом деле, и возможно, даже испытывая удовлетворение от

того, что другие всего этого не исполняют?

— Нет, — сказал я, — не думаю, что это святой.

— Но кому, в таком случае, дано знать, кто действительно святой, а кто просто

следует своим пристрастиям, полагая, что это и есть духовность?

— Мне это не приходило в голову. Но если бы меня спросили, я бы сказал, что не

мне судить о ком бы то ни было, святой он или она или нет.

— Превосходно! Поскольку вы признаете, что ни тот, кто выглядит святым, ни тот, кто предполагает за кем-то святость, оба не обладают знанием в этом вопросе —

разве вам не интересно узнать, можно ли приобрести истинное знание и понять, что

такое настоящий святой и что в действительности означает служение Богу?

— Я не думал об этом. Но если люди считают кого-то благочестивым, разве это не

доказывает, что он таков и есть?

— Если полагают, что Земля плоская, — разве это доказывает, что она такая и

есть? Вы представляете себе разницу между личным мнением и объективным

фактом?

— Я не думал об этом в такой связи.

— Да, но если я скажу вам: «Луна — это кусок прогорклого масла», — разве вы не

спросите: «Это факт или ваше личное мнение?»

— Да, но только потому, что это невероятно, чтобы луна была маслом.

— Совершенно верно. Итак, некоторым людям, на определенной стадии развития, их опыт и состояние ума не позволяют согласиться с тем, что луна может быть

куском масла. Но при этом они не обладают опытом — или состоянием ума, —

которое побудило бы их поинтересоваться: а не должен ли святой быть чем-то

большим или как-то отличаться от того, что предполагают о святых люди?

— Значит, существует способ проверить присутствие истины в чем угодно, даже и в

том, что считается совершенно недоказуемым?

— Именно так. Запомните, ведь предположить, что что-то можно проверить, не

более абсурдно, чем полагать, что проверить это нельзя вообще, а все потому

только, что вам не довелось познакомиться с тем, кто может сделать это, — или кто

заявляет, что способен на это.

Тогда я спросил моего мудрого собеседника, что, как он полагает, надо делать мне.

— Решите, насколько важна для вас истина. Если она важна настолько, что вы

чувствуете необходимость броситься на ее поиски, тогда вам предстоит пройти

через ряд опытов, которые мы зовем «путешествиями» и которые могут включать —

а могут и нет — путешествия в обычном смысле слова, в результате чего вы

сумеете распознать истину, когда найдете ее. Ибо люди каждый миг предстоят

истине и не способны узнать ее только из-за того, что не владеют необходимым для

этого основанием. Совсем как кошка — не любит апельсины, которые для нее не

опасны и, возможно, даже могли бы спасти ей жизнь. Но она, в отличие от человека, будет ждать, пока не начнет подыхать с голоду, прежде чем решится тронуть

апельсин. Если голодная кошка съест апельсин не слишком поздно, она сможет

выжить, а истощив себя до полусмерти, окажется не в состоянии усвоить апельсин, даже съев его.

Тут я осознал, что старик этот в действительности — суфий, что путь к истине, о

котором говорил мой тесть, соответственно, суфийский Путь и эта традиция, считавшаяся в моих кругах чем-то относящимся к невежественным людям давно

минувших лет, жива и здравствует поныне.

— Откуда ты пришел и куда идешь? — говорил мне мудрый человек, пока я

раздумывал об услышанном. Позже я не раз слышал эту фразу, своего рода

суфийский пароль, в самых разных местах по всему свету.

— Я понятия не имею.

— Что ты хочешь делать или чем хочешь быть?

Я немедленно высказал все, что было у меня на сердце. Там было не так уж много.

— Я чувствую только, что это, скорее, не то, чего я хочу, а то, что мне необходимо,

— сказал я.

Он улыбнулся:

— Это твоя первая победа над командующим «я». Потому что, в отличие от этого

«я», которое говорит: «Дайте мне то, чего я хочу», — истинное «я», стоящее за ним, говорит: «Дайте мне то, в чем я нуждаюсь».

На этом его превосходительство отпустил меня, а вскоре мне стало очевидно, что

за время этой встречи я усвоил совсем не так много, как показалось поначалу. Но, по крайней мере, он пробудил во мне интерес и надежды. Уже едва выйдя от него, я

готов был задавать сотни вопросов; я жаждал отыскать других людей, думающих

подобным образом. Мне необходимо было выяснить, как стать суфием. Я вступил в

стадию, которую очень мало кто из обычных духовно настроенных людей способен

превзойти, в стадию, где действует субъективное эго человека, где его охватывает

возбуждение и чувство собственной значимости, ощущение сопричастности чему-то

исключительному и великому, а вот развития духовного дара, которое зачастую ему

мерещится, вовсе не происходит. Но тогда я не понимал всего этого. Мне казалось, я занимаюсь поиском пути к истине. Повсюду я искал суфийские группы и покупал

всевозможные книги на эзотерические темы. Свои мирские обязанности я почти

забросил, ощущая возбуждение, которое казалось мне чем-то весьма важным, так

как это чувство было сродни состоянию приподнятости, знакомому в связи с делами

обычными, — повышением по службе, достижением какой-то конкретной цели, удовлетворением своих желаний любым из сотен возможных способов. Мне еще

только предстояло узнать, что то, что нам действительно нужно, — это научиться

осознавать особый род свершения, который в реальном смысле является

духовным, и понимать тот особый путь, которым можно приблизиться к истинной

цели.

Итак, прежде всего я начал повсюду выискивать суфиев и дервишей.

Большинство людей, родившихся на Среднем Востоке, знают, или думают, что кое-что знают, о суфиях и дервишах. На самом же деле эти знания обычно крайне

скудны. Им, например, известно, что в старину бывали великие учителя и что

учителя эти оставили после себя организации, продолжающие дело их жизни.

Многие, возможно, видели шествия дервишей или их выступления, когда те

вытворяют всякое и бормочут неведь что; видели людей, способных без крови и

вреда проткнуть себе щеку вертелом; тех, кто раздает талисманы или излечивает

женщин от бесплодия; личностей, носящих странные одежды, что-то монотонно

напевающих, декламирующих или молящихся, с четками в руках. Одни из них бреют

усы, зато отращивают бороду; другие ходят странным образом, оттягивая ногу в

сторону. Третьи крутятся-вертятся, поют, «танцуют» или движутся по кругу.

Некоторые лидеры таких сообществ ведут себя как короли и привлекают тысячи

последователей. У других ни гроша в кармане, однако и они считаются столь же

святыми. И как все это следует понимать?

Я стал посещать собрания таких людей. Иные руководители явно ставили своих

последователей в столь подчиненное положение, что те теряли здравый смысл — и

попадали в полную зависимость от данного сообщества, в особенности от

«мастера». Многие из предполагаемых лидеров и учителей пользовались

авторитетом в своей округе, но о том, что говорили и писали великие суфии

древности, у всех у них было весьма слабое представление. Они просто

прокручивали примитивный набор идей и практик и ограничивались тем, что

говорили о любви, слушали музыку и вели себя как подобает святым. Кому-то

казалось, что все это и есть настоящий путь суфиев. Как на Востоке, так и на

Западе можно обнаружить изрядное количество подобных лидеров и их

последователей, верящих по сей день, что суфизм именно таков.

Придя в смятение от всего увиденного, я вернулся к своему пожилому советчику, надеясь с его помощью разобраться, где же я допустил ошибку.

— Ты допустил ее везде. Хотя бы на миг уделить им внимание, хоть на секунду

поверить таким людям можно лишь, когда лживое в тебе самом толкает тебя к

лживому. «Подобное притягивает подобное».

И тем не менее, — как он мне объяснил, — за пестрым фасадом из многочисленных

мулл и учителей, дервишей и самозванных суфиев, заполонивших огромное

пространство, куда входят Марокко на Атлантическом океане, Северная и

Центральная Африка, весь арабский мир, Пакистан и Индия, а также Индонезия и

Малайзия, — настоящие суфии все же существуют. Однако только один из них

являет себя миру в качестве общественно известной личности в каждый

исторический период или век. Таким единственным в свое время был Ибн-аль-Араби в Испании, Аравии и Сирии. Такими были Руми в Турции, Джамии в

Афганистане, Аль-Джулаби в Индии.

«В надлежащее время ты найдешь Учителя Века, но тебе предстоит еще многому

научиться — тому, что приведет тебя к нему», — сказал он.

Я спросил старика, как же быть с этими мнимыми суфиями, которые размножились

в таком количестве на Среднем Востоке.

«В одной североафриканской стране была многочисленная организация

предположительных суфиев и примкнувших к ним иностранцев, — отвечал он. —

Эти люди возвели в традицию механическое выполнение ритуалов, заклинаний и

поз, оставленных шейхом, чье имя они взяли для обозначения деятельности своей

мнимой школы. И вот я и несколько моих товарищей посетили их. Мы просто прочли

им кое-какие места из трудов великих суфиев древности — Газали, Сухраварди и

других. Вскоре тамошнее большинство изгнало своего учителя. Нам ничего не

понадобилось доказывать — Мастера древности оставили после себя более чем

достаточно информации и указаний, которые любому действительно искреннему

человеку ясно дают понять, что случается с настоящей школой, когда она

прекращает действовать. Ее захватывают невежды, и она отмирает. Не забывай, что дегенерировавшая форма может выглядеть весьма убедительно и производить

впечатление чего-то достоверного».

Тут я выдвинул предположение, что мне, наверное, стоит пересмотреть сделанные

шаги, чтобы вернуться к началу и встать в позицию распознавания настоящего

учителя, а не оставаться просто собирателем сенсационных сведений.

— Это самое лучшее, что ты мог бы сделать, — поддержал он меня.

Тогда я спросил, не посоветует ли он мне что-нибудь сам?

— Да. Запомни, тебя никогда не должно покидать чувство юмора. У одержимых его

не бывает, и именно это поможет тебе отличить истину от лжи. Ибо одержимыми

всегда движет ложь.

— Но ведь все духовное очень серьезно, — заметил я. — Полагаю, никто не должен

и не может смеяться над религией.

— Люди смеются не над религией. Когда духовные люди якобы смеются над ней, они смеются над имитацией. Вот был такой случай.

Однажды, когда я был в Индии с несколькими дервишами, мы разговорились с

группой европейских туристов, страстно желавших стать суфиями. После множества

благочестивых и витиеватых речей и молитв, произнесенных этими людьми, старший из нас сказал им: «Мы не можем сделать из вас суфиев, но вы могли бы

стать первоклассными индуистами!»

Европейцы были шокированы. Они обернулись, чтобы посмотреть, как отнеслись к

этому «оскорблению» несколько известных своей святостью индусов, которые были

там вместе с нами. Вообрази удивление этих туристов, когда они увидели, что

индусы покатываются со смеху! Они оценили шутку, тогда как якобы духовные

посетители были слишком напряжены, слишком неискренни, чтобы понять даже

обычный юмор, не говоря уж о духовной сфере.

Затем мой мудрый собеседник вспомнил анекдот о великом мыслителе Аль-Баззаре, который более тысячи лет назад посетил суфия Тустари. Аль-Баззар

перечислил суфию ряд различных видов «интоксикации», не позволяющей человеку

вести благочестивую жизнь. В этом списке были вино, физические удовольствия, желание стяжать собственность, стремление властвовать.

Тустари же напомнил ему еще о двух не менее вредных формах отравления, от

которых страдают псевдо-суфии и мнимые ученики: интоксикация ученого, повязанного своим учением и гордящегося этим, и опьянение поклоняющегося, который занят привлечением к себе внимания других.

Я решил запомнить слова Сахла Тустари. Но мне пришлось попросить моего

наставника прояснить вопрос относительно юмора: не будет ли выглядеть

поведение, вынуждающее людей смеяться, как шутовство, и каким образом суфий

может избежать подозрений в несерьезности, если пускает в ход шутки.

— Тем, кто полагает, что шутки — это всегда нечто легковесное, суфий, действующий с помощью шуток, обязательно покажется человеком поверхностным.

Вот заряженная скрытым учением классическая шутка нашего муллы Насреддина, великого суфийского шутника:

Насреддин сидел на главной улице своего города и рыбачил.
Привязанный к леске

крючок он опустил в большой горшок с водой. Проходивший мимо
самодовольный

ученый крикнул ему:

— Много ли нынче поймал, идиот?

— Не очень, ваше превосходительство, всего три!

— Три! И только-то? — рассмеялся распираемый от собственной
важности

«мудрец».

— Ну, вместе с вами уже четыре, — ответил Мулла.

Так кто же из них поверхностный человек?

— А нет ли еще каких-то причин, — любопытно спросил я, — из-за
которых суфий

готов выставить себя человеком пустяшным или напустить на себя
вид, для

нечувствительного человека совершенно ничего не значащий?

— Этому есть, по крайней мере, еще две причины. Первая состоит в
том, что если

суфий будет выглядеть важным человеком, то в чем же тогда вызов для
восприятия

учащегося? Искатель должен «узнавать царя в любом обличии» — гласит

суфийский афоризм. Другая причина в том, что в этом мире все ценное подвержено

определенной опасности, и духовное — не исключение. Вспомни суфийский анекдот

про павлина, которого застали, когда он выщипывал собственные перья. Кто-то

спросил, зачем он себя обезображивает. «Да ведь ради этого оперения люди и

охотятся на меня, — отвечал павлин. — Не будет перьев — ни у кого не будет и

нужды во мне — тогда я смогу прожить спокойную и содержательную жизнь».

Позднее этот рассказ я обнаружил у Руми в четвертой книге его основного труда

«Маснави».

Читая Руми, я также узнал, что к высшему знанию ведут четверо «врат»: религиозный закон; Путь, или Дорога; Учение и его осуществление и гнозис —

переживание или восприятие реальной Истины, которая именуется Объективной

Реальностью.

В введении к пятой книге «Маснави» Руми касается этого вопроса и вносит в него

ясность.

Закон, говорит он, подобен изучению теории алхимии с помощью преподавателя

или книги. Путь подобен алхимическому процессу. Истина же есть действительная

трансмутация меди в золото.

Один современный суфий облек то же самое в более привычные для нас термины:

«Закон аналогичен приобретению медицинских сведений; Путь — это диеты и

лекарства; Истина — это обретение постоянного здоровья и освобождения.

Достигается она через гнозис, действующий на нужного человека в нужное время, в

процессе...»

Спустя несколько месяцев, проведенных мною в усвоении этих положений, что

протекало очень по-разному — иногда мы совершали прогулки и мой наставник мне

что-то рассказывал, иногда беседовали и делились наблюдениями, — старик

отправил меня на Кипр. «Я устроил тебе поездку к Идрису Шаху», — сказал он.

О Шахе я уже слышал. Он был родом из Афганистана, происходил от потомков

Пророка по линии глубоко почитаемого святого Мусы Аль-Казима, и его личность

была темой обсуждения многочисленных газетных и журнальных статей во всем

мире.

По общему мнению, он являл собой суфия высокого достижения, и иногда о нем

говорили как о Руководителе Эпохи. Мне повторяли снова и снова, что он отказался

от роли учителя, и я заикнулся об этом своему другу, на что он ответил: «Да, Шах не

станет учить обычными способами; он не будет учить тех, кто предъявляет права на

свое обучение. Как раз такие люди и пишут статьи, о которых ты рассказываешь».

Как мог я учиться у такого человека, когда был уверен, что до сих пор не избавился

от механических привычек ума, которые суфии столь сильно порицают? Я стал

молить старца оказать мне какую-нибудь помощь в подготовке моего ума.

— Ты сумеешь получить пользу от того, кем Идрис Шах является, а также от его

действий и слов, — ответил он, — но правильнее всего помнить, что если тебя

вдруг поражает истинность учения, то остерегайся чрезмерно обращать на это

внимание. Большинство людей упираются своим вниманием именно в те вещи, которые одобряют. А ты, оказавшись в кругу суфиев, должен с особым вниманием

отнестись к тому, что тебя неприятно поразит своей странностью или покажется

совершенно неприемлемым, поскольку это почти всегда означает, что реальный

аспект учения натолкнулся на твои предрассудки и предубеждения и они пытаются

отвергнуть его, чтобы удержать тебя в тисках повиновения.

Я попросил его привести пример, что-нибудь такое, что позволило бы мне

запечатлеть в уме эту важную концепцию.

— Суфийские учителя, — сказал он, — иногда провоцируют весьма драматические

«происшествия», чтобы помочь некоторым сильно обусловленным личностям

достичь психологического прозрения. Но тот, кто настроен слишком поверхностно, не сможет даже и в этом случае получить предназначенное ему послание. Одно из

таких учебных происшествий было спровоцировано Бахауддином Накшбанди, великим суфийским мудрецом, который еще при жизни почитался как один из

наиболее правоверных и духовных людей своей эпохи.

Однажды Бахауддин сидел в собрании исламских богословов, и его попросили

внести свой вклад в процесс «дегустиции» великолепия религии. Он немедленно

ответил: «Ваш бог находится у меня под пятой!»

Поднялся ужасный шум и, несмотря на огромный авторитет, которым пользовался

учитель, некоторые из присутствующих потребовали либо казнить его за

богохульство, либо (чтобы спасти ему жизнь) официально признать сумасшедшим.

Бахауддин в ответ не проронил ни слова, пока его не вызвали на публичное

заседание судей, куда он и явился добровольно. Как о том свидетельствуют

исторические хроники, он считался человеком столь важным, что не подлежал

аресту по подозрению. На помосте восседали Шейх-уль-Ислам, Глава Теологов, Судья Судей и много известных военачальников и правителей в окружении стражи и

глашатаев.

Бахауддина попросили повторить его утверждение. Он произнес все громким

голосом, и слова его были донесены глашатаями до толпы (насчитывавшей около

полумиллиона человек): «Ваш бог — под моей пятой!»

Затем его попросили объясниться. Он сказал: «Снимите мою правую сандалию и

объявите народу, что вы там обнаружили. Это и будет ваш бог!»

Когда сандалия была снята, Судья Судей достал оттуда монетку. Ее подняли вверх

и сообщили толпе, что за предмет обнаружен.

Тогда Шейх-уль-Ислам произнес: «Великий Учитель показал нам, что мы

поклоняемся идолу материальности, и нам следует принять этот упрек со

смирением, — я покорно целую ему руку!»

Таким образом, как говорится в отчете об этом событии, «Бахауддин спасся сам и, упрекнув правоверных, преподавал им урок, а они спаслись, приняв от него истину».

Когда рассказ подошел к концу, мне показалось, будто своего рода дверь открылась

у меня в голове. Впервые по-настоящему я буквально увидел, отчего ученые не в

состоянии понять суфиев ни сегодня, ни в прошлом. Суфии работают в измерениях, которые добросовестным начетчикам понять просто невозможно. Точно так же

крайне маловероятно, что обвинения в кощунстве, непочтительности, обмане и лжи, которые всегда адресовались суфиям — с тех пор, как о них стало известно, — хоть

сколько-нибудь справедливы. Суфии создали основной объем литературы и поэзии

Среднего Востока и Центральной Азии. Всю свою жизнь, и подчас очень долгую

жизнь, они проводили на глазах у огромного числа людей. Они были пионерами, выдвигая идеи, которые только сейчас становятся понятными современным людям.

Из этого следует, что они всегда были чем-то исключительным.

С этими мыслями и таким образом подготовившись, я сел на корабль, отбывающий

из Александрии на Кипр.

Я начал путешествие, о природе которого — даже о существовании —

подавляющее большинство людей и не подозревает. Однако его можно назвать

самым важным из всех путешествий, которые только в состоянии предпринять

мужчина или женщина.

Глава 2. ВОССТАНОВИТЬ КОВЕР ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО

Да! Мир — это иллюзия.

Но истина неразрывно связана с ним.

Субхани

Я добрался до места и нашел нужный дом. Это был сверкающий под лучами солнца

ослепительно белый многоквартирный блок, вроде тех, что повсюду строят

греческие предприниматели, специализирующиеся в квартирном бизнесе. Я

обнаружил, что нахожусь в греческой, южной части Кипра, хотя предполагал, что

встреча с Сейидом состоится на турецкой территории. Тут я отметил про себя, что, похоже, оказался во власти некой системы ожиданий, последовательно

выдвигавшей непроверенные предположения, которые тут же забывались, но затем

опять всплывали в уме, вызванные каким-нибудь новым поводом.

Был осенний полдень, и я помню, как, нажимая дверной звонок, взглянул на все еще

высоко стоящее в небе солнце. От нахлынувших эмоций и предощущений у меня

свело живот. Ожидания, стремления, страх перед неизвестным, надежды на

получение чего-то — не слишком приятная смесь.

Дверь открыл с виду ничем не примечательный человек, которого я почему-то

принял за француза, — полный, примерно моего возраста, но чуть ниже моих пяти

футов и восьми дюймов. Безо всяких формальностей он провел меня в длинную

комнату, где сидело человек двадцать. Обстановка была в европейском стиле, неброская, и столь же непритязательно и обычно выглядели все присутствующие.

Они, пожалуй, напоминали людей, оказавшихся вместе случайно, вроде группы

пассажиров в международном аэропорту, — мужчин и женщин было почти поровну, их возраст разнился от двадцати до семидесяти.

Мой толстый провожатый заговорил по-английски с сильным французским

акцентом, по очереди представляя меня каждому из присутствующих. После того

как я услышал имена всех, мне указали место на диване около двери. Знакомясь, некоторые улыбались, другие кивали. Не было ничего необычного. Мы вполне

могли бы сойти за людей, собравшихся в приемной у стоматолога.

— Сейида Идриса пока нет, — объявил один из мужчин. Высокого роста, лет

пятидесяти, он непроизвольно распространял магнетизм авторитета, сопутствующий обычно руководителю банка или промышленнику. Я обратил

внимание, что обработка швов на его костюме имела специфическую особенность

пошива «Savile Row». Он продолжал:

— Мне рассказали анекдот, чтобы я, в свою очередь, пересказал его вам. Он

послужит ответом на некоторые вопросы о том, как и почему случилось, что религия

теперь выглядит так, а не иначе. Некий дервиш рассказал этот анекдот Сейиду

Идрису, когда Шах сам еще был юным учеником. Истории такого рода мы называем

ишарати — рассказ с продолжительным и особым учебным воздействием.

Вот эта история.

Некогда в одной далекой стране жил купец, и на полу его дома лежал ковер

необычайной красоты, практически бесценный. Однажды ему пришлось

отправиться в путешествие, а следить за своим домом он оставил двоих студентов, которые как раз искали дешевое жилье. Юноши были не слишком аккуратны и

вскоре умудрились уронить несколько горящих углей на ковер, отчего почти треть

его сгорела. Естественно, они очень расстроились и стали придумывать, что бы

такое сделать для искупления своей вины.

Когда купец возвратился и увидел испорченный ковер, он был потрясен до глубины

души. Он забегал вокруг, стелая и выкрикивая бессвязные фразы: «Я сам виноват, потому что не берег этот ковер как следовало!.. Вы, два злодея, вы уничтожили

его!.. И как его теперь починишь!» Студенты, мучимые угрызениями совести, носили

ковер от одного мастера к другому, пока не нашли наконец единственного

оставшегося в мире человека, который мог отреставрировать ковер, чтобы тот

выглядел так же хорошо, как и раньше. «Мне придется
восстанавливать каждую

нитку, а это займет очень много времени, и работа будет стоить
недешево», —

сказал он юношам.

Молодые люди решили поселиться в его городе и нашли себе работу,
чтобы

платить за починку ковра, которая длилась почти двадцать лет.
Наконец ремонт

был окончен, и счастливые заказчики, теперь уже люди в возрасте,
привезли ковер

в дом купца. При виде его купец тут же расстроился, и рыдания вновь
сотрясли его

тело. «Конечно, это заняло двадцать лет, — сказали студенты, — но
ведь в конце

концов мы загладили свою вину и возместили ущерб. Вот ваше
сокровище, полностью восстановленное».

— Пусть он даже точно такой, как прежде, — воскликнул купец, — но
что до этого

человеку, который одолжил мне его, который мне его доверил, но не
смог забрать, когда ковер ему понадобился десять лет назад, — что до
всего этого человеку, который уже семь лет как умер?

— Таково, — сказал Шаху дервиш, — состояние вашей религии. Она
никогда не

принадлежала вам, вы в своей среде неправильно ею пользовались —

поверхностно и небрежно.

Настала короткая тишина. Затем кто-то поднял руку, но рассказчик покачал головой.

Поднялась еще одна рука, и другой человек спросил: «Можно мне?»

Рассказчик истории, повернувшись ко мне, сказал: «На одни вопросы мы отвечаем, на другие нет. Здесь так принято, но вы, возможно, еще не сталкивались с таким

правилом». Я кивнул, и он позволил спрашивавшему продолжить. Тот сказал: «Все, что могли сделать ученики из этой сказки, — это восстановить испорченный ковер.

На это ушло слишком много времени, и, хотя они в конце концов добились своего, было уже слишком поздно, чтобы их труд пригодился другим. На пути суфиев, напротив, учащийся получает от учения помощь в соответствии со своими

способностями, даже если и не осознает этого. Иногда, правда, удается довести до

его сведения, что он что-то получает».

— Совершенно верно. А теперь не расскажет ли кто-нибудь историю, содержащую

этот момент?

Молодая женщина подняла руку и стала декламировать ясным и уверенным

голосом:

Человек пришел к Мастеру и сказал:

— Ну и чему я научился с тех пор, как ты взял меня в учение? Мне кажется, что

совсем ничему.

Мастер ответил:

— Когда ты впервые пришел ко мне, ты был почти неспособен к обучению. Поэтому, в действительности, ты пока что обрел лишь способность к обучению, а до самого

учения дело не дошло.

— Как я могу убедиться в этом? — спросил раздраженный ученик.

— Никак. Но ты пришел ко мне, побуждаемый страхом, самоуничижением и жаждой

тайн. Я научил тебя не унижать себя, в первую очередь стремиться к истине, а не к

тайнам, и избавиться от страха. Естественно, некоторые из твоих подавленных

склонностей вышли наружу, чтобы с ними можно было работать, — например, вылезло твое постоянное недовольство, уязвимость, а также нетерпение. Так что

позиция, в которой ты сейчас находишься по отношению ко мне, есть результат

твоего продвижения вперед.

На этом встреча завершилась. Компания начала расходиться, а меня отвели в дом, где устроили на полный пансион. Это оказалось одно из тех чистых, безукоризненно

белых зданий, в которых из поколения в поколение проживают семейные кланы

киприотов. Главой семьи была вдова, владевшая маленьким виноградником, а

скудный доход от него она увеличивала, пуская постояльцев. Женщина не знала

английского, но кормила и ухаживала за мной замечательно и за очень скромную

плату.

На следующее утро на машине заехал толстяк и мы отправились в ближайшее

курортное местечко, в центре которого располагался большой отель, переполненный туристами. Они ели и пили, возились на песке и купались в море так

непринужденно и с таким самоуспоением, что это несколько развеяло мое слишком

серьезное настроение. И все же где-то глубоко внутри меня таилось беспокойство, что я могу потерпеть неудачу, оказаться неспособным к обучению; что меня могут

прогнать; что я пропущу важные «указания» или провалюсь во время какого-нибудь

испытания. И, конечно же, мне все еще предстояла встреча с самим Учителем... Как

оказалось, ожидание мое уже близилось к концу.

На террасе отеля, откуда открывался вид на весь пляж, несколько столов были

составлены вместе. Там разместились человек тридцать, они пили кофе и

разговаривали. Некоторых из них я видел на вчерашнем вечернем собрании, остальные были мне незнакомы. Меня усадили, подали кофе, и я стал

прислушиваться к тому, что рассказывал один из моих соседей.
Закончив рассказ, он обернулся ко мне, и мы друг другу
представились. Это был американский

психолог, в прошлом преподаватель университета, а в настоящее время
торговец

недвижимостью. Написав письмо Идрису Шаху, он получил
приглашение приехать

на Кипр.

— А знаете ли вы, — сказал мой новый знакомый, буднично одетый
атлетического

сложения человек с примечательно красным лицом, ведущий себя
несколько

возбужденно, — как трудно нам на Западе понять мышление
восточных людей — и

особенно суфиев? Я прочитал про них все, что сумел найти, но почему,
скажите, слишком многое из того, что вы говорите и делаете, выглядит
настолько

маловыразительным? Как может человек западной культуры ухватить
что-нибудь

там, где, похоже, ни на чем не ставится ударение? Несомненно, кое-что
из

прозвучавшего здесь произвело на меня свое действие, но разве я могу
выразить

это на бумаге? Воспользоваться этим материалом в своих лекциях?

Я ответил, что, на мой взгляд, часть учения суфиев направлена именно
на то, чтобы

натренировать ум для восприятия вещей как достаточно тонких, так и очевидных, и

познакомить человека с совершенно новыми концепциями, включить его ум в

работу с ними.

— Я пришел к такому же заключению, — сказал он, — но привычку ассоциаций

очень трудно разрушить, особенно если вам приходится все время ею пользоваться. Весь фокус в том, чтобы эта привычка «зависла», что ли.

Я спросил, не знает ли он какую-нибудь формулу, которая помогает отключать

ассоциации, на что он ответил: «Есть история об иранце и чуде...»

В этот момент я заметил, что к нам приближается некто, и по фотографиям, виденным ранее, узнал Шаха. Он находился приблизительно ярдах в тридцати и

шел к нашему столику со стороны пляжа. Американец тоже его увидел и, прервав

себя на полуслове, объявил: «Сюда идет Шах».

Идрис Шах высок, строен, черты лица орлиные. Внешне он выглядел как афганец, с

острым, пронзительным взглядом темных глаз, выражение которых трудно понять, если только он не улыбается или не хмурится. Он шел легкой решительной

походкой, не быстро, но и не медленно. На нем был тропический полувоенного

покроя костюм, в руке четки. Я заметил, что у него очень красивые руки. На глаз

трудно было определить, сколько ему лет, я бы сказал, что это человек среднего

возраста.

Подойдя к нам, он взял меня за руку и, произнеся несколько теплых слов о моем

первом учителе, спросил, как у него дела. Затем он сел на свободный стул слева от

меня. Кто-то подал ему чашечку кофе. Я взглянул на окружавших нас людей.

Некоторые были напряжены, другие расслаблены. Кто-то продолжал беседовать со

своими соседями.

Это первое, что показалось мне необычным. Появление Шаха подействовало на

людей, но они не вскочили с мест, когда он подошел, никто не принял

подобострастную позу, как это часто приходится наблюдать при появлении

авторитетного человека, — все вели себя естественно. Реакция была, но такой

реакции я никогда еще не видел.

Мои первые впечатления от Шаха весьма совпадают с тем, как он представлен в

книге «Текущая Биография»:

В журнале Psychology Today, в просторном интервью с редактором этого журнала

Элизабет Холл, Шах предстает весьма скромным человеком; он отвергает попытки

навесить на него звание гуру и сожалеет, если кому-то все же удастся создать

воображаемый культ его личности. Холл представляет его как необыкновенного, остроумного и светского человека. Мнение это поддерживает и Дорис Лессинг, которая увидела в нем живую, энергичную личность с непритязательными вкусами и

простыми привычками, — он во всем знает меру, необычайно щедр в том, что

касается его времени, денег и самоотдачи, «выглядит так, что это не привлекло бы

внимания нигде, от Испании до Гималаев». Шах прирожденный рассказчик и

учитель и обладает «естественной жизнерадостностью», утверждает госпожа

Лессинг. Как и его отец, Шах, помимо писательства и обучения, вовлечен в самые

разнообразные виды деятельности.

Затем в окружающей атмосфере произошло второе изменение. Люди, как я уже

сказал, продолжали разговаривать, но внезапно, будто по сигналу, все замолчали, и

наступила полная тишина. Как это случилось? Я не знаю. Конечно, о подобной

«общей тишине» я слышал и раньше; однако, пережив ее впервые, я словно бы

пробудился и ощутил какое-то новое чувство. Затем случилась третья странная

вещь. Шах оглядел присутствующих, каждому улыбнулся и — хотя в момент его

появления, когда мы еще переговаривались с американцем, он был вне пределов

слышимости — начал говорить, в точности повторив фразу, которую произнес мой

американский собеседник: «...Есть история об иранце и чуде».

Сказал ли американец эти слова по заранее полученному заданию? Я посмотрел на

него, но вид его отвисшей челюсти мешал мне поверить в наигранность изумления.

А что, если под столом спрятан микрофон? Можно было проверить это позже. А

вдруг Шах умел читать по губам? Не исключено. Я поскорее отложил эти

соображения для последующего обдумывания и стал слушать рассказ, который Шах

излагал в весьма быстром темпе. Чтобы поспевать за его изложением, требовалось

сосредоточиться.

Иранец, персонаж этой истории, рассказывал случай, как человек, сброшенный с

седла лошадей, «спасся благодаря чудесному вмешательству святого,
— тот

появился точно в нужном месте и в нужный момент, чтобы поймать
падавшего и

даже утихомирить буйного коня».

Иранец рассказал все это в присутствии суфия, который заметил: «Но
ведь это

случилось так давно и так далеко отсюда. А ты взгляни на того
человека, что стоит

вон там, — что ты о нем скажешь?»

Иранец спросил: «А что с ним происходит? Не вижу ничего
чудесного».

Суфий ответил: «Чудо в том, что он так надежно защищен высшими
силами, что

никакая лошадь не скинет его на землю, и это главное».

Пока я пытался переварить рассказ, Шах обернулся ко мне и сказал
так, что это

было слышно всем присутствующим:

«А теперь я хочу кое-что прояснить прямым текстом, иначе, боюсь, вы
будете

попусту тратить время, размышляя над тем, что не имеет отношения к
реальности, а всего лишь плод воображения, хотя вам это может
казаться чем-то важным.

Я говорю о подозрении, что кто-то получил задание сказать фразу,
чтобы ее мог

подхватить другой и озадачить вас. Я говорю про актерство и про микрофон и даже

про чтение по губам. Сейчас не стоит распространяться на эту тему, поскольку

данное замечание касается только вас, и нет никакого смысла вовлекать других. Вы

понимаете, о чем я говорю?»

В каком-то оцепенении я почувствовал, что моя голова самопроизвольно качается

из стороны в сторону. Три-четыре минуты назад у меня были подозрения, что вся

история с рассказом была театрализованной «постановкой», игрой, или что было

задействовано чтение по губам; и вдруг все, о чем я думал, было оглашено именно

в таком порядке! Нет никаких сомнений, он читал мои мысли! Помню, я про себя

решил: «Ему удалось доказать, что он не шарлатан, но от этого любопытство и

эмоции возросли во мне до такой степени, какую никак не назовешь здоровой».

Шах вклинился в мой мыслительный процесс словами: «Способность видеть

обычное в необычном и необычное в обычном вы — если захотите — легко можете

развить в себе. Сделав это, вы прекратите бесконечное вращение
своего ума в

бесполезном интеллектуализме».

Люди опять вернулись к своим разговорам, а затем, как и в прошлый
раз, гомон

внезапно прекратился. Я предположил, что сейчас будет выдано что-то
еще, и не

ошибся.

Обратившись к рыжему молодому человеку в очках, сидящему
напротив него, Шах

сказал: «Мистер Смит, вам стоит постараться развить
восприимчивость в себе

самом, вместо того чтобы беспокоиться о нечувствительности людей
Запада к

тонким воздействиям. Беспокойством вы никогда ничего не добьетесь.
Я готов даже

бросить камень в свой огород и сейчас расскажу историю про
хваленую восточную

восприимчивость, чтобы ваш ум расслабился относительно всеведения
восточных

людей».

И Шах рассказал, что однажды один очень старый и почтенный друг
из Афганистана

приехал навестить его в Англии. Это было первое путешествие старца
за границу, и

Сейид надеялся, что тот месяц-другой погостит в его доме.

В Великобритании старый джентльмен был восхищен поездкой по красивой

сельской местности. Минуя последнюю деревню по дороге к дому Шаха, он увидел

какие-то слова, написанные мелом на старой доске, и спросил, что они означают.

За высоким забором сносили дом, и подрядчики написали объявление о продаже

оставшихся от дома строительных материалов.

— Я перевел для него надпись, — продолжал Шах. — «Ничего особенного, —

сказал я ему. — Здесь всего лишь написано: продаем двери, оконные рамы и

половые доски».

Мы добрались до нашего дома, и две-три минуты спустя мой гость попросил меня

позвонить в авиакомпанию и изменить дату заказанного обратного билета с тем, чтобы он мог улететь на месяц раньше намеченного срока. Как только я сделал это, старик спросил: «Твой дом самый большой в округе, не так ли?» Я подтвердил.

Он продолжил: «Это налагает на тебя обязательство помогать. Наверное, у тебя

сейчас плохо с деньгами. Вот, возьми эти 100 фунтов. Я сэкономил их, перенеся

отъезд домой на более ранний срок. Теперь ты сможешь дать денег тем

несчастливым, которые оказались в таком положении, что вынуждены продавать

двери и окна и даже половые доски! Да воздаст им Бог за их страдания! Хочу

напомнить тебе, что когда твой отец был жив, он скорее приютил бы этих бедняков

в своем доме, чем позволил бы себе видеть их дошедшими до столь прискорбного

состояния!»

Один из гостей, до сих пор молчавший пожилой человек, очевидно, со Среднего

Востока (армянин, как я узнал позже), подняв руку, попросил внимания.

«Пожалуйста», — сказал Шах.

— Не все восточные люди преисполнены духовности, — сказал он. — Я вспоминаю

случай, послуживший мне незабываемым примером того, насколько важнее

напрямую воспринимать, нежели судить по внешним признакам.

Однажды, путешествуя по Индии, я случайно наткнулся там на своего сотоварища

по обучению у учителя-суфия. Теперь он сидел у ног гуру, который без конца

говорил, причем в основном штампами.

— Почему из всех мест на свете ты оказался именно здесь? — спросил я.

— Меня послал сюда мой мастер-суфий!

Тут вмешался гуру: «Ты слышал — суфий сам признал меня более продвинутым

мастером!»

— Но я, — сказал армянин, — спросил своего знакомого, что же именно сказал

суфий, посылая его к гуру. — Ни за что не угадаете!

А суфий сказал ему: «Иди и сядь у ног такого-то и такого индийского гуру — это

будет наказанием за твою поверхностность!»

Тут Шах повернулся ко мне и спросил без обиняков: «Что бы вам больше всего

хотелось узнать о жизни и пути суфиев? Я ожидаю откровенного ответа, поскольку

именно так можно устранить превратности понимания и дать вам нечто, над чем вы

сможете реально поработать».

Я стал отвечать, что уже понял, насколько бесполезно разжигать собственное

любопытство, поскольку оно может быть всего лишь ребяческим желанием слушать

о чудесах или заполучить тайные силы...

Он прервал меня. «Это верно. Во многих случаях вы должны уметь сдерживать свое

любопытство; по крайней мере, нужно накопить достаточный опыт, чтобы

воспользоваться им конструктивно. Но в данный момент я подхожу к проблеме

именно с этой стороны. Скажите мне, что действительно возбуждает ваш интерес?»

Сначала мне пришло в голову, что следует спросить, как стяжать дар смирения. Но, увидев направленный на меня неумолимо жесткий взгляд Шаха, я осознал, что

сказать это было бы не более чем «игрой в ученика». Пришлось признаться себе, что как раз другие стороны суфиев озадачивали и интересовали меня, что я и

высказал.

— Совершенно верно. Это именно то, что и хотелось бы услышать. Если вы правы, я скажу вам об этом, если ошибаетесь, я смогу обратить вашу ошибку на пользу

всем присутствующим.

— Я слышал, — продолжил я, — что суфии умеют читать в человеческих сердцах; что они владеют силами, которые позволяют познавать и действовать в мире более

эффективно, чем люди, не имеющие такого дара. Как развить эти силы, а развив их, как ими пользоваться?

— Это интересный и важный вопрос. Для ответа на него потребуется целая серия

встреч. И все-таки можно предложить вам важную историю, открывающую

начальный аспект этой темы, чтобы рассмотреть проблему в том порядке, который

представляется наиболее полезным для изучения.

Суфии, хотя они и не всеведущи, могут читать мысли. Такие способности

используются ими лишь в определенных областях мирской жизни, в которой суфии

принимают участие. Как развивается так называемое «могущество», не является

загадкой, и этому можно научиться. Если, однако, подобную способность осваивать

и применять без необходимой дополнительной подготовки, она оборачивается

против тех, кто ее практикует, и в конце концов жизнь человека становится гораздо

более сложной, чем была до того. К любой деятельности необходимо подходить с

правильной позиции.

— Но разве суфии не проводят показательные эксперименты, демонстрируя

ученикам и другим людям правильный и ложный подходы к вещам? — спросил я. —

Кажется, мне приходилось читать что-то подобное.

— Да, но они это делают не из прихоти и не для того, чтобы навязать свою волю, хотя стороннему наблюдателю вполне может показаться обратное. Я расскажу

историю, произошедшую на самом деле, и она послужит иллюстрацией тому, какие

возможны последствия. Из рассказа вы увидите, что только человек, хорошо

знающий, что делает, способен провести подобный эксперимент — над тем, кто в

состоянии получить пользу от события. Совсем немного людей находится на этой

стадии.

И Шах рассказал следующую историю:

Аджмал Хан из клана Юсуфзай испытывал сильное влечение к молодой женщине

по имени Хафса, жившей в трех милях от его дома, и мечтал жениться на ней. Но он

знал, что это невозможно. Отец Хафсы был богат, сам же Аджмал происходил из

социальных низов. Все его предки, как было известно, состояли в услужении.

Как-то раз, обдумывая эти обстоятельства, Аджмал забрел на рыночную площадь

своего родного города в индийском штате Уттар Прадеш, и взгляд его упал на

известного суфия Мир Абдала, сидевшего в своей лавке, где тот торговал

сушеными фруктами. Что-то толкнуло Аджмала подойти к мудрецу; но прежде чем

он успел произнести хоть слово, суфий сказал юноше: «Чтобы завоевать сердце

госпожи, нужно отказаться от всего, что стоит у тебя на пути».

Аджмал был поражен, потому что он никогда и никому не говорил о своем желании.

Правда, суфии известны как «шпионы сердца» и славятся способностью читать

мысли людей.

И он ответил суфию: «От чего бы ни пришлось отказаться, я готов на все, лишь бы

желание моего сердца исполнилось».

Суфий велел ему дожидаться окончания дневной торговли, а затем завел в

маленькую пристройку, служившую ему для медитаций. Там он сказал: «Только я

совсем не имел в виду, что ты наверняка достигнешь желания своего сердца. Хочу,

чтобы ты понял: у тебя есть лишь возможность обрести средства для достижения

этого. Мы никого не одариваем благами, мы даем способ их обретения».

Аджмал подумал, что это ничуть не хуже, чем исполнение желания, и спросил, когда

ему можно будет приступить к изучению пути для завоевания сердца девушки.

— Прежде чем начать, — сказал суфий, — запомни одну важную вещь: когда ты

овладеешь силой, которая необычна для людей, то, возможно, не захочешь ею

воспользоваться.

Аджмал заверил Мир Абдала, что все понял, и был принят им в ученики.

Обучение заняло три года. В течение этого времени юноше надо было прислуживать мастеру и повторять молитвы и призывы. Затем ему пришлось

заняться медитацией, а впоследствии зайти намного глубже обычной медитации.

После того как он привязался к мастеру, тот научил его отрешаться от этой

привязанности и продолжать курс обучения, будучи с мастером «на равных», как это

выразил Аджмал Хан.

Наконец, после длительной практики, состоявшей в том, что без какого бы то ни

было словесного контакта Аджмал принуждал людей испытывать к нему влечение

или неприязнь, он освоил «силу притяжения» и вернулся в родную деревню, а

соответственно, и к месту жительства своей возлюбленной.

Хафса ехала на лошади к дому своего отца, когда ее краем глаза заметил Аджмал.

Он задействовал силу воли, и лошадь под наездницей развернулась и направилась

к нему. Затем, когда девушка оказалась в пределах ста ярдов, он применил силу, пробуждающую влечение. Подъехав к Аджмалу, Хафса сказала: «Меня влекло к

тебе долгие годы».

Как только эти слова слетели с ее губ, Аджмал остро почувствовал, что такого рода

манипулирование людьми — и даже животными — дело недостойное. Он ощутил

отвращение к подобному «захвату» человека или животного. Как он рассказывал:

«Мой мозг пронзила мысль: это неправильно, я не хочу эту женщину...»

В тот же миг Хафса посмотрела на него в упор и сказала: «Это неправильно, я не

хочу тебя!» Лошадь развернулась, и девушка погнала ее прочь.

Рассказанная Шахом история меня весьма заинтересовала — как подтверждение, что телепатия все-таки существует и сама по себе может быть использована в

качестве инструмента. Я спросил: «А обратился ли после этого Аджмал к стяжанию

истинной мудрости?»

Шах ответил: «Назначение этой истории в том, чтобы прояснить сам механизм, не

предлагая морали или развлечения, поэтому у нее нет продолжения. Но есть другая

история, про Африди Хана, вождя клана из приграничной области Афганистана, который после стычки с суфийским мастером действительно понял, чего он может

достичь. Я расскажу ее так, как она была изложена Хусейном Алави, одним из

наших современников».

И Шах, при всеобщем сосредоточенном внимании, начал свое повествование.

Хусейн Алави, в компании других набожных и уважаемых людей, привык посещать

суфия Акбар Шаха, когда тот по четвергам выходил вечерком посидеть перед своим

домом.

Большинство приходили с просьбами — обычно люди просили о молитвах и

заступничестве за себя и родных, об избавлении от долгов и болезней, просили

счастья своим детям и так далее, — но по давно сложившейся традиции эти

просьбы следовало высказывать мысленно. Суфий не принимал никаких прошений, кроме тех, которые могли быть «поданы» невербально. Словесно выраженные

просьбы исключались.

Такой порядок был установлен потому, что «все, выраженное словами, поверхностно, а, по крайней мере, часть "чуда" должна быть совершена за счет

духовной силы самого просящего». Достигалось это молчаливым сосредоточением, состоящим из двух частей. Первая часть любого призыва заключалась в том, чтобы

«направить» чувство сердечного расположения и любви на мастера-суфия; вторая

— передать на этой «волне» желаемое послание.

Однажды в четверг, когда Алави находился на своем обычном месте, некто Африди, самонадеянный и невоспитанный вождь приграничного клана патанов, прискакал

верхом и потребовал объяснить, что здесь происходит.

Ему объяснили, после чего он подъехал к суфию и выкрикнул: «Ты что, думаешь, ты

самый важный? Но меня ты своим взглядом не заламаешь!» А сказал он так, очевидно, имея в виду пронзительный взгляд, который был присущ Акбар Шаху.

Такое очевидное нарушение этикета вызвало некоторое волнение в толпе, но суфий

знаком призвал людей к спокойствию. Затем он встал со своего места и направился

прямо к вождю патанов. Подняв перед собой руку, он «выстрелил взглядом» в

Африди, глаза которого моментально приняли столь застывшее выражение, будто

он обратился в камень.

Когда суфий скрылся в дверях своего дома, люди столпились вокруг патана, все

еще сидевшего верхом на лошади, с высоко поднятой головой, немигающим

взглядом и неестественно напряженным телом.

С губ его срывались стоны. Несчастливого сняли с лошади и перенесли в соседний

дом, но ничего не могли сделать, чтобы расслабить его мышцы.

В таком состоянии он провел несколько дней; его кормили с рук, для чего

приходилось поддерживать тело вертикально, а потом клали в горизонтальное

положение, чтобы он мог уснуть. В конце концов, сжалившись над ним, люди

пришли к суфию и беззвучно взмолились, чтобы тот дал бедняге возможность

вернуться в подвижное состояние.

После одного или двух часов такого безмолвного общения Акбар Шах заговорил. Он

сказал: «Если хотите, чтобы к этому человеку вернулось прежнее состояние, вы

должны дать ему что-нибудь принадлежащее этому миру, поскольку частично он

пребывает по ту сторону. Лучше всего исполнить музыку, чтобы включить его

эмоции, предложить ему немного золота, чтобы пробудить в нем алчность, и

угостить сладостями, чтобы вернуть его к желаниям вашего мира».

Так люди и поступили, и к всеобщему изумлению вождь патанов вскоре сел и стал

есть, схватил золото и начал раскачиваться в такт музыке.

Когда его спросили о переживаниях во время транса, наведенного суфием, он

ответил: «Я не хотел возвращаться — ведь я пребывал в мире, где нет времени, скорби, неприятностей и где нечего желать. Но когда я увидел все, что вы принесли, мне вновь захотелось вещей этого мира, и вещи эти вернули меня назад, в ваше

общество. Наполовину я был "здесь", наполовину "там", хотя что все это значит, —

понятия не имею».

Находившиеся вокруг спросили, благодарен ли он за то, что его вернули в

нормальное состояние. Он ответил: «Я чувствую печаль, потому что тот, "другой"

мир был реален, а эта жизнь похожа на тень, и я не дождусь, когда же мне вновь

доведется попасть туда...»

После этого переживания Африди уже не мог восстановить свою прежнюю

целостность с окружающей действительностью и поселился неподалеку, стремясь

снова войти в другой мир. Через много лет, когда суфий уже умер, этот вождь

патанов достиг состояния, в котором смог наконец объяснить, что с ним случилось.

И он так рассказал об этом местным жителям:

«Суфий дал мне столько бараки¹, сколько мог себе позволить, так что я ощутил

реальный мир. Но к тому моменту для себя самого я не сделал ровным счетом

ничего, поэтому грубые элементы моего ума и тела все еще оставались во мне, преграждая путь продвижения дальше в тот мир, — именно они и вернули меня.

Суфию это было известно, и он объяснил вам, как вернуть меня обратно. Ушли

многие годы, чтобы составлявшие мою личность грубые элементы сделать тонкими, но теперь я могу свободно входить в другой мир и возвращаться из него обратно, так что полезные свойства обоих миров в моем распоряжении. Пока я сам не

сделал что-то для себя, я был не в состоянии воспользоваться духовным даром

этого великого человека».

Шах продолжал: «Хусейн Алави говорит, что эта интересная история часто

приводится, чтобы показать соответствие вкладов на мистическом пути — как

мастера, так и ученика. Конечно же, это совершенно иная подача, нежели то, что

обычно приемлют люди, предположительно сведущие в духовных вопросах».

Я спросил Шаха, сродни ли силы, описываемые в этих двух рассказах, силе гипноза

и возможно ли злоупотребление ими.

«Да, они сродни гипнозу, но при их проявлении задействуются техники, неизвестные

тем, кто обычно экспериментирует с гипнозом или использует его, — ответил он. —

Тут требуются некоторые дополнительные способности, помимо методов, которые

применяют для наведения гипнотического транса.

Что касается злоупотребления, то уже сам вопрос указывает на невежество

относительно многих сопутствующих факторов, которые следует учитывать. По

этому поводу можно сказать, что почти все предоставляет возможность для

злоупотребления; но практически всегда присутствует и то, что его предотвращает.

Люди способны на убийство, но редко совершают его. Машина может стать

неуправляемой — но часто ли такое случается? А знание невозможно скрыть

полностью и навсегда.

Дервиши, к примеру, — это люди, стремящиеся стать суфиями, и очень часто они из

самых благих побуждений вмешиваются не в свои дела. Но промахи в мирских

делах они допускают, по крайней мере, столь же часто, сколь бывают и правы в

области высшей психологии. Дервиш может быть очень хорошим человеком — как

минимум, в той же степени, в какой кто-либо, владеющий ограниченным знанием, вообще может быть плохим или хорошим. Но ведь все мы знаем, куда ведет дорога, вымощенная благими намерениями. Вот что произошло с дервишем, который

старался быть хорошим».

И Шах, в окружении трех с лишним десятков человек, столпившихся у столика и

вслушивавшихся в его слова, поведал третью за этот день историю.

— Один мой знакомый дервиш делал все, что в его силах, стараясь помочь бедным

и нуждающимся. Само собой, иные бедные люди могут и не хотеть, чтобы им

помогали, а иные желающие стать помощниками могут всего лишь думать, что они

знают, как помочь...

Как-то раз мой друг дервиш наткнулся на бедную семью, явно нуждавшуюся в

помощи, но они упорно отказывались от какой-либо милостыни и пожертвований.

1 Подробнее об этом читайте в главе 7. *Прим. автора.*

Это заставило доброго малого еще сильнее возгореться желанием помочь, особенно учитывая, что на руках у него к тому времени оказалось 500 золотых

монет — пожертвование для дел милосердия от одного набожного благотворителя.

Он заметил, что среди прискорбно скудного имущества этой семьи был небольшой

потертый коврик, доставшийся по наследству. При виде этого коврика у него

родилась идея.

Дервиш удалился, а спустя некоторое время, изменив внешность, вернулся к ним, выдавая себя за торговца коврами. Разыграв представление с оценкой ковра, он

сказал хозяйке дома, что может предложить за него сто золотых монет.

— Я должна обсудить это с мужем, — ответила та. — Если можете, приходите

завтра вечером.

После ухода дервиша семья, с подозрением отнесшаяся к тому, что их старый

коврик мог кого-то заинтересовать, оценила его и с изумлением выяснила, что на

самом деле старинная вещь стоит в десять раз больше цены, предложенной за нее

святым человеком. Полиция устроила засаду, и когда мой благочестивый друг

вернулся на следующий день, он был тут же отправлен в тюрьму, обвиненный при, казалось бы, очевиднейших для всех, кроме него самого, доказательствах, в

попытке лишить бедную семью ее имущества с помощью подлого надувательства.

Судья воскликнул во время суда: «Мне страшно даже подумать, что слуга Божий, или считающийся таковым, способен замыслить подобное преступление!»

— Недаром ведь, — сказал Шах, — дервишей называют «святыми, лишенными

проницательности», а суфии известны как «дервиши, достигшие знания».

С этими словами он поднялся и зашагал прочь, предоставив нас самим себе.

Присутствующие разбились на небольшие группы и занялись в основном тем, что

стали делиться друг с другом разными случаями или обучающими событиями, в

которых они сами когда-то принимали участие или о которых слышали. Темой

некоторых рассказов было притворство и — как его противоположность — ролевое

поведение в обычной жизни и в суфийской практике. В повседневной жизни (суфии

называют ее «нереальный мир») все мы, пытаюсь выгадать для себя какие-то

преимущества, бессознательно играем различные роли. Когда же суфий берет на

себя определенную роль, он делает это, чтобы достичь заранее рассчитанного

результата в соответствии с высшей целью.

Первую историю про то, что значит быть королем, поведал афганский участник

собрания Анвар Бег. Вторая услышанная нами история показала, как можно дать

отпор лицемерию, но только если известно, что это и в самом деле лицемерие, и

известны средства его нейтрализации. Ее поведал ныне проживающий в Америке

врач родом из Туркестана, из местности на берегу реки Оксус (Амударья) в

Центральной Азии. Он был самым вдохновенным рассказчиком.

— Однажды, — начал свою историю Анвар, — Идрис Шах от имени одного своего

друга отправился просить помощи у короля некой страны. Ответ он привез

уклончивый.

Какой-то дотошный человек ухватился за этот случай и, найдя в суфийских текстах

подходящие места, вознамерился уязвить Шаха. Во время приема гостей он

поднялся и сказал: «Зачем же вы отправились просить о чем-то короля? Ведь еще

мудрецы говорили, что тот, кто посещает королей, — худший из суфиев».

Шах ответил: «Сказано также, что король никогда не должен отказывать в

одолжении, когда это связано с призывом о помощи. Если он отвергает призыв, то

он не король».

Подобное выявление ролевых игр и сопутствующего лицемерия

проиллюстрировано также в анекдоте, рассказанном доктором Джангйо

Самарканди.

Шах имел обыкновение в порядке любезности приглашать на обед некоего муллу.

Человек этот привык привлекать к себе внимание тем, что, дождавшись подачи

блюдов на стол, начинал произносить бесконечно длинные молитвы, доводя

остальных гостей чуть ли не до голодного обморока.

Услышав, как кто-то высказался на этот счет, Сейид сказал: «Это всего лишь вопрос

организации времени». В следующий раз Шах пригласил муллу, назначив ему время

визита за четыре часа до начала обеда, и к моменту, когда подали еду, мулла был

настолько сломлен чувством голода, что ему ничего не оставалось, как тут же

наброситься на содержимое своей тарелки!

По мере того как я знакомился с участниками компании, меня все сильнее поражало

разнообразие типов людей, почувствовавших влечение к Шаху и к суфийской

работе. Сам я происходил из семьи, имевшей турецкие корни, но осевшей сотни лет

назад в Северной Африке. Я был крестьянином, превратился в военного, а затем в

дипломата. На другом конце нашего столика сидел преподаватель психологии из

Америки, ставший торговцем недвижимостью. Из двоих только что рассказавших

суфийские истории один прибыл из Центральной Азии, что для преподавателя со

Среднего Запада практически значило — с другой планеты. Второй рассказчик был

из Афганистана. Однако в царившей здесь атмосфере эта смесь мужчин и женщин

всех возрастов и культурных традиций выглядела необычайно гармонично. Мне

пришло в голову, что, наверное, так и должно быть — а возможно, всегда и было, —

когда в ходе воинственных личностных игр вдруг объявляется о прекращении огня.

Но удивлявший меня разброс столь различных человеческих типов вскоре

претерпел дальнейшие уточнения. Я стал беседовать с Ибрагимом Сиддики, одним

из наиболее доверенных друзей Идриса Шаха. Этот открытый, доброжелательный

афганец сообщил мне, причем без тени смущения, что одно время был грабителем

на дорогах.

Я спросил его, как он повстречался с Шахом. И вот его рассказ.

Мой друг Муса и я были разбойниками. Обычно мы останавливали машины и

отбирали у пассажиров драгоценности и прочее имущество.

Однажды мы с Мусой сидели в засаде у поворота, недалеко от Герата, когда на

дороге появилась большая машина с флажком губернатора. Мы выстрелили пару

раз в воздух, чтобы заставить их остановиться. Открыли двери и видим, что в

машине, кроме водителя, еще двое мужчин. Это были Идрис Шах и губернатор.

Мы, как водится, забрали у них часы и бумажники и тут же поделили добычу, ценность которой была, наверное, не больше ста долларов. Вдруг, почти

одновременно, до меня и до Мусы дошло, что у нас в плену сам губернатор; с его

семьи можно запросить большой выкуп, к примеру, десять тысяч долларов! Немного

посоветовавшись, мы объявили, что берем обоих мужчин в плен для получения

выкупа и им придется задержаться у нас, возможно, на долгое время, пока будут

идти переговоры с родственниками.

Сейид Идрис, однако, сказал мне: «Друг мой, ты даже в качестве вора никуда не

годишься. За все свои мытарства ты заполучил всего лишь пару часов и ничтожную

сумму денег. Теперь тебе захотелось десять тысяч долларов за целую кучу

проблем, связанных с захватом заложников. При этом ты рискуешь быть

повешенным. Если бы у тебя была хоть капля внутренней способности к

восприятию, ты бы знал, что легко можешь достичь гораздо большего».

Я спросил, что он имеет в виду. Он ответил: «Посмотри под сиденьем губернатора».

Мы так и сделали — и обнаружили там золотые монеты на сумму не менее

пятидесяти тысяч долларов.

На меня и на Мусу все это произвело такое впечатление, что у нас просто рука не

поднялась забрать эти деньги. Долго ли, коротко ли, но мы стали последователями

Шаха.

На этом прекрасном острове я провел с Идрисом Шахом и его товарищами три

счастливые и, как оказалось, очень плодотворные недели. Помимо всего прочего, я

узнал, что суфийская система обучения не строится в основном на рассказах, как

предполагают некоторые последователи Руми, или на поэзии, как могут думать

изучающие классику Джами и Саади, или даже на ритуальных процедурах, как

воображают люди в так называемых «дервишских орденах», где только этим и

занимаются; обучение также отнюдь не зиждется, как считают некоторые, преимущественно на физических или ментальных упражнениях.

У настоящих суфийских учителей средства обучения всегда инструментальны; это

означает, что учитель, проведя «разведку вашего сердца», знает, какие занятия и

какую деятельность вам дать. Всякий другой подход к Учению заведомо непригоден.

Шах сам не уставал говорить, что повторяющаяся музыка или движения, стандартные действия или даже учения — все это процесс внушения или

обуславливания, тогда как настоящая суфийская традиция всегда противодействовала тому, чтобы людям прививались какие-либо пристрастия.

Знание суфиев передается с помощью любого подходящего средства.

Несмотря на подъем, который я испытывал от новых знаний, меня не покидало

беспокойство: что же будет дальше? Группа начала понемногу редеть — участники

разъезжались по домам. Именно в это время Шах пригласил меня к себе в номер.

— Мне предстоит несколько путешествий. Я могу оказаться где угодно. Если ты

будешь сопровождать меня на моем пути, то я буду рядом с тобой — на твоём. У

тебя появится возможность научиться очень многому, но ты должен быть готов как к

легкому, так и к трудному; к тому же тебе нужно обязательно ознакомиться со всем

базовым материалом, содержащимся в книгах (подразумевался большой объем

суфийских текстов, опубликованных в последнее время), поскольку ты найдешь в

нем необходимую основу для дальнейшего.

Я согласился не раздумывая. По сути, это было мое тайное желание, и я уверен, он

знал об этом.

Если остальные даже и думали, что мне повезло, так как я получил задание, позволявшее быть рядом с учителем, они, во всяком случае, не выказывали

зависти. Учение гласит, что если ты дал о себе знать Учителю, то для тебя будет

найдено средство обучения, точно соответствующее твоим потребностям. Поэтому

те, кто «оставались», были избавлены от обычного в подобных случаях ощущения

обделенности и брошенности. А ведь, если задуматься, и в самом деле

поразительно, что простой обрывок информации — а затем перевод этой

информации в практику — открывает двери к узнаванию и пониманию того, к чему в

ином случае людям пришлось бы идти только путем догадок...

Глава 3. ТАИНСТВЕННЫЙ ШЕЛКОВЫЙ КВАДРАТ

Слова — это воплощенные состояния

И конкретизация смыслов.

Махиуддин ибн аль-Араби

Небольшую предварительную подготовку я получил от своего наставника, пожилого

государственного мужа, а затем в течение трех недель пребывания на Кипре

подвергся непосредственному воздействию суфийского учения. Обозревая то, что

было за это время мною понято или таковым казалось, я мог сказать, что в центре

Учения находятся два отправных элемента: обучение через Историю и обучение

Действием.

Первый метод заключался в использовании историй, похожих на сказки, — так

особо тонким образом передавалось послание, которое не укладывалось в четкую

формулировку. Второй основывался на определенном поведении учителя, обычно

неожиданном, иногда эксцентричном, но позволяющем проникнуть за

обусловленные реакции человеческого мозга. Такое поведение дает ученику

возможность, даже вынуждает его увидеть некоторые стороны самого себя в

неожиданном свете.

Оба эти метода, кажется, довольно распространены при обучении у суфиев. Но

каково происхождение используемых материалов? Помимо того, что было

унаследовано от знаменитых предшественников, все суфийские учителя, видимо, используют и новый учебный материал, черпая его из современной им окружающей

жизни. Я мог бы предположить, что, скорее всего, именно ученики подвизались в

собрании и передаче сведений о событиях в своей школе на пользу будущим

поколениям. Несомненно, кто-то должен был записывать сеансы вопросов и ответов

того же Бахауддина Накшбанди или фиксировать ситуации обучения Действием, создававшиеся учителями, жившими еще на полтысячи лет раньше Бахауддина.

Естественно, я считал Идриса Шаха человеком того же ранга, что и классические

учителя, но, как и подобает учителю Эпохи Коммуникаций, он еще и автор

множества книг, так что, возможно, его учебный материал зафиксирован, пожалуй, в

беспрецедентной степени. Но как быть со случайными событиями — эпизодами из

его повседневной жизни, из его путешествий в качестве учителя, встреч с

политиками, священнослужителями, профессорами и вокзальными носильщиками?

Будут ли доступны какие-нибудь записи обо всем этом году эдак в 2500 по

Рождеству Христову, чтобы в те грядущие времена Учитель Эпохи мог воспользоваться фактами из жизни Шаха, как сам Шах пользуется сегодня фактами

из жизни Бахауддина?

Как человеку неискушенному в подобных делах, мне и в голову не могло прийти, что

вещи такого уровня важности едва ли отдаются на откуп случая или причуды пусть

и благонамеренного, но еще совсем незрелого нового ученика. Как бы то ни было, вечером накануне переезда с Кипра в Афины я принял решение вести запись

событий своей жизни в качестве ученика, а вместе с тем описывать людей и

происшествия, чтобы составить картину наших поездок. Я надумал вести дневник, и

записи, которые с этого дня я начал делать и продолжал в течение нескольких лет, легли в основу данной книги.

С Кипра мы прилетели в Афины и в аэропорту были с почестями встречены

несколькими известными личностями. Шаха, троих его товарищей — Сами Мирзу из

Ирана, Эндрю Эллиса из Австралии, А. Ваххаба Илми из Саудовской Аравии — и

меня (в роли секретарей и помощников) поселили в большом роскошном доме, чуть

ли не дворце, в предместьях столицы, где каждому предоставили комнату.

Такой дом мог принадлежать миллионеру, но мы ни разу не видели хозяина или

хозяйку. Дом был просто огромен, особенно в сравнении с некоторыми пристанищами, в которых нам приходилось селиться позднее; но, мне кажется, на

Сейида обстановка никогда и никак не воздействовала.

Сами Мирза, высокий, седовласый, с изысканными манерами (фамилия Мирза в

Иране означает «принц»), знал отца Шаха, Сирдара Икбал Али Шаха, умершего в

1969 году в Марокко. Во время недолгого перелета Сами поделился со мной

воспоминаниями о нем.

— Много лет назад я написал Шейху (Сирдару Икбал Али Шаху) письмо и объяснил, почему я считаю, что мне необходимо руководство. Он не ответил, хотя письмо

было послано на адрес его издателя, указанный в одной из книг.

Затем я отправился к месту его проживания (он жил тогда в столице Афганистана, Кабуле), чтобы переговорить с ним или с кем-нибудь из его представителей. Но

привратник не впустил меня, сказав, чтобы я обращался письменно. Я вернулся

домой и после многочисленных трудностей, навалившихся на меня из-за моей

неустроенности в жизни, опять написал мудрецу. Ответа вновь не последовало. Я

писал снова и снова, рассказывая о своих мечтах, своей работе и устремлениях, но

ответа все равно не получал.

Я стал искать другого учителя и пускался в долгие и даже опасные путешествия.

Много раз я шел по ложному следу и оказывался вовлеченным в деятельность

«эзотерического андеграунда», где люди всех мастей и состояний занимались

поисками высшей истины. Это ничего не дало мне; я убедился, что люди эти

совершенно бесполезны. Я читал и заучивал написанное в книгах, отправлялся в

паломничества и проходил курсы упражнений.

Наконец, после многих лет, в течение которых я продолжал информировать Шейха

о себе, пришел ответ от главного его ученика с указанием явиться в дом Икбала Али

Шаха.

Едва я переступил порог, до меня донеслись приглушенные рыдания. В главном

зале меня спросили, кто я такой.

Я показал полученное письмо, и тогда мне сказали, что Учитель только что умер.

Я назвал свое имя его представителю, на что тот улыбнулся и вручил мне книгу. На

ней была надпись "Инструкции ученикам», и когда я открыл ее, то обнаружил список

людей. Там значилось и мое имя, а под ним приписка: "Болезнь этого человека

можно излечить только пренебрежением к нему. Я позову его, когда он достаточно

изголодается по товариществу и пыль опадет с его сердца. Когда он придет, ему

надо будет учиться под руководством моего представителя". Вот так я и оказался

здесь, — закончил Мирза.

Я спросил его, что именно подразумевал Сирдар под суфийским действием, и Сами

Мирза отослал меня к его книге «Исламский суфизм», написанной в 1933 году для

стран Среднего Востока. Там сказано:

«Мир нуждается в общем духовном знаменателе, в великой дороге человечества, в

Пути... Суфии никому не преграждают путь к практике суфийских идей. Согласно

суфиям, человек может идти по этому пути в полной ритмической согласованности с

жизненным потоком современного ему мира».

И что, может быть, еще важнее, Сирдар настаивает на том, что человеку

необходимо достичь «утонченности» под надлежащим руководством и передать это

знание другим. Но самое большое впечатление произвело на Мирзу намерение

возвысить все человечество и прямое утверждение автора, что путь суфиев остался

«всеобъемлемостью без преград» и «таинственным образом привел в согласие

Землю с Небесами», тогда как другие учения претерпели искажения под влиянием

среды.

Конечно же, это и есть тот самый суфийский универсализм, который часто смущает

теологов и всех, кто обеспокоен, что суфизм означает растворение структуры, то

есть дезориентацию или потерю должного контроля.

Позднее, встречаясь с суфийскими учениками и суфиями, я убедился, что этого

угрожающего растворения никогда не происходит, хотя боязливые люди без конца

пугают им.

Однако становилось все более понятным, как развивалось это недоразумение.

Услышав, что суфии претендуют на раскрытие глубочайшей универсальной истины

— через опыт за пределами религиозной формы, — многие вообразили, что суфизм

склонен к разрушению форм. Бернард Спрингетт, описывая, через какие опыты

проходит человек «на Пути», опираясь на сведения из вторых рук и своими

публикациями явил типичный пример того, что случается, когда возбужденному

воображению кажется, будто демонстрация внутреннего аспекта истины

перечеркивает ее внешний аспект:

«В течение периода, когда реально осуществляется переход от внешней стороны

вещей к их сокрытой стороне, ученик знакомится с философскими писаниями

великих суфийских мастеров... Его учат заменять ритуальное поклонение духовным

и постепенно, шаг за шагом, подводят к отказу от догм и формул ислама как

установлений, необходимых лишь для непросветленных масс».

Позиция суфиев состоит в том, что внутренний опыт несколько не противоречит

внешним религиозным формам, но дает суфию возможность понять

предназначение последних. «Понимание», возможно, и есть то единственное слово, которое содержит весь секрет и причины разногласий.

Читая обзоры книг — даже в рафинированных ученых журналах, — отрадно было

отметить, что многие западные исследователи понимают данную концепцию, хотя

принять, что суфии действительно вовлечены в такого рода предприятие, подразумевающее их «особую миссию», могли отнюдь не все. И в самом деле, до

тех пор пока суфии сами не выступили с разъяснениями многих недоразумений, в

академическом мире царило неадекватное возбуждение. Однако даже такое

единственное издание, как Лондонский журнал *Asian Affairs*, в 1974 году отмечало, что Омар Берк «в своих поисках универсальной истины, содержащейся в суфизме, снял многие покровы». Журнал рекомендовал читать его книгу² с таких позиций.

Впоследствии я встретился с Омаром Берком и быстро подружился с ним. Опыт его

почти эпического путешествия пришелся весьма кстати для суфийской программы

переубеждения исламского духовенства, которое было неверно информировано

относительно важности суфийской проекции, что в конечном итоге привело к

взаимопониманию с исламскими, а в дальнейшем ходе программы также с

христианскими и иными религиозными деятелями.

Материалы по этому, как и по некоторым другим актуальным вопросам, собраны и

опубликованы Адамом Мусой из Индонезии, Ричардом Истерлингом из Западной

Германии и Камалом Ханафи из Турции — авторы принадлежали к числу наиболее

внимательных студентов, которых пригласили для наблюдения и описания новых и

традиционных суфийских видов деятельности³.

В Греции мы посетили несколько центров изучения суфийских материалов, а у себя

Шах принимал бизнесменов, дипломатов, тех, кто формирует общественное

мнение, а также уйму менее известного народа. Каждому удавалось вынести из этих

встреч что-то полезное, в соответствии со своими способностями.

Основные

события того периода были описаны мисс Ходой Азизьян в ее статье объемом

около пяти тысяч слов, которая была опубликована в сборнике *Ritual, Initiation and Secrets in Sufi Circles*⁴.

Во время нашего пребывания на греческой земле нам рассказали об одной

преуспевающей и наделенной восприятием гречанке, провидице, имевшей

обширную практику среди судовладельцев и людей, связанных с крупными

коммерческими интересами. О ней отзывались как о «той, которая знает почти все».

² Omar Michael Burke, *Among the Dervishes*, London and New York, 1973.

³ A.Musa, *Letters and Lectures of Idris Shah*, London 1981, R.Easterling and K.Hanafy, *Evenings with Idries Shah*, London 1981.

⁴ Статья Ходы Азизьян вошла в сборник «Суфии — мысль и действие», в разделе «Ритуалы, посвящения и

тайны в суфийских кружках», выпущенный издательством «Эннеагон» на русском языке, 2005 г. Прим.

редактора.

«Люди с такими способностями ясновидения, — сказал Шах, когда его спросили об

этом, — могут быть весьма полезны в мире, если пройдут соответствующую

тренировку. Они могли бы помогать добру и препятствовать злу. Они могли бы

способствовать истинно духовной деятельности. К сожалению, их относительно

большие возможности восприятия слишком часто замутняются тщеславием, и

именно это не позволяет им узнать чуть больше — нечто такое, что

трансформировало бы их роль. Однако наступит время, и такого рода люди будут

действовать как надо. Сейчас же во всем этом нет ничего существенного».

Илми, Мирза и я очень хотели встретиться с этой женщиной-мистиком, и Шах

согласился отправиться с нами.

Она была похожа на сивиллу, в лучших традициях, — очень старая и с крючковатым

носом. Не обратив никакого внимания на нас троих, женщина буквально впилась

взглядом в Шаха и своей похожей на птичью лапу рукой ухватила его ладонь.

На сносном французском, который, кажется, был ее основным иностранным языком, она начала говорить различные не связанные друг с другом вещи, как бы ища за что

ухватиться.

Возможно, как это делают некоторые из таких гадалок, она пыталась вызвать

реакцию у клиента, чтобы на ее основе начать выстраивать нечто вразумительное.

Но вот она заговорила не так путано, будто бы прорвалась куда-то.

Шах, сказала она, переезжает с места на место и все ищет чего-то. Он объезжает

землю, ищет и находит сокровища. Но когда он находит металл, то не забирает его

себе, а пытается что-то дать ему.... Он тот, кто служит, кто помогает. Уж не врач ли

он? Может быть, он из самого что ни на есть отдаленного места на свете? С

полюса? Нет, навряд ли... И так далее.

Напутствуемые словами о том, что Шах «может раздавить, но не раздавит; способен свершать и свершает; не разбогател, но обогатил других» и тому

подобное, мы ушли от нее и завернули в маленькое кафе; все ждали, что скажет

Сейид.

— А вы что подумали? — спросил он.

Все промолчали. Мне, например, совершенно нечего было сказать.

Шах объяснил, что старая женщина говорила правду, но не могла понять

увиденное. Она спутала его частые поездки на поездах, по металлическим рельсам, с исканиями, с поиском металла. То, что он находил и чему что-то отдавал, было не

сокровищем, за которое она приняла металлические рельсы, а людьми.

Деятельность во благо людей она, пропустив через свой ограниченный опыт, смогла

воспринять лишь как «быть врачом».

Также и «самое отдаленное место на земле» было одним из способов передать

дистанцию, отделяющую Шаха от других, а вовсе не географическим местом. И так

далее. Я записал лишь кое-какие детали ее прорицаний, какие-то фрагменты, —

сказано было гораздо больше, и многое хорошо вписывалось в известную нам

картину, которой она знать не могла.

— Даже если бы она просто больше читала, — произнес Шах, — то могла бы и

достичь большего, гораздо большего. Дополнительная информация не позволила

бы ей сделать некоторых ошибок.

Тем же вечером, встретившись с нами, он вернулся к этой теме, говоря о

необходимости иметь крепкий информационный фундамент. Все книги, которые

были им написаны или составлены, следовало изучать во всей их полноте.

Выборочное чтение и перепрыгивание через места, которые кажутся неинтересными, — бессмысленное занятие. Как обычно, он подвел черту, рассказав

историю, которую я записал сразу после встречи.

— Суфийские тексты и истории, — говорил он, — должно изучать целиком, а не

только интересные отрывки. Люди, поглощающие только то, что доставляет им

удовольствие, как правило, пленники эмоций, и потому легче поддаются

идеологическому внушению. Они не достигают необходимого состояния, в

результате которого человек в своем изучении может выйти за пределы обычных

ограничений.

Есть шутка, подчеркивающая и закрепляющая это в уме, — аллегория на

физическом плане.

В некоторых районах Северной Америки, когда начинается охотничий сезон, любители всех мастей устремляются в леса и палят из ружей почти по всему, что

движется.

Один местный фермер, уставший быть мишенью для дробовиков
стреляющих

напропалую горожан, написал на спине своей куртки: Я НЕ
МЕДВЕДЬ!

В тот же день, только он вышел на полянку, раздался выстрел — кто-то
стрелял в

него, но промазал. Он подбежал к воскресному охотнику и заорал:
«Куда ты

лупишь? Не видишь, что ли, надпись у меня на спине?»

Охотник прочитал написанное и сказал: «О, извините! Я пропустил
слово НЕ! »

Всего через несколько дней нашего пребывания в Афинах к нам
присоединился

представительный молодой немец по имени Гюнтер Шмидт, юрист, с
большим

опытом занятий в духовных группах. Я спросил его, как он пришел к
суфийскому

Пути. Подобно многим из своего поколения, Гюнтер, ощутив в душе
смутный

протест против материализма окружавших его людей, начал поиски
некой высшей

реальности и отправился в Индию.

«Я был глубоко потрясен, — начал свой рассказ Гюнтер. — Сам воздух
этой страны, казалось, буквально пропитан мистицизмом и магией. У
меня создалось

впечатление, что некоторые гуру — настоящие чудотворцы».

Услышанное показалось мне странным, поскольку совершенно другую версию

Индии мне представили сами индусы, почти наверняка суфии высокой ступени, и я

поспешил заметить ему об этом.

— Давайте я расскажу вам это по-своему, — сказал Шмидт. — Во-первых, я был

глубоко потрясен; но вы поймете из дальнейшего, что мне пришлось усомниться в

достоверности своих чувств. От друзей в Германии я узнал имя человека в

Калькутте, о котором говорили, что он прекрасно разбирается во всех местных

делах. Приехав в Индию, я нашел его. Он дал мне большой квадрат из шелка, весь

испещренный таинственными знаками, который, по его словам, должен послужить

мне чем-то вроде рекомендации для большинства подлинных мистиков.

Вооружившись квадратом, я начал большое турне по индийским святым. Я был

также проинструктирован, что при встрече с гуру следовало приблизиться к нему с

величайшим почтением, а затем развернуть перед ним мой шелк. И, похоже, этот

способ представляться работал безотказно. Гуру оказывали мне высочайшее

внимание. Поражало то, что подавляющее большинство из них рассказывали все

обо мне, о моем прошлом и устремлениях, — они касались таких подробностей

моей личной жизни, о которых никоим образом не могли знать. Конечно, ожидалось, что перед уходом я сделаю пожертвование.

В мой первоначальный маршрут не входило посещение одного суфийского центра; но я слышал о нем и, оказавшись поблизости, заехал. Впечатления он не произвел.

Никто не обращал на меня особого внимания, никто, похоже, не был в состоянии

читать мои мысли, и никто, кажется, не воспринимал мой шелковый флаг в качестве

рекомендательного знака.

Я посетовал на это какому-то человеку. Он посмотрел на меня и сказал: «Вас зовут

Гюнтер Шмидт. Вам сорок три года. У вас три сестры. Вы должны пожертвовать

этому центру не менее тысячи немецких марок. Я дам вам мантру, повторяйте ее, и

она принесет вам успех, счастье и самореализацию — ведь такова цель ваших

искренних поисков...» И он еще некоторое время продолжал говорить в том же духе.

Я пробормотал что-то вроде: «Это беспримерная демонстрация психических сил, о

которых можно только мечтать. Должно быть, вы прошли обучение у одного из

величайших гуру».

«Не совсем так, — сказал он, — просто я изучал санскрит и перевел вам выдержку

из того, что кто-то написал на вашем шелковом флаге».

— Но какой же смысл, — не удержался я, — в таком обмане для человека из

Калькутты? Ведь, в конце концов, он не получал от этого ни денег, ни власти...

— Это интересная деталь, — ответил Гюнтер. — Он забавлялся таким образом.

Кураж для него — дороже денег. Вот один из уроков этого опыта.

Я знал, что Гюнтеру Шмидту уже приходилось путешествовать вместе с Шахом, и

надеялся услышать и другие хорошие истории из его запасов. Поскольку речь

зашла о сомнительных трюках, мне пришло в голову спросить, а не знает ли он

случая, чтобы и Шах когда-нибудь использовал какое-нибудь жульничество. Он

рассмеялся.

— Жульничество жульничеству рознь. Ладно, расскажу вам, на какое жульничество

способен Сейид Шах. В конце рассказа вам станет ясно, что я имею в виду...

Мы с Шахом ехали поездом дальнего следования, и на первой же станции в наше

купе зашел мужчина, который сразу узнал Сейида.

Он заговорил с Шахом, перемежая лесть (ведь Сейид Идрис — очень важный

человек!) напыщенными воспоминаниями (ведь сам он тоже встречался с

величайшими учителями, странствуя по миру!) и незрелыми вопросами (ведь ему

надо знать, как преуспевать в мире, не теряя мира в душе!) Через полчаса подобных излияний Шах внезапно закатил глаза и застонал. Затем

он пронзительно завопил, схватил гранатовый сок и стал пить прямо из горлышка

бутылки, захлебываясь и издавая ужасные булькающие звуки. Незнакомец сначала

изумился, потом испугался. Когда же Шах конвульсивно скорчился и забился в

судорогах, этого мужчину уже не смог вынести и бросился бежать по коридору.

Сейид моментально вернулся в нормальное состояние.

«Вы чувствуете себя лучше?» — спросил я его.

«Намного», — ответил он.

Я спросил, почему случился припадок.

«Он случился потому, что я хотел, чтобы меня оставили в покое, и потому, что знал

— имея дело с подобным типом, нет другого способа добиться этого!»

— Есть английская поговорка, — подытожил Шмидт, — «каков вопрос, таков и

ответ». Вы спрашивали о жульничестве? Конечно, это тоже жульничество.

Гюнтер рассказал еще одну «железнодорожную» историю большой иллюстративной

ценности, хотя она — событие из реальной жизни, а вовсе не искусственно

созданная притча.

Гюнтер и Сейид совершали очередную поездку на поезде, и Шах разговорился с

несколькими студентами в купе. Сидевший в углу пожилой мужчина в разговор не

вступал, но внимательно прислушивался.

Когда Шах вышел в вагон-ресторан, молодые люди принялись живо обсуждать

поразительные идеи, которые он им подкинул. «Потрясающе, — воскликнул один из

них. — Такого я еще не слышал!»

И тут заговорил пожилой мужчина в углу. «Боюсь, вы слишком впечатлительны, —

сказал он. — Все, что расписывал тут наш попутчик, нахватано из нескольких

книжек, которые мне довелось прочесть. Должно быть, он тоже знаком с ними. Я с

первого взгляда понял, что это мошенник. Все, что он говорил вам, — причем с

таким видом, будто это его собственные мысли, — взято из книг автора по имени

Идрис Шах».

— Пока молодые люди обсуждали, где бы мог находиться этот самый Шах и каким

образом можно с ним связаться, — рассказывал Гюнтер, — я хранил молчание.

«Как говорит сам Шах, — напоследок прокаркал надутый господин, — там, где есть

истина, неизбежно присутствует и имитация...»

— Этот опыт показал мне, — продолжал Гюнтер, — как вторичное «я» человека, раздутое тщеславием, может настолько загородить ему обзор, что он перестает

видеть если не очевидное, то, по крайней мере, возможное. В конце концов, человек

мог бы спросить у Сейида, где тот почерпнул свои идеи, или, скажем, не слышал ли

он о Шахе.

— На самом деле, — подытожил Шмидт, — вторичное «я» — это ключ; вернее

сказать, ключом является Учение. Путь Суфиев следует вставить в скважину того

замка, который мы называем командующее «я»...

Не могу вспомнить, как наша беседа свернула на отношения между учеником и

учителем, — а речь зашла именно об этом, когда суфий из Сирии, явно человек

глубокого понимания и длительного опыта, вступил в разговор:
«Позвольте задать

вам вопрос. А почему следует оказывать своему учителю знаки почтения? Зачем

беспокоиться о том, чтобы вставать, когда он входит в комнату? По какой причине

вы служите ему, оказываете ему уважение?

Если ученик, в сравнении с Мастером, находится на столь низкой ступени, то какое, в конце концов, значение для столь высоко стоящей личности может иметь

уважение учеников?»

Последовало несколько нерешительных попыток ответить, но ни одна не

удовлетворила сирийца.

«Ладно, давайте я сам отвечу на этот вопрос; ясно, что вы не знакомы с понятием: поставить себя в положение или занять позицию.

Чтобы попасть в комнату через низкую дверь, вам придется
наклониться. Если вы

начнете думать, что в таком поклоне проявляете раболепие, — хотя это
просто

необходимость, — вы так и не сможете войти в дверь. Эта дверь — и
есть ваш

учитель.

Вашему учителю нет никакой пользы от вашего уважения, потому что
это лишь

уважение, и только; всю пользу получаете вы. Стало быть, если вы не
почитаете

своего учителя, то не можете и учиться, а значит, в убытке останетесь
именно вы.

Мастер же, в случае если вы способны у него учиться, получает лишь
возможность

выполнять свою работу. Настоящее уважение к учителю, однако,
приходит на

гораздо более поздней ступени, когда вы уже в состоянии оценить для
себя его

безмерную важность.

На этом этапе возрастает и ваша способность к уважению, так что вы

действительно начинаете уважать роль учителя и его бытие гораздо
сильнее, чем

это в принципе было возможно прежде, пока вы еще находились на
этапе

обучающегося...»

Каждый день приносил новый опыт, новые истории. Я чувствовал, что мое решение

записывать хотя бы то, что можно записать, было правильным.

Лишь много, много позже и задним умом я смог постичь действительную ценность

таких записей — как для других, так и для себя самого — и соотнести их с чем-то

таким, о чем Шабистари в своем Тайном Саду говорит: «Из капли воды может

родиться сотня чистейших океанов».

Глава 4. МОЛНИЯ И ДУБ

Ступени таковы:

смятение, затем нужда,

затем единение, затем смятение.

Дхун Нун, со слов Калабадхи

Насколько мне известно, агиография⁵ Идриса Шаха не написана, и писать ее не

планируется. Но материал для нее легко найти в обилии журнальных статей, газетных сообщений, в светских хрониках и бесконечных разговорах во всех уголках

Земли.

Кажется, где Шах, там непременно что-то случается, и никогда не покидает

ощущение, что в этих событиях, хотя они и выглядят как совершенно ординарные, присутствует некое особое внутреннее содержание, которое встряхивает их

участников. Наверное, не зря говорится, что «суфии работают непрерывно», и для

Шаха самое обычное повседневное общение с окружающими означает благоприятную возможность «работать» — то есть создавать в людях повышенную, более глубокую осознанность.

Проведя некоторое время в обществе Сейида Идриса, я стал подозревать, что его

способность воздействовать на окружение не ограничивается учениками и близкими

друзьями. Как только предоставлялась возможность «переключить» кого-нибудь —

кого угодно — из состояния автоматического, привычно обусловленного поведения

в состояние легкого шока, который позволял человеку (пусть временно) увидеть

происходящее с объективной точки зрения, Шах почти всегда использовал этот

шанс. Его действия производили эффект, неким тонким образом отличающийся от

всего, что можно почувствовать при естественных человеческих контактах. У этого

необычайного явления была такая интересная особенность: так происходило, даже

когда Шах сталкивался с людьми, не подозревавшими, что он «кем-то» является, или вообще ничего не слыхавшими о суфиях.

Казалось, вокруг этого человека неизбежно должна устанавливаться и сгущаться

атмосфера арабских сказок 1001 ночи. На Востоке подобный микроклимат и сегодня

не является чем-то курьезным, но как все это будет воспринято, ломал я себе

голову, на Западе? До какой степени классическое поведение суфия может

шокировать британца? Тут как раз стало известно, что Шах возвращается в Англию

и я еду с ним.

Вскоре — почти с первых же часов пребывания в Англии — я увидел, что действия

оставались такими же, а результаты идентичными. Суфийские техники редко

нуждаются в переводе на язык той или иной культуры.

Наше прибытие совпало с самой длинной полосой жаркой и безоблачной погоды, какая только наблюдалась в Англии за последние годы. Весь вечер Шах поливал

растения.

На следующий день, перед ланчем, я стоял у входа в главный дом, а Сейид Идрис

усердно работал лейкой. И тут на своем служебном лимузине подъехал член

Британского кабинета министров, уже несколько месяцев добивавшийся

приглашения. Шах подошел к нему и сказал: «Здравствуйте. Присоединяйтесь —

будем поливать цветы».

Все мыслимые оскорбленные чувства в мужчине рвались наружу, и он прорычал:

«Вам следует знать, что я — член правительства Ее Величества».

Сияя лучезарной улыбкой, Сейид ответил: «Да, я знаю, и вы знаете; но лейка об

этом не догадывается, да и засухе ничего об этом не известно. Вот увидите, у вас

получится, и не хуже, чем у любого другого».

5 Агиография — житие святого. *Прим. редактора.*

История, рассказанная Льюисом Ф.Кортландом, иллюстрирует скорость мышления

Шаха. Шла беседа о справедливости и несправедливости в мире, и было высказано

предположение, что зачастую несправедливость — не более чем безрассудство.

Кто-то, имея в виду знаменитую сообразительность Шаха, обратился к нему: «Не

могли бы вы проиллюстрировать это историей, скажем, слов этак... из восьми?»

— Конечно, — ответил Шах. — «Скорее, голубчик, отойди в сторонку», — сказала

молния дубу!

Часто создавалось впечатление, что вокруг Шаха, где бы он ни появлялся, постоянно возникают ситуации, словно бы целиком взятые из восточной

классической литературы. Известный религиозный деятель из Центральной Азии

Ишан Нурхан Гамидов поведал об одной из них. В ней явно ощущается привкус

уместности и драматизма, который заставляет вспомнить о поведении древних

суфиев. Вот она.

Действие происходило в середине 60-хб; зал Багдадского университета был

переполнен собравшимися послушать профессора, чья главная, неотложная

задача, казалось, состояла в разоблачении Идриса Шаха, который «возможно, даже

и психолог, но уж никак не мудрец».

Когда профессор закончил свою обличительную речь, раздались оживленные

аплодисменты. Шах тоже сидел в зале, но хранил молчание. Неожиданно в

противоположном конце аудитории поднялся один из присутствовавших ученых —

невысокий спокойный мужчина, державшийся с достоинством, — и задал лектору

вопрос: «Если Идрис Шах таков, как вы его описываете, — обыкновенная заурядная

личность, — то почему вы говорите о нем как об истинно великом человеке?»

Профессор потоптался на месте, после чего сказал: «Мое окончательное

разоблачение означает, по-вашему, "говорить как об истинно великом человеке?"»

Тогда тихо, но так, что голос его достигал самых дальних уголков зала, ученый

произнес: «Можно мне узнать имя хотя бы одного истинно великого человека, о

котором бы не говорили подобным образом?»

Наступила тишина, которая затем была внезапно взорвана бурными

аплодисментами. «А мне, — рассказывал Гамидов, — пришли на память слова, произнесенные более тысячи лет назад суфием Джунайдом из Багдада: "Никому не

удастся достичь ранга Истины, пока тысяча искренних во всех прочих отношениях

людей не засвидетельствуют, что он — еретик"».

А вот фраза, произнесенная некогда Руми: «Суфии работают, даже когда, по

видимости, ничем не заняты», — тоже получила свое подтверждение в реальной

ситуации, когда я жил в доме Шаха, и показала, что даже
неодушевленные

предметы могут принимать участие в этом процессе! Шаха не было
дома, а я

разглядывал книги, в огромном количестве заполнявшие его кабинет.
Вошел Анвар

Бег, который, как и я, сопровождал Шаха при переездах с Кипра в
Афины, а затем в

Южную Англию, и спросил, чем я занят. Я ответил, что смотрю,
какого рода книги

читает Шах, и весьма озадачен странным их подбором — как мне
кажется, лишенным смысла.

6 Имеются в виду 60-е годы XX века. *Прим. переводчика.*

Анвар рассмеялся. «Совершенно безосновательное предположение, —
сказал он.

— Ты решил, что эти книги могут рассказать тебе о читательских
вкусах Шаха. На

самом же деле они тут для того, чтобы давать ему сведения о тебе. Я
уверен, что, когда ты был здесь вместе с Шахом, твой взгляд пробежал
по названиям этих книг.

Можешь не сомневаться — все названия, которые ты пропустил, как и
те, на

которых твой взгляд задержался, были замечены Шахом, и это учтено
при оценке

ТЕБЯ».

Такое умение разворачивать происходящее «задом наперед», в порядке, который

кажется обратным нормальному, — обычная суфийская практика. Анвар привел мне

другой случай, о котором ему поведал Шмидт.

Шах с несколькими своими спутниками гостил у немецкого аристократа в его замке

на Рейне. Чуть дальше по реке стоял еще один замок, в котором жил

промышленник, гордившийся своей принадлежностью к международным

«джетсетам»⁷. Он услышал о «мистиках», приехавших к соседу, и надумал

повеселить своих собственных гостей, выставив друзей соседа дураками. Итак, он

пригласил аристократа и тех, кто у него гостил, провести день в его замке. Шах и его

спутники согласились.

Тем временем промышленник объявил своим гостям, что завтра к ним приезжает

«метафизический цирк», и сочинил соответствующую историю; но когда «цирк»

приехал, эффект получился прямо противоположный.

«Клоунами» оказались четверо германских аристократов — представители

известных династий, несколько высших официальных лиц и прочие персоны, известные в международных кругах. Промышленник, чья шутка не удалась, позднее

с грустью признался одному из своих друзей: «В этой компании я чувствовал себя

просто деревенщиной».

Шмидт рассказывал, что ему стало так жаль незадачливого хозяина, что он

почувствовал побуждение хотя бы проиграть ему партию в шахматы: «Он был

настолько слаб, что я с большим трудом ухитрился сделать это...»

Еще когда мы были на Кипре, я познакомился с фермером, давно знавшим Шаха.

Он рассказал мне, что в течение ряда лет Сейид Идрис имел обыкновение

приезжать на остров каждое лето и совершать долгие прогулки по полям.

С наступлением осени, когда его очередной визит подходил к концу, он вручал

фермеру мешочек пшеницы и говорил, чтобы тот пустил ее на семена.

Как ни странно, — рассказывал фермер, — каждый год зерно, которое он мне давал, приносило особенно большой урожай. Вскоре разница стала столь заметной, что

другие фермеры начали просить меня и им отсыпать сколько-нибудь этих семян.

Постепенно урожай по всей округе намного увеличился.

Наконец, — вспоминал фермер, — я спросил Шаха, что это за магия, с помощью

которой он год за годом умудрялся повышать урожай пшеницы. «Нет ничего проще,

— ответил он. — Гуляя по полям, я срываю самые большие и спелые колосья, какие

нахожу. Просто я возвращаю тебе твою же собственную пшеницу, только

специально отобранную. Ведь очевидно, что лучший материал каждый раз будет

приносить и лучший урожай». Это самое последнее, что могло бы прийти нам в

7 Jet set (англ.) — элита, «сливки общества». *Прим. переводчика.*

голову, хотя мы провели долгие часы в кафе, гадая, как же ему удалось это

сделать...

Посетителями западной штаб-квартиры Шаха бывали суфии со всех концов мира, оказавшиеся проездом в Англии. Там можно было встретить и очень много

новичков, написавших Сейиду после прочтения каких-то из его книг. В связи с

«правильностью» подхода их ненадолго приглашали в Англию. Представленные

Шахом идеи суфизма вызывали отклик даже в таких уголках планеты, где ни один из

десяти языков, на которых изданы его книги, не был в ходу.

Во время моего пребывания у Сейида Идриса мне довелось вступить в контакт с

большинством его посетителей и, как я и предвкушал, услышать бесчисленные

истории «про Шаха».

В некоторых из этих историй он представлял человеком действия (иногда весьма

значительного по своим масштабам), в других изображен как тот, кто достигает

нужного результата, просто ничего не делая.

Один из этих коротких рассказов о его «действиях» мог бы идеально вписаться в

атмосферу таинственного Востока времен Гаруна ар-Рашида — на самом же деле

все это происходило в 1970-х.

По свидетельству египетского врача, Шах однажды нанес сокрушительный удар

самолюбию одного высокомерного чиновника некой арабской страны. Сейид Идрис

объявил — и позаботился о том, чтобы все его слышали, — что никогда не станет

угощать этого человека. На Западе в этом не было бы ничего особенного, но в

арабском мире не угостить кого-то, если во время трапезы он оказался под крышей

вашего дома, — практически невозможно. И вот чиновнику пришла в голову идея.

Если ему удастся каким-то трюком заставить Шаха дать ему еды, он сможет

похвастаться перед друзьями, что заставил суфия проглотить собственные слова.

Как-то поздним вечером этот человек зашел в дом, где Шах обычно останавливался, и просто уселся в кругу его слушателей. Как раз наступило время

трапезы. Сейид отдал какие-то распоряжения и, как обычно, для всей компании

была принесена еда.

Чиновник обратил внимание, что еда отменная, но ее было немного. Он, заранее

торжествуя, с большим удовольствием съел свою порцию.

Придя домой, он сказал жене: «Ну, погоди, сама все услышишь, когда я буду

рассказывать друзьям, что произошло. Вот уж эти мне суфии с их хваленой

способностью видеть суть происходящего! Завтра всему городу станет известно, что он угощал меня чрезвычайно изысканными яствами. Согласен, еды было

маловато, но что-то уж слишком это роскошная трапеза для так называемых

искателей, ведь считается, что они блюдут воздержание».

«Прежде чем ты что-то предпримешь, — заметила ему жена, — должна сказать

тебе, что три часа назад сюда приходил один из людей Шаха и забрал у меня твой

обед. Я так поняла, что ты решил съесть его у них». Это событие до такой степени

сокрушило тщеславие чиновника, что он стал очень внимательным учеником.

Обычное представление о мистиках как о людях, удалившихся от мира, неприложимо к суфиям. Они являются, и в очень значительной степени, частью

мира, «покидая его» только для особых задач; их функция в том, чтобы действовать

в мире более эффективно, чем остальные люди. Обычно они держатся в тени, но

когда от них требуется решительное действие, подсказанное их особым

восприятием, они не задумываясь совершают его без какого-либо лицемерия.

Одно такое сообщение о Шахе как о человеке действия подтверждало это. Его

поведал журналист одной североафриканской газеты Си Слим Эрриффи. Дело

происходило в Танжере. Сейид Идрис вместе с тремя друзьями гулял по улицам

города, как вдруг свернул от них в сторону, подбежал к человеку, находившемуся на

проезжей части дороги, и нанес ему легкий удар сбоку по шее.
Мужчина крутанулся

на месте, его куртка распахнулась, и Шах, подобно фокуснику, извлек
из нее

бумажник.

Друзья Шаха пришли в ужас, убежденные, что их глубокоуважаемый
учитель

тронулся умом. В этот момент к ним подбежал другой человек, и
Сейид Идрис

вручил ему бумажник. А жертву нападения к этому времени уже не
было видно —

вор тут же дал стрекача.

Выяснилось, что когда Шах разговаривал со своими товарищами, он
вдруг

«увидел», как у человека похитили бумажник. С превосходным
мастерством выбрав

нужный момент, он вмешался, завладел украденным и вернул пропажу
хозяину.

Однажды Шах сослался на этот случай при обсуждении темы «Мир
как обман».

Суть была в том, что три его спутника видели лишь абстрактную схему
определенных событий — вполне реальных — и интерпретировали
увиденное

неадекватно и ошибочно. Это совершенная аналогия нашей жизни. У
нас нет

доступа к восприятию, способному охватить все вместе, то есть увидеть Единый

узор жизни, и потому все наши суждения опираются на абстрактные схемы, из

которых мы наугад складываем подобие целого.

Журналист Эрриффи был одним из наших гостей, когда я жил у Шаха в Англии, и я

завел с ним разговор на эту тему.

Он сказал: «Эту историю я привел, поскольку она иллюстрирует одну из

разновидностей действия, по-видимому, присущего суфиям. Во многих классических

рассказах вы обнаружите, что суфии не избегают действия, но, в отличие от

обычных людей, действуют всегда кстати.

Есть классическая история про суфия, который неизменно восседал там, где

обычно формировались караваны. При нем всегда находились лук и стрела. Купцы

вечно высмеивали полоумного суфия, который рассуждал о любви и мире, а сам, похоже, не гнушался орудиями насилия.

Однажды, откуда ни возмись, на собиравшийся в путь караван напали бандиты.

Суфий поднял свой лук и одним выстрелом убил их предводителя. После этого уже

не осталось желающих посудачить о непоследовательности его поведения. Однако

никому и в голову не пришло поинтересоваться, откуда этот человек узнал, что

скоро понадобится оружие... Ну и, конечно, в том же ряду знаменитая история про

Мусу (Моисея) и Хызра...»

На этом месте наш разговор прервали; но, по одной из тех случайностей, которых я

теперь уже стал ожидать, историю о Хызре и Моисее я услышал из уст Шаха

несколькими днями позже.

Между тем еще раньше мне довелось услышать другую историю из разряда

«человек действия», на сей раз от Криса Фергюссона — он собирал вырезки из

газет, касавшиеся Шаха. Брошюра, составленная из таких вырезок, была удобным и

действенным способом дать интересующимся представление о Шахе и его

нынешней суфийской деятельности. Множество запросов поступало из

университетов, где всегда есть ненасытная потребность в подобных материалах.

Мне кажется, эта история иллюстрирует не только превосходное понимание

психологии оппонента, но также и любопытный метод экономии усилий.

Когда в начале 1960-х присутствие Шаха на Западе впервые стало предметом

интереса «спиритуально-метафизических слоев населения», лидеры одного культа, обосновавшегося в Париже, задумали получить доступ к «секретам» Сейида

Идриса. Они командировали небольшую группу своих приверженцев в Лондон. Эта

команда, в лучших традициях тайных агентов, устроила свою штаб-квартиру в

фургоне, который они припарковали поблизости от жилища Шаха, и оттуда

фотографировали всех входивших и выходивших из дома людей.

Шах попросил своего друга, жившего во Франции, прислать оттуда телеграмму этим

«мистикам», следующего содержания: «В "Дом на колесах", припаркованный возле

дома №____, такая-то улица, Хемпстэд, Лондон, NW3. НЕМЕДЛЕННО УЕЗЖАЙТЕ

ТЧК подпись — ШЕФ»

Любопытствующие мистики исчезли.

— Должно быть, вам стало легче без них? — спросил Криса кто-то из присутствующих.

— Да, но не без потерь, — ответил он, — видите ли, из-за этого мы лишились денег

от продажи марок, а ведь деньги шли на благотворительные дела.

— Деньги за марки? — переспросил я.

— Да. Эти шпионы хорошо платили мусорщикам, чтобы те выуживали из помойки и

приносили им использованные конверты, адресованные Шаху, надеясь таким

образом отследить его переписку. Они прикинулись филателистами. Когда

мусорщики рассказали про это Сейиду, он попросил своих знакомых с разных

концов света почаще писать ему, а конверты сразу же отдавал мусорщикам с

условием, что те будут делиться с ним выручкой...

Эти истории — по существу акции суфиев — показывают не только то, что суфии не

презирают мирскую деятельность.

Суфии используют подобные действия — как ныне, так и вчера или столетиями

раньше, — чтобы переиграть оппонентов и заодно преподать объективный урок. А

суть в следующем: «Раз уж вы, в конце концов, к духовной сфере не имеете

никакого отношения, мы вынуждены отвечать вам на вашем языке».

Как-то раз, когда я находился с Шахом, пример такого подхода был разыгран прямо

у меня на глазах. К нам ввели прибывшего из-за границы безвольного, мягкодушного посетителя. Приняв крайне смиренную позу и потупив взгляд, мужчина тихим, почтительным голосом произнес: «Я здесь только лишь по одной

причине. Как слугитель Бога и миролюбец, умоляю вас научить меня тому, как

стать полностью неспособным ни на что, кроме смиренной кротости».

Шах посмотрел на него, потом куда-то в пространство и сказал: «Вам никогда не

приходило в голову, что если бы вы, каким-то образом изловчившись, стали

полностью неспособны на насилие, то оказались бы вообще ни на что не годны? Вы

не смогли бы даже вбить гвоздь в стену. У вас не получилось бы и почистить

собственные ботинки. Вы попали бы в полную зависимость от других людей, лишившись способности содействовать, как и подобает, их благополучию».

Благочестивый приверженец непротивления грустно удалился — все здание его

мировоззрения, по-видимому, рухнуло в одночасье.

Некоторые из этих историй кажутся тривиальными, но они зачастую проливают свет

на неожиданные аспекты. Они включают «действие» в контекст более широкий, нежели обычная жизнь. К примеру, о масштабе подобных

действий дает

представление история про Моисея и Хызра, о которой ранее упоминал Эрриффи.

Этот старейший сюжет считается одним из наиболее важных учебных сюжетов

суфизма.

Моисей, пересекая пустыню, повстречал человека, в котором узнал Мастера Хызра, известного как таинственный ангел или руководитель, обучающий все человечество

через тех, с кем он вступает в контакт. Великий суфий Руми разъясняет, что

«Моисей» — это просто название одной из частей человеческого существа; «Хызр», подобным же образом, означает нечто, что лишь в грубом приближении может быть

изображено в виде странствующего учителя.

Моисей спросил Хызра, нельзя ли присоединиться к нему в его странствии, и

Мастер ответил, что это возможно, но при соблюдении одного условия: любой

поступок Хызра не подлежит обсуждению и не должен вызывать вопросов.

Так они и договорились, после чего, пройдя вдвоем некоторое расстояние, достигли

широкой реки, пересечь которую можно было только на лодке. Одна лодка нашлась

— она принадлежала старику-перевозчику и была единственным средством его

существования. Хызр договорился с ним, что воспользуется этой лодкой для

переправы и привяжет ее на противоположном берегу.

Однако когда они с Моисеем благополучно причалили к другому берегу, Хызр

продырявил днище лодки и наполовину затопил ее прямо на глазах перевозчика, который, как нетрудно догадаться, посылал вопли и стенания вослед удалявшимся

путникам.

Моисей, обладавший достаточно тонким восприятием, отсутствующим у

большинства людей, узнал в Хызре Святую Сущность, однако был не в состоянии

понять, как может духовное существо и наставник в духовной сфере расплатиться

злом за добро. И он сказал об этом Хызру. В ответ Хызр лишь напомнил Моисею об

условии не задавать вопросов.

После этого какое-то время не происходило ничего особенного, пока они не вошли в

одну деревню, где попросили у жителей напиться. Никто не дал им воды; более

того, обитатели этого селения оскорбляли их и кричали, чтобы они убирались

подобру-поздорову, поскольку чужаков здесь не любят.

Пройдя селение и выйдя на его окраину, Хызр неожиданно остановился у

осыпающейся стены глинобитной хижины. Попросив Моисея помочь ему, он собрал

глину и привел стену в порядок.

— О Святейший, — сказал Моисей, — я знаю, что человек должен делать добро

врагам, но ведь очевидно и то, что нет нужды чрезмерно усердствовать в этом. Не

достаточно ли было просто воздержаться и не осудить их?

Хызр, однако, опять напомнил Моисею об их соглашении.

Достигнув другой деревни, путешественники увидели детей, игравших на лужайке.

Хызр подкрался к одному мальчику, схватил его и сжал так, что ребенок умер.

Это оказалось для Моисея последней каплей.

— О Великий и Святой Хызр, — сказал он, — я слышал, что существует Великий

Узор и что зло случается только для того, чтобы могло проистечь добро; но видеть

такое выше моих сил, ибо переживание чего-либо — не то же самое, что

размышление об этом. Твои действия я воспринимаю как ненормальные и

запретные. Поэтому, если ты не объяснишься, я вынужден буду покинуть тебя.

— Невзирая на наш уговор, — сказал Хызр, — я, конечно же, объясню тебе смысл

моих действий. Но когда я сделаю это, ты должен будешь немедленно оставить

меня, ибо показал, что не готов разделить с посланцами Невидимого Мира их опыт, будучи не в состоянии даже выносить его.

— Мне придется, — ответил Моисей, — покинуть тебя в любом случае; ибо

воспитание, которое я получил, сделало из меня человека все же более достойного, чем злодей, убийца или тот, кто за добро платит злом, и это воспитание вопиет во

мне в ответ на все, что ты совершил.

И Святая Сущность повел такую речь:

— Раз уж ты такой хороший человек, Моисей, тогда услышь, что во всем

случающемся всегда есть смысл и что ни одна часть Великого Замысла не может

быть полной без других его частей.

Я поступаю в согласии с Планом, который ты видеть не можешь. Даже в моем уме

отражается лишь часть этого Плана, ибо целиком он известен одному только Богу.

Но насколько твое знание больше знания абсолютного невежды, настолько же и

мое знание больше твоего. Это знание заставляет меня делать одно и не делать

другого, хотя мои действия кажутся тебе бессмысленными, точно так же как и твои

поступки могли бы озадачить совершенно невежественного человека.

Например, мне известно, что деспотичный правитель отдал приказ об изъятии всех

лодок, поскольку они ему понадобились, чтобы перевезти армию. Если бы лодка, которую я испортил, оставалась неповрежденной, царские слуги забрали бы ее и, конечно, никогда бы не вернули старику-перевозчику. Он умер бы от голода, так как

в своем преклонном возрасте уже не может обеспечивать себя пропитанием.

Теперь же воины увидят, что лодка непригодна, и не тронут ее. А вскоре один

плотник починит лодку, так что она еще послужит старику.

— А стена — когда за зло было отплачено добром — это что, просто жест, ради

моего наставления или ради приобретения заслуги? — спросил Моисей, почувствовав легкий стыд.

— Люди, живущие в той деревне, как ты заметил, порочны, жадны и жестоки. В

стене упрятан горшок с золотом, оставленный отцом для живущих там сирот. Стена

преждевременно стала разрушаться, а дети еще слишком малы и не могут

позаботиться даже о своем ветшающем жилище, не говоря уже о том, чтобы

уберечь золото, их единственное наследство. Мы с тобой починили стену, и теперь

она простоит точно до того времени, когда дети будут в состоянии вступить во

владение своим имуществом и сохранить его.

Моисей был поражен и начал осознавать, что в миссии Хызра действительно было

что-то неизмеримо важное. Но тут перед его глазами возникла картина

хладнокровного убийства маленького ребенка. Ведь не может быть, чтобы нашлось

оправдание подобному поступку!

— Мальчик погиб, — продолжал свою речь Святая Сущность, — точно так же, как

люди любого возраста ежедневно гибнут от болезни, случайности или убийства; в

данном же случае это произошло потому, что, останься этот ребенок в живых, ему

суждено было, возмужав, стать величайшим из злодеев, когда-либо живших на

земле. Миллионы таких же подающих надежды, любящих и любимых, умерли бы в

результате ужасов и кровопролития, которые он учинил бы.

Тогда Моисей упал на колени и закричал: «О Святая Сущность,
позволь мне

остаться с тобой! Позволь искупить мое невежество и глупость!»

Но Хызр был непреклонен, и Моисей остался пребывать в границах
своей

собственной малой части Великого Узора.

Большинство людей думают, что мистики — это те, кто следует по
пути, ведущему к

их собственному спасению, — как учит христианская традиция; или
те, кто обучает

учеников, — как принято считать в индуистской традиции. Да, и то, и
другое

относится к суфиям, но сами они особо выделяют свою мировую и
космическую

роль. Огромное число людей уверено, что суфии играют значительную
роль в

развитии человечества на нашей планете — в его таинственном
прошлом, настоящем и будущем.

Беседы за ужином в доме Шаха, хоть и были лишь малой частичкой
его

деятельности, играли важную роль, и их всегда с нетерпением
ожидали все, кто был

приглашен. На всех подобных суфийских мероприятиях лекция
является

инструментом, то есть построена таким образом, чтобы каждый раз, по
усмотрению

Шаха, оказывать на аудиторию определенное, точное воздействие. Разговор совсем

не обязательно должен носить описательный или информативный характер в

общепринятом смысле, как это обычно полагают новички.

В Англии я сделал любопытное открытие: иногда по воскресеньям, но не каждую

неделю, в шесть часов утра Шах проводил еще одну беседу в своей библиотеке. На

ней могли присутствовать все желающие. Эту встречу Сейид выстраивал так, чтобы

его слушатели могли увязать неким последовательным образом все, что было

сказано накануне вечером.

Через несколько лет один мой соученик, Эндрю Эллис, рассказал странную

подробность об этих утренних воскресных беседах.

Приглашенные на уикенд посетители обычно приезжали около полудня в субботу.

Затем до вечера они выполняли какую-нибудь предназначенную им работу, после

чего встречались за ужином, а по окончании трапезы слушали, что говорит Шах.

Эллис сказал мне: «Самое интересное, что многие годы практически ни один из

учеников, приезжавших на уикенды, даже не подозревал, что утренние беседы по

воскресеньям вообще имели место». Я спросил, как это могло быть, и он ответил:

«Ну, видишь ли, это было воскресное утро, когда большинство людей не

пошевелятся раньше девяти часов. А когда они приходили в себя, то начинали

готовиться к отъезду домой. Они были уверены, что уже выполнили норму и свою

порцию мудрости получили в субботу».

Эллис рассказал мне также, что сам Шах мог обходиться всего лишь тремя-четырьмя часами сна. Даже если ему не удавалось лечь до часу или двух ночи, он

все равно вставал в пять и несколько часов, пока вокруг никого не было, посвящал

работе. Таким образом он и смог писать по книге в год в течение 25 лет.

На всех без исключения, кому посчастливилось провести вместе с Шахом сколько-нибудь продолжительное время, производила сильное впечатление та самоотдача, с которой он относился к своей работе. Видя, сколько часов он ей посвящает, зная

огромную, мирового масштаба ответственность, лежавшую на нем, я вспоминал

цитату из Тайного Сада: «Совершенен тот, кто, будучи господином, выполняет

работу раба».

Его воздержанный образ жизни и минимальное количество личного имущества, которое он себе позволял, не всегда, конечно же, спасали его от обвинений в

использовании своего положения и влияния для «обустройства собственного

гнезда».

Один индийский гуру, попросивший Шаха дать ему интервью, очевидно, главным

козырем выбрал именно этот. Поняв, что шансы завербовать Шаха в компаньоны

своего собственного патента на мгновенное просветление равны нулю, индус

разразился нравоучительной речью о том, сколь роскошной он нашел обстановку

Сейида и как важно, находясь на истинно духовном пути, жить простой жизнью.

Гирлянды разглагольствований на эту тему он развешивал на протяжении всего

обеда, на который Шах пригласил этого гуру и одного арабского дипломата, гостившего у него в то время.

Кто-то заметил, что дом и земля вокруг дома Шаху не принадлежат, а стиль его

жизни ниже стандартного уровня среднего западного бизнес-менеджера. У Сейида, например, не было автомобиля. Однако гуру, хотя и успел, по неосторожности, обронить, что владеет недвижимостью в разных странах мира, глазом не моргнув

продолжал проповедовать воздержанность как важнейшую составляющую

благочестия.

Несколькими месяцами позже я присутствовал на ответном приеме, устроенном

Шаху арабским дипломатом в своем дворце на берегу Персидского залива. К моему

удивлению, дипломат разыскал и пригласил того гуру.

Образ жизни дипломата, как члена правящей династии, был сказочно роскошным.

Вертолеты подвозили свежие овощи. Позади каждого гостя стояли слуги. Вокруг

была великолепная обстановка и все мыслимые предметы роскоши. Шах, дипломат, гуру и я ели из тарелок чистого золота.

Когда блюда были убраны, араб повернулся к гуру и сказал: «Вы были так любезны, что отметили роскошь, в которой я живу, и поблагодарили меня за то, что я высрал

за вами частный самолет, на котором вы прилетели сюда из Бомбея. Как видите, я

человек состоятельный. Сейчас напротив вас сидит Идрис Шах, которого я считаю

своим учителем, а себя — его рабом. Как вы понимаете, я в состоянии обеспечить

ему уровень жизни в сотни раз более высокий, чем тот, который он избрал для себя.

А кроме меня в мире найдется еще с десяток не менее преуспевающих людей, готовых сделать для него то же самое. Но Шах никогда бы не принял этого от нас

для себя лично, и уровень его жизни, в сравнении с тем, каким он мог бы быть, —

это уровень жизни нищего».

Отношение суфиев к материальным благам как ныне, так и всегда заключалось в

том, что обладание деньгами, имуществом или же отсутствие этого не имеет

никакого значения. Важно только, какое воздействие все это оказывает на человека

и каким образом используется.

Стиль жизни Шаха породил немало интересных историй. Вот эту он рассказал мне

сам.

— Когда я переехал в Сейнт Джонс Вуд, то чтобы оповестить о своем возвращении

в Лондон, я попросил кого-то разослать, как это принято, мою визитную карточку

членам Дипломатического корпуса.

В типографии, однако, допустили ошибку, и в адресе вместо слова «роуд»

напечатали «плейс», так что в разосланных карточках значился неверный адрес.

Один родственник моей жены, получивший такую карточку, решил навестить нас.

Позже он рассказывал, как пытался разыскать наш новый адрес где-то в Килбурне, который прилегает к Сейнт Джонс Вуду, и насколько был шокирован, увидев, в каких

отвратительных трущобах мы живем.

Я поискал по карте и убедился, что в Килбурне действительно существует «плейс» с

таким же названием, и любопытства ради отправился туда взглянуть, что за

ужасная картина открылась моему родственнику, когда он посетил мое «жилище».

Зрелище оказалось и в самом деле весьма пугающим.

Я толкнул дверь подъезда обшарпанного многоквартирного дома, под тем же

номером, что и дом в Сейнт Джонс Вуде, и обнаружил целую коллекцию визитных

карточек, изящно расставленных на мусорном ящике. На них значились имена

послов, которые, получив мою карточку, с надлежащей вежливостью отметили это

место визитом...»

А теперь только представьте себе, что какой-то человек, узнав со слов гуру о

неумеренной роскоши Шаха, встречается вдруг с одним из послов, посетивших его

трущобу... Хотел бы я, мухой на стене, незаметно присутствовать при их беседе.

Экономность суфийского подхода к действию, конечно же, является здесь одной из

наиболее ценных характеристик. Эту историю — как шутку или застольный анекдот

— можно пересказывать и наслаждаться ею где угодно. Она послужит и для того

также, чтобы сказать, если есть кому услышать: «Избегайте ассоциативности, которой грешат даже послы». Из нее можно извлечь и такой смысл: человек

способен оставаться учтивым, при этом будучи лишен восприимчивости, а также: за

любым и каждым вполне обыкновенным явлением могут скрываться реальности

высшего уровня...

Глава 5. ОБУЧЕНИЕ ЧЕРЕЗ ИЗУМЛЕНИЕ

Закрывай лишь те двери,

которые сможешь открыть.

Хазрат Али ибн Абу Талиб

В наше время многие понимают, что большинство образовательных систем

является атавизмом, унаследованным от средневековых монастырских времен, когда каждого ученика грузили накопленной информацией в полном ее объеме, чтобы тот, в свою очередь, мог в качестве учителя передавать это знание дальше.

Теперь, конечно, мы уже нерасторжимо связаны с такой суперструктурой, и

современное техническое образование — это фактически тренинг. Обучение в

научной сфере существует в более продвинутой форме, но оно слишком

специализировано и мало озабочено привлечением в учебу методов, основу

которых составляет интуиция или прямое восприятие.

Правда, на Западе сохранились намеки на некий тонкий элемент, присутствующий в

учебной ситуации, — например, идея, что подмастерье получает от мастера

«нечто», существующее независимо от теории и практики ремесла. Признание того, что подмастерье получал это самое «нечто», в стародавних ремесленных гильдиях

символизировалось прохождением определенных церемоний «передачи».

И все же идея, что есть не только усовершенствованные процессы изучения, но и

особые методологии, с ними связанные, нигде не пользуется популярностью.

Примеры из литературы, где бы упоминалось это неуловимое качество, редки, но я

натолкнулся на отрывок, свидетельствующий, что автор, по крайней мере, о чем-то

таким догадывался.

В своей работе «Возращение магов» Морис Мэгре пишет: Вероятно, люди могут учиться, лишь будучи в состоянии изумления. Но для многих

средних, рассудительных людей мудрость — это что-то вроде скучной проповеди, а

мудрецы должны быть похожими на священников. Для таких людей ханжество, лицемерие и отвратительнейшая рабская покорность ритуалу, привычке и

предубеждению — насущные добродетели. Когда же случается, что подлинный

мудрец, ...мистифицируя своих современников, приволочится за женщиной или

беспечно поднимет бокал, ему неизменно выносит порицание армия

недальновидных заурядностей, чьи мнения формируют отношение к нему потомков.

Между тем техники из той области, что называется изучением высшего порядка, известны суфийским психологам уже сотни лет, и одна из них — обучение

посредством изумления.

Во время моего пребывания в Англии я видел примеры такого обучения, и было

интересно наблюдать, как английское чувство юмора и традиционная эксцентричность британцев способствовали принятию ими этой техники.

Там я встретился с человеком, который одним из первых примкнул к Шаху, когда тот

появился на Западе в качестве учителя. Человек этот поведал такую историю.

В те дни многие из нас часто проводили время в обществе Сейида. Мы вместе

ходили в рестораны, беседовали в кафе и т.д.

С самых первых наших встреч я относился к Шаху с уважением, однако

обстоятельства тех дней способствовали некоторой близости во взаимоотношениях, и скатиться до простой фамильярности ничего не стоило.

Однажды вечером мы выходили из кафе. Шах, обернувшись ко мне, что-то говорил, а я шел чуть сзади. Мы уже собрались было пройти через дверь на улицу, но тут

мне показалось, что Сейид не видит человека, входящего в этот момент в ту же

дверь.

Чтобы предупредить Шаха, я положил ему руку на плечо. Делая это, я уже тогда

почувствовал, что допускаю фамильярность, однако, прежде чем эта мысль

оформилась в моей голове, произошло нечто странное. Лишь только моя рука

коснулась его плеча, он, казалось, взмыл вертикально вверх фута на два. Иначе это

и не назовешь — именно вертикально взмыл. В следующее мгновение мы оба

оказались уже за дверью на улице; Шах, как ни в чем не бывало, продолжал

говорить.

Разница между нами, дистанция, соответствующая нашим уровням, была

обозначена для меня органически, во мгновение ока. Тысячи слов никогда бы не

оказали на меня столь потрясающего воздействия, как то, которое я получил тогда

столь необычным образом. Эффект этого воздействия я ощущаю и по сей день. Это

было обучение действием с применением, в данном случае, метода изумления.

Способом, гораздо более ясным, чем это можно сделать словами, мне было

сообщено следующее: «У вас есть определенные ожидания. Вы предполагаете, что

за одними событиями непременно последуют другие. Вам придется усвоить, что

здесь ваши ожидания неуместны...»

Надо сказать, что при обучении действием с помощью изумления не всегда

прибегают к драматическим событиям на физическом плане.

Столкновение, разбивающее обусловленную позицию человека, может

произойти и в ментальной

сфере, однако изумление остается столь же действенным инструментом. Находясь

в Англии, я много раз был тому свидетелем. Первый случай связан с одним

священнослужителем.

Человек этот был своего рода энтузиастом. Суфийские идеи обрушились на его

весьма механистичную личность с силой подлинного откровения. Подобно многим

таким людям, он жаждал проповедовать эти идеи, не осознавая своей

ограниченности и даже не задаваясь вопросом, можно ли в таком деле вообще кого-нибудь вербовать. Священник хотел, чтобы концепции, столь его поразившие, нашли свое выражение в учении Англиканской Церкви! Он был убежден, что они, скорее всего, уже проникают в Церковь, в силу их важности, в силу того, что они

опубликованы в книгах Шаха и излагались в религиозных программах по радио и так

далее.

— Я нахожусь под огромным впечатлением от верительных документов вашей

родословной и от ваших собственных достижений, — сказал он Шаху.

— Мы на

Западе зачастую считаем, что старинные знатные фамилии, ну, выдохлись, что ли, и толку от их представителей немного. А вы — представитель древнейшего рода, вы обладаете полномочиями, подтвержденными безупречными верительными

грамотами, да и сами произвели сильное впечатление на широкие круги

современных ученых. О вас снимают фильмы и делают TV-программы. Вашим

книгам уделено так много внимания в Times Literary Supplement (Литературное

приложение к газете «Таймс»).

Шах ответил, и мне никогда не забыть изумления, с которым священнослужитель

воспринимал его слова:

— Каковы бы ни были причины всего, что вы здесь упомянули, умоляю вас, подумайте еще раз. Возможно, как вы сказали, у меня и верительные грамоты, и

успех, а как же быть людям, у которых нет всего этого? Вы говорите, что находитесь

под впечатлением. Наверное, вы обожаете рекомендательные документы. Однако, прошу вас, зафиксируйте, по крайней мере, у себя в голове, что я выступаю

ходатаем за тех, у кого нет верительных грамот, за тех, кто не произвел на вас

никакого впечатления. Почему бы вам не попытаться оценивать людей напрямую, не опираясь на их репутацию и достижения? Представьте себе двух человек, идущих по улице. Один из них в форменной одежде, и люди поглядывают на него с

уважением. На другом обычная одежда, и никто не обращает на него внимания.

Располагаете ли вы хоть какими-то средствами, чтобы определить, кто из них, как

человек, лучше?

Бедняга открыл рот, потом закрыл. Потом пробормотал: «Мне нужно время, чтобы

обдумать это...» — и удалился.

Он вернулся на следующий день. «Когда я понял, что вы вчера имели в виду, —

сказал он, — мне захотелось отбросить внешнее и выяснить, как научиться

распознавать людей, а не цепляться за форму их одежды. Даже достижение — это

своего рода униформа. Теперь я понял».

Шах пожал ему руку. «Прочтите книги заново и не теряйте с нами связи», — сказал

он на прощанье. Мне же пояснил: «Это нормальный парень, но его главная черта —

любопытство. Духовность заботит его во вторую очередь. Подобная человеческая

черта достойна изучения. Любопытство представляет ценность только тогда, когда

вы знаете, что сможете воспользоваться ответами на свои вопросы.

Один из моих учителей, — продолжал Шах, — создал наглядное пособие, для того

чтобы донести до людей эту идею. В его учебном зале была впечатляющей красоты

надпись, выполненная в трудном для прочтения куфическом стиле. Буквы были

выделаны золотом, и высота каждой из них достигала, по меньшей мере, человеческого роста.

— Что это означает? — обычно спрашивал какой-нибудь посетитель.

— Это нечто такое, с помощью чего мы поддерживаем работу этого центра в

течение многих лет.

— Да, но что же означает эта надпись?

— Вы можете пожалеть, что задали такой вопрос...

— И все равно я хочу узнать, что здесь написано!

— Отлично. Надпись гласит: "Всякий, кто проявит любопытство, захотев узнать, что

здесь написано, должен заплатить один золотой, чтобы напомнить себе правило: не

следует задавать вопросов до тех пор, пока нет восприятия, способствующего

извлечению пользы из ответов!"»

Некоторое время спустя тот же самый священник, переварив как прочитанное, так и

впечатления от встречи с Шахом, навестил нас опять. Он спросил:

— Интересно, а с какого рода оппозицией вам приходится сталкиваться со стороны

священнослужителей различных вероисповеданий?

— Если взять в масштабе всего мира, то существуют регионы, где не менее

половины священнослужителей фактически следуют суфийскому пути! — сказал

Шах.

— Это значит, что я мог бы работать с ними?

— Нет, это означает прямо противоположное. Они выполняют особые функции.

Перед ними стоят специфические задачи. У них нет ни времени, ни подготовки, ни

желания быть суфийскими учителями. Вы должны усвоить факт относительно

функции. Суфии — не бакалейщики, у которых есть товар и они захвачены

процессом его продажи и распределения. У капитана океанского лайнера может

быть инженерное образование, и, возможно, он применяет его в своей работе. Это

не означает, однако, что он возьмется чинить ваш электроутюг или что вам стоит

попросить его об этом. Чтобы избавиться от вас, он может сказать, что не знаком с

устройством электрических утюгов. Возможно, он даже заявит, что сам вид утюгов

ему отвратителен.

— Определенно, это новый поворот. Мне приходится признать, что я думаю

исключительно о себе. И даже — что я слишком любопытен, — сказал священнослужитель и покинул нас, потрясенный во второй раз.

Увидев, что меня и еще нескольких человек, бывших в тот момент рядом, впечатлил, и даже слишком, драматический эффект, полученный с помощью

техники изумления, Шах постарался объяснить нам, что «эффективно», как он

выразился, такой метод может применять только подлинный суфийский учитель.

Технику изумления, так же как и другие суфийские методики, копировали и

применяли неправильно. Бесплезное эхо подобной практики подхвачено и широко

воспроизводится эзотериками и лидерами разных культов, которые используют

экстравагантное и безрассудное поведение, чтобы вызвать изумление и тем самым

произвести впечатление на своих последователей.

— То, как многие из них используют изумление, — сказал Шах, — просто пародия.

Это ослабляет рассудок легковерных, которые окружают их, и еще больше

раздувает эго человека, применяющего к другим шок изумления.
Правильно

сказано, что стопроцентной пользы от подобного метода можно добиться лишь в

одном случае из ста.

Я спросил:

— При столкновении с очевидным применением такого способа обучения, как

определить, не обладая суфийским восприятием, подделка это или нет?

— Для вас, — ответил Шах, — было бы трудно разглядеть его подлинность. Но

увидеть подделку очень легко. Дело не в самой технике. Это вопрос оценки того, кто

ее применяет, что на самом деле просто. Подлинный суфий, как правило, сливается

со своим окружением. Почти всегда он кажется обычным, ординарным человеком, по меркам того общества, в котором действует. Поэтому не оценивайте сам метод.

Оцените того, кто им пользуется. Спросите себя: если я вечером приглашу этого

человека к нам на чай, сочтет ли его нормальным и приемлемым моя старая тетя

Мэгги? Если вы ответите «нет», то у вас есть ответ и на второй вопрос.

Шах, подумал я, вероятно, применял технику изумления и к нам, поскольку, пораженный его словами, я ощутил толчок и вдруг осознал, что теперь могу

классифицировать фактически всех лидеров культов и учителей эзотерических

групп, которых знал или о которых слышал.

— И кроме того, — продолжал Сейид Идрис, — техника изумления отнюдь не всем

может принести пользу. Прежде всего учителю необходимо оценить человека, к

которому он собирается применить ее.

Затем Сейид процитировал Наджми из Анталы: «Хотя цель — привлечь внимание

человека, но если человек не преобразован, его внимательность приведет к

нежелательным последствиям».

Поскольку обстоятельства позволяли мне подолгу находиться с суфием, я взялся

сравнивать мой новый опыт с прежними представлениями, а также с описаниями

других людей, которые побывали в аналогичном положении.

Мне был известен один пример, из книги Аркона Дарауля, опубликованной в

шестидесятих годах. Он довольно точно описал, как молодой англичанин учился у

суфия; однако в книге и суфии, и различные тайные общества свалены в одну кучу.

Такой прием в литературе дело обычное и, как я теперь узнал из личного опыта, неправомерное. Этот автор изложил также различные обучающие практики, в том

числе связанные с преднамеренным созданием в ученике замешательства и

смущения, однако при этом совершенно не упоминалось, что в реальном суфийском

обучении за такого рода замешательством следует просветление.

Вот отрывок из его книги:

«Не однажды задумывался юноша о том, что наставник его скорее безумен, чем

просто чудака. Учитель брал его с собой на продолжительные прогулки, во время

которых без усталости расписывал, как в один прекрасный день он откроет своему

ученику кое-что действительно стоящее, однако юноше следует запастись

терпением. Насколько велик должен быть этот запас? После их первой встречи

учитель иногда умышленно неверно истолковывал слова юноши, а затем упрекал

его в глупости. Если только задуматься над тем, как он испытывал ученика — на

терпение, такт, честность и просто на выдержку, — не оставалось сомнения, что

немногие выдержали бы такое, во всяком случае, в современной Британии... Внутри

ордена есть много путей, которыми может пойти новичок, — все будет зависеть от

его естественных склонностей: каков его внутренний потенциал, подлежащий

развитию посредством тренировки».

С другой стороны, я понимал, что книга эта сослужила хорошую службу: хотя

ученые-востоковеды все еще продолжали писать о суфизме как о некоем

любопытном явлении в исламе, которое расцвело и умерло на Среднем Востоке

столетия тому назад, — из материала книги становилось ясно, что суфийская

деятельность очень даже жива в двадцатом, нынешнем столетии, и притом в

Англии!

Один человек из нашей английской группы, по имени Халим Джан, был

соотечественником Шаха. Шах поручил ему растолковывать мне и некоторым

находившимся на той же стадии членам группы определенные смысловые уровни

текстов, бывших в ходу у суфиев на протяжении веков. Меня всегда интересовали

идеи добра и зла, и я был поражен суфийской фразой:
«Противоборствующие

явления находятся в согласии на ином уровне». Говорят, Руми был первый, кто

пустил ее в обращение.

Я полагаю, временами каждый чувствует: Вселенная, в конечном счете, должна

базироваться на принципе справедливости, но люди с самых первых шагов

осознавания сталкиваются с парами противоположностей, которые, кажется, никак

не вяжутся ни со справедливостью, ни с благожелательностью Вселенной: здоровье

и болезнь, триумф и крах, любовь и ненависть и т.д.

Я попросил Халима Джана прояснить мне утверждение Руми о противоположностях, которые являются, так сказать, партнерами, если увидеть их на ином уровне.

Он сказал:

— Я приведу пример из моего личного опыта; дело в том, что я получил ответ на

этот вопрос, когда так же задал его на начальной стадии моей учебы.

Суфийского мастера, с которым я был знаком, осаждали десятки людей, горевших

желанием стать его учениками. Он же, благодаря своему внутреннему свету, знал, что большинство из них все еще находятся на слишком низком уровне понимания и

не в состоянии приступить к учебе. Как он понимал, их мотивацией была жадность, не поддающаяся исправлению с помощью прямых методов, — по крайней мере, до

тех пор пока они сами не увидят ее, если вообще будут в состоянии это сделать.

Я сказал ему:

— А есть ли вообще надежда избавиться от такой публики, чтобы к вам могли

обратиться настоящие искатели? Сейчас складывается впечатление, что вас просто

засосет это болото, особенно потому, что всем известно — вы умеете творить

необычайные вещи, а это питает их жадность.

Он сказал:

— Можно воспользоваться необычайными вещами и для решения этой проблемы, в

то же время не увеличивая напора на меня подобной публики. Я хотел бы обратить

ваше внимание на то, что я сейчас сделаю.

Он поднял руки и с необычным тембром и в странном ритме выкрикнул: «Пусть тот, кто ищет Истину, найдет Истину, и пусть тот, кто ищет нечто меньшее, чем Истина, найдет то, что ищет».

Казалось, ничего не произошло, и вопрос этот мы больше не обсуждали. Я

отправился в путешествие и в течение почти трех лет не навещал учителя. Когда же

я вновь посетил его, то был удивлен, обнаружив, что от многочисленных

непрощенных поклонников не осталось и следа. Каким-то образом они рассеялись, а

вокруг учителя были люди уже совершенно другого типа. Атмосфера полностью

изменилась, и школа реально действовала.

Что же вызвало столь радикальные перемены? Я сгорал от любопытства и, как

только представилась возможность, испросил разрешения учителя задать ему

вопрос.

— Лучше позвольте мне сразу же дать ответ, — сказал он, — поскольку чувствую, вы по-прежнему хотите узнать то, о чем думали во время нашей последней встречи.

— Да, именно об этом, — сказал я.

— Хорошо, вот ответ. Я нуждался в том, чтобы толпы людей, добивавшихся моего

внимания и взиравших на меня как на источник собственного удовлетворения, оставили меня в покое, а ищущие Истину нашли ее. Не мое дело предлагать, как

этому следовало бы произойти, моим делом было попросить, чтобы это произошло.

Только я обратился за необходимой помощью, как ситуация стала меняться. Откуда

ни возмись, явилось множество имитаторов, слышавших про меня или читавших

обо мне. Вместо того чтобы оказать поддержку, они стали усиленно оттеснять меня, предлагая всякому, кто готов был их слушать, такую наживку: они, мол, дадут

«истинное объяснение всему, что мне так и не удалось сделать». Их вдохновляли

самые разные мотивы: самообман, тщеславие, непонимание, одержимость и т.п. Их

желания, по большей части, коренились в жадности.

Как вы, возможно, знаете, жадность взывает к жадности. Лишь только они стали

предлагать свой товар, как те люди, которых вы однажды здесь видели и чья

жадность сидела на голодном пайке, развернулись в сторону обманщиков и

самообманывающихся учителей. Они бросились к ним, подобно воде, хлынувшей

вниз по склону горы, и теперь все счастливы. Ныне имитаторы окружены учениками, последние чувствуют свою важность, я же обрел мир и спокойствие.

— Однако, — пробормотал я, — неужели вас не заботит благополучие обманутых и

обманывающих себя? Пусть вы и отделались от тех, кем движут низкие желания, но

разве по отношению к ним у вас нет никаких обязательств? Правильно ли

поддерживать имитаторов, снабжая их учениками?

— Друг мой, — ответил он, — я ведь уже говорил вам, что не в моих силах

трансформировать тех, кого терзает необходимость проявить и заметить

собственную жадность. Сделать это они могут только путем проб и ошибок, следуя

своим склонностям. Этот мир отчасти и существует, чтобы обеспечивать таким

опытом. Те, кто ищет Истину, будут продолжать искать ее, благодаря своей

способности чують Истину. Те же, кто отвлекся на мошенников и актеров, были — и

по большей части еще остаются — теми, кто ищет «меньшее, чем Истина», что они

и находят. Когда их посетит подлинное желание реального, тогда они поймут, где

это реальное искать, и найдут его.

Итак, — продолжал мой учитель, — теперь вы знаете ответ на вопрос «как

противоборствующие элементы могут работать совместно». Люди, которые

противостояли мне, неосознанно работали совместно с нами,
взваливая на себя

наше бремя — нечестных людей. До тех пор пока самообманувшиеся
люди

остаются таковыми, по отношению к ним у нас нет долга, да мы, на
самом деле, и

не в силах им помочь. Все материалы, достаточные для того, чтобы
рассеять

невежество и помочь двигаться дальше, находятся в опубликованных
суфийских

историях.

Глава 6. КУЛЬТЫ

Дервиш сказал демону: «Что ты расселся тут

и злые дела свои оставил?»

Печально ответил демон: «Столько развелось

мнимых учителей, что я остался не у дел».

Гулям Хайдар

Рассказанная Халимом Джаном история о том, как суфий сумел
вернуться к своим

делам, поскольку псевдоучителя оттянули на себя искателей сенсаций
и те

оставили его с миром, в современной реальности воспроизводится до
сих пор.

Халим Джан был вовлечен в наблюдение и оценку «взрыва интереса к

окультизму», который прокатился по всем западным странам, действуя на умы в

течение почти двадцати лет.

Примерно года с 1960-го массы людей на Западе внезапно, словно охваченные

единым порывом, «открыли» для себя восточный мистицизм, или то, что они за него

приняли.

Вакуум возник, вероятно, вследствие упадка религии на Западе. А может быть, обезличивающее воздействие современных технологий стало невыносимым. Или

же люди искренне почувствовали, что в человеческой жизни должно быть больше

смысла, нежели в стерильности и безнадежности современных условий. Какова бы

ни была причина (или причины), миллионы людей на Западе попытались

обратиться к Востоку — и вообще к прошлому. Повсюду стала слышна восточная

музыка, дома наполнились ароматом благовонных палочек, в моду вошли сари и

меховые куртки из Афганистана, рубахи «a la kurta» из Индии, марокканские

кафтаны. Люди почувствовали вкус к шашлыкам и кебабу, взялись разгадывать

тибетскую Книгу Мертвых, ломали головы над китайской Книгой перемен «И-Цзин», вешали на шею египетские кресты — амулеты фараонов. Йога стала развлечением

для домохозяек и предметом изучения на вечерних курсах под патронажем

муниципалитетов.

Затем все это, сначала неприметно, а потом все более и более очевидно, стало

выглядеть смехотворно. Появились разоблачения фальшивок и мошенничества.

Обнаружилось, что эффект от медитации нисколько не лучше, чем от гипноза, и к

ней стали относиться скорее как к «заново открытой системе». Китайцы официально

признались, что своими «демонстрациями» анестезийного действия

иглоукалывания ввели западных врачей в заблуждение. Дзен подвергся

расчленению, и все, что от него осталось, — это базовый комплекс для «боевых

искусств», который волною популяризации был растаскан на различные

выхолощенные варианты. Скорость, с которой лопнул этот мыльный пузырь, была

пропорциональна силе нетерпения западных людей, желавших поскорее достичь

результатов. Когда же результатов не последовало, неугомонные

экспериментаторы бросились на поиски в другие места, и внезапно все это куда-то

кануло.

Или почти все. Как только волна ажиотажа вокруг оккультизма пошла на спад и

люди потеряли к нему интерес, какое-то количество сообществ, групп или культов

обрело некоторую, так сказать, устойчивость в опоре на идею «развития». У этих

групп была одна общая концепция: в человечестве заложен потенциал для

психологического или духовного роста, но в обычной жизни он не реализуется.

У многих из этих групп или сообществ были лидеры, и каждое объединение

поддерживало в себе уверенность, что их вождь и есть тот единственный, кто знает, как пробудить в человеке это внутреннее развитие и руководить им.

Халим Джан рассказал, что явление это не ново. Суфии знают механизм и

конкретные стадии, через которые проходит каждое такое «возрождение

оккультизма». Они могут предсказать все фазы этого процесса или, как назвал его

Халим, «этого заболевания». Они знают также, что до тех пор, пока не наступит

определенная фаза, сделать ничего нельзя. «Меня поразило, — сказал он, — не то, что люди узнали какие-то вещи в ходе двадцатилетнего возрождения оккультизма, а

то, сколь многое из его реального содержания они даже не заметили».

Среди лидеров этих сообществ попадались люди искренние, но в сфере, в которой

они специализировались, их иначе как малограмотными не назовешь. По большей

же части это были авантюристы или шарлатаны, совмещавшие благоприятную

возможность потрафить своему тщеславию или жажде власти с удобным и простым

способом делать деньги. Некоторые из них стали миллионерами.

Суфии предлагают каждому стать человеком образованным, а не объектом для

манипулирования, поэтому Шах был и остается в авангарде борьбы с культами.

Приведу один из удивительных примеров неожиданного отклика на эту его позицию.

Как-то во время интервью редактору журнала Psychology Today Сейид Идрис, не

называя конкретных имен, сказал, что некоторые индийские гуру — мошенники, и

тут же получил от учеников многочисленных гуру кучу писем с протестами. Как

говорят, на воре и шапка горит.

Однажды Шаха пригласили посетить некую, предположительно духовную, группу так

называемых суфиев, обосновавшихся в сельской местности в самом центре Англии.

С собою он взял меня и еще двух человек.

Мы выяснили, что, хотя в прессе об этой общине и отзывались одобрительно, она

целиком и полностью основывалась на всевозможной абракадабре, упражнениях и

идеях, понадерганных отовсюду, и ее составляли сверхвозбудимые люди весьма

курьезного вида. Мы детально обследовали это сообщество. Я обнаружил, что вся

их деятельность, от начала до конца, — абсолютная бессмыслица.

Поглаживая бородку, Шах улыбался.

— Теперь все вы доподлинно знаете, как организовать культ. Культ возможен

только потому, что общество в целом до сих пор не осознает следующего: человек

эмоционально откликается почти на любой вид стимулов. А когда его возбуждение

превышает определенный уровень, ему легко внушить, что он испытывает духовное

переживание. Определенные типы людей более склонны к возбуждению. Это

депрессивные типы. Вероятно, особенно успешно процесс возбуждения можно

поддерживать среди тех, чьи чувства подавлены социальными ограничениями.

Прочитайте-ка вот это. Здесь описана ситуация, хорошо известная по научным

наблюдениям.

Он протянул Халиму Джану вырезку из лондонской Times. В ней говорилось: «От

нашего медицинского корреспондента. — Психиатр констатирует: бесчинства в

Белфасте оказали благотворное влияние на некоторые формы психических

заболеваний в городе. В районах, охваченных беспорядками, он зафиксировал у

пациентов спад депрессивных состояний и заявляет, что его статистические данные

подкрепляют выводы психодинамической теории о том, что депрессия есть

результат подавления агрессивных реакций на фрустрацию (разочарование)... В

остальной части Соединенного Королевства общая картина депрессивных

состояний являет собой полную противоположность...»

Далее корреспондент продолжает: «В районах беспорядков не могут остаться в

стороне от событий даже те жители, которые активно не участвуют в столкновениях

с силами безопасности или соперничающими религиозными группировками.

Главная тема всех обсуждений — насилие, и можно предполагать, что высокий

эмоциональный накал разговоров благотворно повлиял на людей, подверженных

депрессии. В мирных же регионах увеличение процента депрессивных людей могло

произойти из-за того, что там люди испытывают разочарование — ведь они не могут

принять участие в столкновениях, о которых сообщают масс-медиа».

— Вот видите, — продолжил Шах, когда Халим закончил читать отрывок, — если

проявление эмоций находится под запретом, а потом вдруг запрет снимается, люди

сразу чувствуют себя лучше. Депрессия отпускает их. Руководители этих цирковых

представлений, как кто-то из вас назвал культы, обычно не понимают, что делают.

Возможно, из-за превратного понимания происходящего они и сами воображают, будто на ситуацию нисходит нечто божественное. В любом случае, это хорошо

известный общий знаменатель многих религиозных культов.

— Если некоторые ученые изучили это явление, то почему результаты их

исследований не восприняты в мире достаточно широко? Если медики и социологи

знают механизм, почему же он еще не известен всем? — спросил я.

— Во-первых, он хорошо известен. Полки книжных магазинов забиты массовыми

изданиями, в которых объясняется механизм формирования культов и

обуславливания. Так что читателям таких книг, издающихся для вполне обычных

людей, этот материал мог бы показаться чем-то само собой разумеющимся. А вот

чтобы он распространился среди широкой публики, может потребоваться больше

времени и усилий, направленных на просвещение.

Во-вторых, медленное усвоение этой информации широкими массами объясняется

следующим: культы оперируют теми же механизмами, которые применяются для

внедрения в умы вполне приемлемых идей. Но поскольку люди не знают, какие идеи

воздействуют на них благотворно, а какие отрицательно, они просто не склонны

задаваться этим вопросом. Ведь давно миновали времена, когда человек

руководствовался формулой: «Вот как можно все различать: культ — от дьявола, а

то, что у нас, — от Церкви».

Я спросил, что могло бы остановить разрастание культов. — Только просвещение.

Однако тем, кто желает этим заняться, надо прежде отыскать способ, как

предложить людям истину, а не суррогат, которым пользуются для

манипулирования. У суфиев в этом отношении чистые руки, но много ли найдется

других современных институтов, имеющих право заявить: «Вот это или то —

подвергает человека идеологическому внушению; эта система обращается с

человеком как с программируемым устройством?»

Как я уже говорил, при нынешнем положении вещей большинство традиционных

систем верований не могут предложить чего-то большего, нежели навязывание

веры. Прежде чем они смогут учить чему-то, им придется самим исследовать

альтернативные методы. Далее, хотя ведется много разговоров о «вреде» и «зле»

культов, никто не потрудился выяснить, в каком масштабе должны проводиться

подобные обсуждения — ведь многие разумные люди вовсе не убеждены, что все

культы наносят вред или сеют зло. Настанет день, и культы придется исследовать

наряду со всеми другими системами верований, чтобы выяснить, что в них полезно, а что вредно. Лишь такое исследование может претендовать на научность и

достойно уважения.

Мы посетили штаб-квартиру другого культа, что, как я подозреваю, было сделано и

для моей пользы, и по ряду других причин. Дверь нам открыл весьма мрачного вида

человек и спросил, кто мы такие. Шах ответил: «Просто посетители». Дверь

захлопнулась прямо перед нашим носом. Затем Шах позвонил в приемную лидера

этой группы, помпезно именовавшегося «суфием», и попросил к телефону его

личного секретаря. Секретарю Шах сказал: «Я уполномочен договориться о встрече

для посла "Центральной Аравии"».

«Посла» немедленно пригласили, и на подходе к дому в нашу честь был разостлан

красный ковер. В качестве прелюдии к встрече с «мастером» нас угостили

демонстрацией сакральной гимнастики, а затем «духовным чтением». Наконец

мастер появился и в течение нескольких минут распинался на тему важности и

секретности своей работы, после чего невозмутимо потребовал от «посла»

пожертвования на эту самую работу в сумме... миллион фунтов стерлингов!

По пути домой Шах сказал: «Коль скоро обычные люди считают, что это и есть

суфии, то чего же тут удивляться, если человек с улицы думает, будто мы —

шарлатаны и мошенники».

На встречах с самозваными учителями Сейид Идрис никакой активности не

проявлял, лишь предоставляя мне и моим товарищам по группе иллюстративный

материал. Но несколько месяцев спустя я увидел своего учителя в более

непосредственном противостоянии. Когда происходил этот инцидент, его

внутренний смысл мне, как наблюдателю, был совершенно неясен, однако после

некоторого анализа я понял, что столкновение иллюстрировало не только точность

и экономию примененных средств, но также и то, что когда в демонстрации

принимает участие суфий, в человеке начинают действовать сразу несколько

уровней понимания.

На собрании, где выступил Шах, присутствовал глава одного культа; немного

послушав, этот человек встал и выкрикнул: «Ручаюсь, что вам не удастся показать

нам подлинность вашего так называемого учения...» — и затем разразился

напыщенной тирадой, выплескивая на аудиторию свой гнев и возмущение, пока

вконец не выдохся. Тогда Сейид спросил: «А потеряет ли жевательная резинка свой

аромат, проторчав всю ночь на спинке кровати?»

Лицо протестующего побагровело, и мне даже показалось, что сейчас его хватит

удар. Наконец он произнес: «А это показывает, что вы просто клоун, раз не можете

ответить на такой простой вопрос», — и пулей выскочил из зала.

Я попросил одного суфия прокомментировать этот инцидент. Он сказал: «Обычный

человек даже не догадывается, что происходит между суфиями, потому что

истинные суфии общаются друг с другом посредством прямого восприятия, без

слов. Когда они находятся в присутствии тех, кто не понимает происходящего, то

используют некую форму языка, означающую одно для «незрелого» человека, и

совершенно другое для людей, прошедших через определенные переживания.

Суфии не спорят друг с другом. Этим занимаются лишь ученые и псевдосуфии.

Будь этот человек суфием, он обратился бы к Шаху без слов, из своего ума к его

уму, и таким же образом получил бы ответ. Отвечая ему словами, Сейид Идрис, во-первых, демонстрировал присутствующим и способным его понимать, что этот

человек — не суфий. Во-вторых, своими словами Шах показывал, что глупый вопрос

заслуживает бессмысленного ответа. В-третьих, он задел чувство собственного

достоинства этого парня, и тот, поддавшись на провокацию, показал, что суфием и

не являлся. И наконец, Шах продемонстрировал, что достаточно и десятка слов, чтобы избавиться от назойливого насекомого».

Суфии могут воспользоваться шуткой, чтобы передаваемая концепция проникала в

человека, а не застревала в частокколе обусловленных реакций, как это происходит, когда идеи сопровождают многословными объяснениями.

Я всегда подозревал, что люди в какой-то степени осознают этот принцип на уровне

совершенно обычных взаимоотношений: они часто шутят с таким же намерением.

Юмор каким-то образом задевает за живое. Некоторые шуточные истории, содержащие элемент учения, встречаются как на Востоке, так и на Западе.

В одном анекдоте, в его ближневосточной версии, суфий должен был отправиться в

деловую поездку по Европе, и его снабдили адресами нескольких человек, которые

могли чем-то ему помочь. Эти люди организовали для него ряд полезных встреч, и

поездка весьма удалась. Вернувшись домой, он поделился впечатлениями с

друзьями, а они заметили, что их друг, оказывается, встречался с университетскими

профессорами, банкирами, дипломатами, писателями и т.п., и все были суфиями.

Один из друзей этого суфия спросил: «Все это, конечно, очень отраднo, ну, а что

обычные-то люди, скажем, простые французы или англичане, — они как-то

откликаются на нынешнюю суфийскую работу?»

«Чего не знаю — того не знаю. Видите ли, друзья мои, я общался с самыми

лучшими из людей».

Очень похожая шутка есть и у шотландцев.

В период моего пребывания в Англии я был поражен огромным количеством людей

самых разных профессий, с которыми встречался Шах. Некоторые из них были

просто праздными вопрошателями, другие уже следовали суфийскому пути. Сама

идея, что на Западе на суфийские учения откликается непропорционально большое

число влиятельных людей, поразила меня, так что когда я услышал на арабском

языке анекдот о «лучших людях», я отважился спросить Шаха, в самом ли деле в

суфийской работе отдается какое-то предпочтение социальной элите?

Он ответил: «Абсолютно нет. В действительности все наоборот. Но в своей

деятельности суфии учитывают определенные механизмы, которые, как показало

время, работают. Хотя склонность человека к подражанию обычно связана с его

механистичностью, в некоторых случаях имеет смысл использовать и поощрять ее.

Например, во Франции XVIII века подавляющая часть населения отказалась

употреблять в пищу картофель. Но когда пошел слух, что король не только ест

картофель, но и выращивает его, народ потребовал своей доли "королевской пищи".

Шестьсот лет назад, когда возникла необходимость проложить дорожные

коммуникации в одном из регионов мира, суфий Бахауддин Накшбанди потратил

годы на строительство дорог, собственноручно принимая участие в этой стройке.

Впоследствии дорожное строительство стало почти неудержимым влечением, потому что люди хотели следовать священному примеру святого.

Кроме того, возможно, вы заметили, а может, и нет, как распространялись основные

религии. На первых порах они — явление местное и тривиальное, затем, внезапно,

— широчайшая экспансия. Так происходило почти всегда, как только была

обращена элита.

В обычных делах люди подражают тем, кого уважают. То же самое происходит и в

суфизме: внутренние качества какого-то человека могут способствовать

трансмутации учащегося. Реальные и стоящие профессионалы передают этот

высший элемент на волне потока, обычными людьми не воспринимаемого.

На Западе вы встретите большое число наших людей, не принадлежащих к элите».

И я их встретил.

Глава 7. ТАЙНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

У тебя должны быть глаза, способные видеть Правителя, Чтобы узнавать своего Царя в любом обликии.

Руми

Лондон давно уже находится в центре всемирной сети коммуникаций, а при

современном грандиозном развитии международных авиалиний и

совершенствовании кабельных каналов связи положение этого города в мире

становится еще более значимым. Он стал одним из главных опорных пунктов, откуда Шах разворачивал свою деятельность. Отсюда ему одинаково просто

добраться до Америки или Ближнего Востока и при необходимости через несколько

часов вновь объявиться в Англии. Однажды я слышал, как кто-то в Кенте спрашивал

его: «Почему вы живете в Англии?» — а всего за три дня до этого в Бомбее на него

наседал журналист с вопросом: «Почему вы живете в Индии?»

В Соединенном Королевстве, где впервые было опубликовано большинство его

книг, Сейид Идрис и впрямь чувствует себя как дома. Правда, однажды он от души

хохотал, прочитав заметку одного журналиста, где сообщалось, что Шах «на вид

типичный англичанин норманнского происхождения». Его работа и сама его

личность, несомненно, открывали ему в британском обществе доступ к широкому

кругу общения и всевозможным видам деятельности. Как член самых престижных

клубов Лондона — центров элиты страны даже в наше не элитарное время — он

может держать руку на пульсе общественного мнения, формируемого

«влиятельным меньшинством». Среди своих коллег — членов полудюжины научных

обществ — он держится уверенно и эффектно, как это обычно свойственно только

тому, кто, как говорят в Англии, «уже достиг».

Поскольку Шах был избран пожизненным управляющим или патроном основных

благотворительных фондов, то на этих берегах к нему относятся не просто как к

известному гостю. Его редкое умение всегда «соответствовать» подчеркивается

такими исконно британскими свидетельствами заслуг как золотая медаль

Кембриджского поэтического фестиваля, директорские посты в различных фирмах; он также Лорд Замка в Ньюмаркете — поместье, прославившемся как родина скачек

без препятствий.

Шах рассматривал эти виды деятельности и социальную значимость, а также

многое другое, как необходимые составляющие своего «путешествия». Однажды, по

дороге из Англии на континент, а потом в Кувейт, когда нас сильно задержала

забастовка в аэропорту, я высказался в том духе, что путешествия удручают и

утомляют, как и социальные или коммерческие дела. Шах, однако, редко отвечает

согласием на негативную мысль, каждый раз пользуясь случаем привлечь внимание

к работе, которой мы заняты. Он сказал: «Да, возможно, наше прибытие несколько

откладывается, но мы завершаем Малое Путешествие, показавшееся нам долгим, и

начинаем Великое Путешествие, которое на путешествие вообще не похоже».

Я спросил, что он подразумевает под Великим Путешествием.

«Его можно назвать путешествием служения, лишённого удовлетворения. В

обычном путешествии мы хоть и страдаем иногда, но за этим следует утешение, комфорт и награда. В Реальном же Путешествии мы не "получаем плату" таким

образом. Мы, делая добро, аккумулируем его, но вряд ли получаем ещё какое-то

удовлетворение, отвечающее потребностям нашей низшей природы.

Люди считают служение благородным и почетным делом и в то же время уверены, что за него полагается вознаграждение. Они говорят, что служение облагораживает.

Добрые поступки совершаются из уважения и восхищения. И при этом человек все-таки считает, что участвует в некой сделке, предполагающей награду.

Что можно сказать людям, воспринимающим глубокое таким образом? Возможен ли

диалог между теми, для кого долг — сделка, и теми, кто действительно понимает?

«Служение — это только первая ступенька в суфизме», напоминает нам Джамал.

Суфии и в самом деле служат, но не только. Их уникальность заключается в том, что они считают служение своей низшей, а не высшей обязанностью. Служение

необходимо, но его цель — миновать стадию, где предполагается какая-либо

награда».

Шах сказал и кое-что по поводу бараки — неосязаемой силы, которую суфии

традиционно могут накапливать и проецировать. Он сказал, что барака «приводит в

гармонию знание и его потенциального получателя». О существовании этой силы, сказал он, порою догадывается каждый, но ее концепция была сведена до

вульгарной, обыденной идеи «удачи». Барака, подобно удаче, неуловима. Если те, кто близок к получению бараки или уже получил ее, возжелают чего-то лишнего, они

могут вывести себя из сферы ее действия. Когда такое случается, барака просто

перестает действовать.

Можно считать, что барака подобна силе, известной в примитивных культурах.

Антропологи называют ее мана. Но у бараки есть и дополнительные измерения. Ее

одалживают людям, ощущающим необходимость войти в гармонию с истиной, — не

всем, но некоторым. Если люди, получившие бараку, вовлечены в материальные

дела, они достигают процветания. Если нет, этот дар увеличивает их моральный

потенциал и силу. Но духовная энергия, как сказочное золото, продолжает

действовать лишь до тех пор, пока ее обладатели преданы истине. Когда человек

становится своекорыстным и алчным сверх определенной меры (есть технический

термин, известный у суфиев как «мера допуска»), барака улетучивается. По этой

причине провалились многие начинания.

Несомненно, как в Англии, так и в других странах людей поражают дела, на которые

способны суфии, а также их превосходное знание психологии человека. Но, когда

речь заходит о религии, люди приучены, что особенно свойственно западной среде, бесконечно употреблять слово «любовь», и им часто невдомек, почему суфии не

налегают на это слово.

Однажды я спросил об этом у Шаха.

Он ответил: «Во-первых, именно бездумное употребление слова «любовь» и даже

попытка практиковать ее и привели к тому, что люди утратили способность

понимать. Они чувствуют нечто, внушают это другим, думают, верят, но не

понимают, что же реально означает жизнь ради Бога. Когда чрезмерно напирают на

идею любви, получают обратный эффект. Замечено, что нередко люди, для которых

любить друг друга стало чуть ли не обязательством, более других склонны к

убийству. Но если у вас нет собственных наблюдений такого характера, вы угодили

в ловушку воображения и думаете, что если кто-то о чем-то без конца говорит, значит, он это на самом деле исполняет.

Любовь или, по крайней мере, чувство любви, бывает разной концентрации.

Любовь, преданность, поклонение Богу — все эти понятия священны и настолько

важны, что суфии не пользуются ими всеу. Да, это правда, что Руми и Хафиз были

погружены в любовь, а вот каким образом следует пользоваться их трудами — это

уже отдельный вопрос. Ситуация характеризуется такой незрелостью, что даже

намек на действительное положение вещей может вызвать бурю возмущения, а это, конечно же, есть знак — и весьма неприятный, — что здесь что-то не так. В

действительности, любовь настолько высока, что наивные фантазии людей об

истинной любви к Богу достигают всего лишь уровня обыкновенной эмоции».

Я спросил: «Можно ли каким-то образом показать, что все подобные представления

о любви — всего-навсего результат неосознаваемой манипуляции, а не путь, ведущий людей к истинной взаимопомощи?»

Шах ответил: «Только демонстрация на живом примере даст ответ на этот вопрос, и

возможность скоро представится».

Тогда он больше ничего не сказал, но однажды в Каире во время ланча вернулся к

этому разговору: «Сегодня я выступлю перед аудиторией, где соберется человек

триста или около того, — наблюдайте за тем, что будет происходить».

Выйдя к собравшимся, Шах сразу же заговорил о Боге, любви и религии. Сила его

выступления была так велика, что все слушатели почти сразу стали рыдать и

голосить, корчиться и приплясывать, подпрыгивать и скакать. Это было уже

чересчур, и я не на шутку встревожился. Потянув Сейида за рукав, я шепотом

попросил его остановиться. Он сменил тему, а также манеру разговора, и суматоха

постепенно улеглась. Все это напомнило мне реакцию оркестра на дирижера.

Позже я сказал ему: «Если бы вы часто говорили подобным образом и проецировали такую святость, вы бы зажгли сердца всех обитателей Земли».

Он улыбнулся: «Вот что люди предпочитают реальному знанию, создавая себе

препятствия в достижении Истины. Они думают, что соприкасаются со святостью, но то, как они хватаются за это, — порок, величайший порок».

Я спросил его, почему этот порок — величайший.

Он ответил: «Потому что другие пороки осуждаются, люди в них раскаиваются, а по

поводу этого — нет ни того, ни другого. Наоборот, он повсеместно почитается за

добродетель. После таких проявлений люди чувствуют себя лучше. Они даже

благословляют человека, который учинил с ними подобное. Но тот, кто знает, что на

самом деле происходит с человеком в таких случаях, никогда не доведет его до

этого состояния, разве что со специальной целью».

В тот день я осознал, что очень часто эмоция — это деградация чего-то более

высокого и что человечество в целом утратило способность отличать реальность от

ее суррогата.

Мало кто остался бы безучастным к той демонстрации, но затем у меня возникло

еще одно соображение. По возвращении в отель я заговорил об этом: «Ради нашего

обучения вы сыграли на эмоциях людей — это ясно. Мне стало понятнее то, чего

раньше я не понимал. Но каково теперь этим людям? Какие впечатления у них

будут о вас и о том, что вы собой представляете?»

Он ответил: «Если я ем апельсин и немного сока брызнуло вам в глаза, возможно, вы устроите скандал или вам будет неприятно. Но окажется ли это какое-либо

длительное воздействие?»

Нет. Апельсин окажет более-менее длительное воздействие только на того, кто его

съел. Однако тому, кто ничего не понимает в «апельсинах», лучше не

экспериментировать с ними. Тут опять-таки уместно вспомнить историю о Моисее и

Хызре.

С Ближнего Востока мы возвратились в Англию, а всего неделю спустя Шах опять

отправился в путешествие. На этот раз меня он с собою не взял. Причина подобного

поведения становилась все более ясной, по мере того как раскрывался метод

суфийского обучения. Учение прерывисто, как в целом, так и в деталях. Человеку, в

нужной для него форме и в необходимое время, дается то, чем он может

воспользоваться. Правда, при этом ему приходится «запасать» определенные

переживания (как отметил д-р Десмонд Моррис в своей радиопередаче, посвященной одной из книг Шаха), — их польза проявляется позже, когда в его

жизни случаются некие события, имеющие эффект «спускового крючка». Именно

эта прерывность и отличает суфийское учение от других духовных обучающих

систем. Кроме того, каждый элемент учения используется более чем для одной

цели, что довольно типично для суфиев. Например, чувство, когда человеку

кажется, что он покинут, может произвести благотворный эффект. Оно противостоит

тенденции ученика впасть в зависимость от учителя и помогает учителю

избавиться от последователей, которые не в силах преодолеть пренебрежение их

особой. Даже на раннем этапе этого опыта вы уже не чувствуете себя брошенным, если вас исключают из какой-либо деятельности. Вы начинаете понимать, что ваша

изоляция сама по себе есть акт обучения, проводимого учителем.

Некоторое время спустя мне нужно было отправиться в Ливан для выполнения

одной работы, и там я стал свидетелем довольно утонченного акта исключения, в

котором была задействована ролевая игра с участием суфиев. Хозяин, у которого я

гостил, был владельцем влиятельной бейрутской газеты, и в момент моего

посещения у него собрались бизнесмены, политики, специалисты в разных

областях. Среди них было и несколько европейцев: представители иностранных

компаний, два академических ученых и два-три ревностных «искателя истины» из

Англии и Франции.

Возможно, из-за присутствия «искателей» разговор зашел о духовности Востока и о

суфиях. Другие гости, так сказать, представители Востока, дружно посмеялись, хотя

и достаточно вежливо, над предположением (его выдвинул выпускник Сорбонны,

который работал над диссертацией на эту тему), что суфизм, духовные воззрения и

практики «*Les dervishes*» могут как-то вписываться в современную жизнь и

мышление. Они заявили, что слишком эмансипированы, чтобы поддаться такой

идее, но с готовностью признали, как и большинство людей в подобных случаях, что

суфии прошлого были авторами многих открытий в науке и внесли значительный

вклад в культуру. Им было известно, что классические суфии сыграли важную роль

в истории, но они не были готовы согласиться с тем, что нынешний всплеск

интереса к суфизму на Западе заслуживает серьезного обсуждения. А заметен ли

такой подъем на Востоке? С их точки зрения, было бы абсурдно даже предположить

подобное.

Столь явная недалёковидность этих «кока-кола азиатов» довела ревностных

искателей и нескольких бизнесменов почти до неистовства.

Совершенно очевидно, что эти восточные люди мыслили поверхностно: они вновь и

вновь сворачивали разговор на международные дела, искусство, музыку, театр, кино, спорт, промышленность и науку, праздники и воспитание детей. Их суждения

были банальны. Все это только добавляло штрихи к классическому портрету

«бездуховного азиата», который безнадежно европеизировался. Такие люди —

источник огорчения европейца, приехавшего на Восток в надежде погрузиться в

атмосферу типа «верблюды и финиковые пальмы». Среди людей подобного рода, хотя сам хозяин был «один из нас», я ни в коем случае не стал бы искать

традиционное знание.

Коммерсанты пригласили меня на ужин в кабаре, и мы покинули местных

европеизированных азиатов, предоставив им обсуждать свои проекты, перераставшие, кажется, в план охотничьей экспедиции.

Упомянутые «искатели» уныло потянулись за нами и так пали духом, что даже

деловые люди из нашей компании старались вернуть им душевное равновесие

фразами вроде: «Не расстраивайтесь, говорят, в деревне к северу отсюда живет

настоящий святой...»

Выйдя из кабаре, я вспомнил, что оставил в доме свою папку с бумагами, которые

должны были мне понадобиться следующим утром. Взяв такси и подъехав к дому

магната, я увидел, что горит только одно окно главного холла. Таксист позвонил в

парадную дверь, затем постучал, но никто не ответил. В конце концов водитель

проник внутрь через открытое французское окно и принес мою папку, забытую в

прихожей. «Неудивительно, что нас не услышали, — сказал он, — все они

выполняют дервишеские упражнения».

Он наверняка ошибся, думал я, пытаюсь заглянуть в щелку между шторами большой

комнаты. Чтобы такая компания пустоголовых скептиков выполняла дервишеские

упражнения?.. Это невозможно.

И тут из своего укрытия я увидел группу все тех же недалеких европеизированных

нигилистов, рассуждавших здесь всего несколько часов назад — а теперь сидевших

полукругом лицом к окну. Их лидером, совершенно очевидно, был владелец газеты.

Они по-прежнему были в европейских костюмах, но сидели не на стульях, а на полу, скрестив ноги, и поворачивали головы из стороны в сторону, а также вверх и вниз в

особом ритме, характерном для определенных дервишеских движений.

На следующий день я признался своему хозяину в шпионстве. Он сказал:

«Некоторые из вчерашних гостей — люди не духовные, хотя и считают себя

такowymi. Это те, кого Идрис Шах называет "метафизическими туристами"». — «А

другие?» — спросил я. — «Для других, подобных вам, время было неподходящее»,

— ответил он.

Я напрямую спросил: зачем его товарищи, раз уж им не хотелось общаться с

поверхностными людьми, тратили столько времени, чтобы разыгрывать из себя

социальных клоунов. — «Это нетрудно объяснить, но предупреждаю, в это трудно

поверить, — ответил он. — Во-первых, роли, которые мы взяли на себя, были

рассчитаны на то, чтобы поддержать дружеский контакт с нашими деловыми

партнерами и другими гостями вчерашней встречи, что называется, для развития

отношений на обычном человеческом уровне, например, коммерческих отношений и

тому подобное. Многие другое тоже являлось клоунадой, хотя для вас и не

выглядело таковой, — подобное поведение позволяет нам играть роль хороших

хозяев и не терять контакта с внешними событиями. Во-вторых, мы вполне можем

позволить себе «тратить» время на участие в социальной жизни, потому что, когда

мы «работаем», определенная наша способность проникать в суть вещей дает нам

возможность приносить людям реальную пользу. Могу напомнить, что не

обладающие этой способностью, к примеру, идеалисты, вынуждены посвящать

осуществлению задуманного все свое время, и только по двум причинам: из-за

одержимости и неосведомленности о реальных последствиях
собственных

действий. Мы лишены этих недостатков».

Конечно, подумал я про себя, это непреложно следует и из того факта,
что по

сравнению с новичком тот, у кого есть навык в своем деле, тратит на
работу гораздо

меньше времени, делая лишь самое необходимое. Размышляя дальше,
я вдруг

осознал, что какой-то внутренний цензор мешал мне самому дойти до
этого, —

повинуясь какому-то запрету в себе, я категорически отказывался
признать, что в

духовной сфере, как и в мирских областях, люди могут быть
экспертами...

* * *

Позже мой хозяин представил меня нескольким людям — некоторые
из них в

прошлом путешествовали с Шахом. Они весьма различались по
возрасту, внешнему

виду, опыту, национальным корням и социальному статусу. Это еще
одна

отличительная черта Сейида Идриса: кажется, что его сподвижником
может быть

вообще кто угодно. Я осознал, что для тех, чье общение ограничено
людьми одного

социального или профессионального круга, уже сама способность
устанавливать

отношения со множеством индивидуумов самых разных типов кажется
чем-то

мистическим.

Один из моих новых знакомых был геологом, его звали Сахиб аль-
Амуди. Он, как

оказалось, путешествовал с Шахом, и при этом они едва не погибли.
Маршрут их

путешествия пролегал через Северную Африку и затем через Сирию.
Вот что он

рассказал мне.

Мы вышли из города с небольшим запасом хлеба и воды. Воду мы
пили экономно, по глотку, а хлеб ели маленькими кусочками, и
наконец того и другого осталось

совсем чуть-чуть. Я понял, что если вдруг что-то задержит нас в пути,
то нам не

позавидуешь.

До места назначения было еще далеко, когда мы заметили узел тряпья
на обочине

дороги. Только подойдя ближе, мы разглядели, что это
путешественник, умирающий

от усталости и обезвоживания.

Шах тут же, тщательно отмеряя глотки, стал поить его нашей водой, а
позже мы

накормили его нашим хлебом. Прошло довольно много времени, прежде чем

человек этот смог идти дальше. И все-таки мы выжили.

Вспоминая тот случай несколько месяцев спустя, я сказал Сейиду: «Когда я глядел, как тот человек ест хлеб, я чувствовал такой голод, что у меня не было сомнений: если бы этот хлеб ел я, он был бы самой лучшей едой в моей жизни».

Он ответил: «Друг мой, хотя тот хлеб съели не мы с тобой, — не сомневайся — эта

еда принесла нам самую большую пользу за всю нашу жизнь...»

А вот другой случай. Мне рассказал о нем в Иордании Джеймс Морей, который

однажды сопровождал Шаха в путешествии по Аравии.

За время пути, разумеется, накопилось множество поразительных историй.

Например, я по-прежнему уверен, что однажды Шах спас жизнь целой группе

людей, всего лишь рассказывая анекдоты, что весьма характерно для него.

Дело было летом, и песчаная буря застала нас в Неджде. Пока мы ее пережидали, закончилась вся вода и пища. Буря завалила вехи и путевые знаки, оставив нас без

ориентиров.

Людей в отряде было довольно много, а воды практически совсем не оставалось.

Стало ясно, что мы продержимся еще дня два, не больше. Один из нашего отряда

собрал несколько человек, образовав молитвенный круг, и возглавил молитву об

избавлении. Шах тут же собрал вокруг себя остальных и принялся травить

анекдоты! Один мне очень запомнился. Два эскимоса стоят посреди Сахары.

Первый говорит: «Подумать только, там у нас в Эскимосии сейчас как раз великий

праздник!» — «Да, — отвечает другой, глядя на палящее солнце, — а ведь и погода

у них вполне подходящая для праздника!»

В этой экспедиции от жажды и лихорадки умерли несколько человек. В конце концов

нас спасла группа кочевников. Впоследствии, пересчитав выживших, кто-то заметил

Шаху: «Я вижу, что из группы, которая слушала ваши анекдоты, никто не умер. А вот

многие из молившихся умерли».

Сейид Идрис ответил: «Не спешите с оценками. Возможно, те, кто слушал шутки, больше хотели жить, а молящиеся оказались более подготовлены к переходу в мир

иной».

Таким образом, в человеческом служении можно увидеть два уровня: обычный, когда вы делаете что можете, и особый — уровень Хызра, —

когда вы совершаете

то, что предуказано. Я заметил, что оба случая охвачены в утверждении мастера

Саади, которое имеет в виду и работу знающих, и деятельность тех, у кого просто

добрые намерения. В поэме Фруктовый Сад он пишет:

Служить творению — в этом Путь и ни в чем ином, —

Ни в четках, ни в молитвенном коврике, ни в рясе.

* * *

Примерно в это время я встретил Микаеля Берка, чья книга «Среди дервишей»

стала бестселлером в нескольких странах. В свое время она произвела на меня

большое впечатление, а теперь я смог убедиться, что автор — интереснейший и

знающий человек. Он придавал особое значение понятию «функция» в связи с

деятельностью суфиев.

«Необходимость что-то сделать приходит к ним как следствие их достижений, —

сказал Берк. — Суть не в том, что они знают истину. Увидев ее, они тут же начинают

выражать ее в действии. Это не тот мистицизм, о котором вы читали, — где

определенного рода переживание считается целью и окончательным достижением.

Суфии и переживают истину, и живут ею. Через нее они работают в мире».

Он показал мне книгу Ф.К.Хаппольда «Мистицизм» и обратил внимание на один

фрагмент:

«В суфизме есть элементы, делающие его весьма интересным для изучающего

мистицизм. Особая концентрация исторических обстоятельств, факторов

окружающей среды и психологических моментов придает суфийскому учению некое

специфическое качество... Суфийского неопита, стремящегося к единению с Богом, призывают окунуться в мир, раствориться в нем, чтобы он сумел понять, каков мир

на самом деле... Чтобы видеть мир таким, какой он есть в действительности, чувства должны быть очищены; будущий мистик должен освободиться от

эгоцентрических суждений, его органы восприятия — стать чистыми и

незамутненными... Когда это происходит, перед ним предстает новый образ мира.

За фасадом очевидного уродства и бесчеловечности ему открываются красота и

безмятежность. Для него в мире начинает звучать новая музыка, перед его взором

появляются новые цвета, новые ароматы вдыхает он... Однако были и такие, как

аль-Газали, — не только мистики, но и люди высочайшего уровня интеллекта и

ментального равновесия, способные истолковать и выразить суфийский опыт

единения в терминах, не противоречащих ортодоксальной мусульманской

теологии... Суфизм инспирировал целую плеяду поэтов... В христианстве есть

только один мистический поэт, которого можно сравнить с Руми, Аттаром и другими

персидскими поэтами-мистиками, — Святой Иоанн де ля Круз»⁸.

Комментируя отрывок, Берк продолжал:

«Каким бы тщательным, каким бы благожелательным ни было это описание, функциональный аспект суфия, его ответственность, вытекающая из знания, остается за кадром.

Идрис Шах взял меня однажды с собой в путешествие, и как раз он и заставил меня

понять, что функция, и только она, является центральным звеном всей системы, что

и делает ее несравнимой ни с какой другой.

Возьмите такой отрывок: "Понимать мир, прежде всего, означает, что человек

способен гораздо эффективнее быть в мире — он может принимать участие в том, что действительно в нем происходит, а не растрчивать

себя в погоне за

тривиальностями"».

Я сказал, что, как мне кажется, именно этим и занимался Хызр в истории с

Моисеем, только в каком-то грандиозном масштабе.

«Верно, и заметьте, рассказ выделяет тот же момент, что и доктор Хаппольд, когда

он, заостряя на этом наше внимание, говорит: "За фасадом очевидного уродства и

бесчеловечности мира ему открываются красота и безмятежность". Но в книге

Хаппольда, однако, вообще не упоминается о том, что благодаря своему

дополнительному знанию суфий возлагает на себя специальные функции в мире».

Я спросил: «А не может ли этот смысл стоять за утверждением, что "органы

восприятия должны стать чистыми и незамутненными"»?

Берк ответил: «То же место в отрывке указал мне и Идрис Шах. Речь шла о том, как

помочь авторам, пишущим на эту тему, распознать значение функции. Шах

подчеркнул, что "особое качество, присущее только суфиям", и есть фактор, который дает им возможность быть успешными, как об этом свидетельствует Газали

в приведенной цитате. Но только вовсе не за счет интеллекта. Когда нечто познано, человек больше не обращается к интеллекту, чтобы отделить истинное от ложного.

И то и другое просто становится для него очевидным.

Проблема книг, написанных сторонними наблюдателями, в том, что, допуская

необычайность, одаренность и благочестие суфиев, многие авторы даже не

предполагают, что суфиям доступен некий элемент, который, по большому счету, и

отличает их от других «мистиков». А это не что иное, как функции, выполняемые

суфиями и простирающиеся далеко за пределы их собственных "я".

Конечно, тем, кто не разделяет эту концепцию, трудно ухватить ее. Газали еще

относительно молодым осознал, что суфии обладают неким дополнительным

8 Буквально: Святой Иоанн Креста, XVI в. Обладающий весьма глубокими познаниями проф. Асин Паласиос

(*Obras Escogidas*, Мадрид 1946, стр. 236—243) считает суфия ибн Аббада из Испании его предшественником

на основании анализа технических терминов, используемых каждым из этих авторов.

В русских переводах его нередко называют в испанском варианте — Сан Хуан де ла Круз. *Прим. переводника.*

элементом — способом понимания, для остальных недостижимым. Он покинул

профессорскую кафедру и занялся обстоятельным исследованием данного вопроса

— такова была его реакция. Найдя ответ, он стал тем великим суфием, каким мы

его знаем. Но вокруг нас маловато людей, подобных аль-Газали...»

Да, идею, что суфии могут «делать» и тем самым исполнять в мире функцию в

контексте Божественного замысла, конечно, весьма сложно передать тем, кто

воспитан или на формальной философии, или только в рамках ритуалистической

религии.

Гораздо позже, во время моего собственного путешествия, мне довелось услышать, как один суфий разъяснил эту идею, отвечая на вопрос своего ученика. Он передал

ее смысл с помощью притчи. «Представь себе сад, — говорил он, —

подготовленный к посадке цветов и овощей. Сад этот возник не сам по себе. Он был

спроектирован в согласии с определенными законами. Все, что растет, и все, что

происходит в саду, проистекает из этого плана. Все должно соответствовать

законам, заложенным в проекте. Время от времени в процессы вмешивается

садовник, ибо что-то стало расти не так или не там. Разнообразные формы жизни в

саду — и есть его обитатели. Вообрази теперь, поставив себя на их место, какие

возникают у этих обитателей мнения и убеждения о предназначении сада, соотношении его частей или о том, зачем все это нужно.

Поймут ли они, почему сад вообще существует и как функционируют все его

системы? Правы ли они будут, приписав саду самостоятельные побуждения, которые на самом деле вытекают из его запланированного устройства, или совсем

отбросив идею плана, поскольку она не укладывается в рамки их личных нужд?

Из всех трудностей в нашем земном саду самая большая — показать людям, как

одним из его обитателей, целесообразность многих вещей, которые не согласуются

с их желаниями. Пока вы не говорите с ними на их собственном языке, они не

примут ни единого вашего слова. Однако если вы начнете говорить на их языке, многие факты, касающиеся сада, приведут людей в замешательство — ведь язык

этот корнями уходит в их эгоистическую позицию или в недостаток опыта

определенного рода».

Следующее путешествие, в Турцию, мне предстояло совершить вместе с Шахом.

Конечно, я был доволен, что вновь могу путешествовать с ним, но так или иначе, я

почему-то не был особенно взволнован этой перспективой, так же как не был

особенно расстроен в прошлый раз, когда меня с собой не взяли. Мы вылетели в

Есилкой, и на следующий же день Сейид начал читать свои лекции.

После одного выступления его попросили рассказать, как суфии развивают

способность к прямому человеческому контакту, к преодолению времени и

пространства и т.д. Кроме того, аудитории были интересны целительские

способности суфиев.

Люди спрашивали явно из любопытства, а не из «необходимости знать», и потому я

не удивился, когда Шах сказал, что не может отвечать на вопросы в каком-то

абстрактном смысле.

На собрании присутствовал глава одного суфийского ордена — он пришел сюда

вместе с Шахом. Сейид попросил его удовлетворить интерес аудитории.

Этот человек сказал: «Деление на "мы и они" или "ты и я" и т.д. вызвано в основном

воспитанием человека и намеренно ставится во главу угла огромным количеством

человеческих институтов. В то же время люди, живя своей обычной жизнью, испытывают интерес к идеям взаимопонимания, «сопереживания» и т.д. Ведь то, что с этим связано, открывает перспективу неких удовольствий и выгод, например, чувство принадлежности к обществу.

Суфии же сделали это предметом специального изучения, результаты которого

поразительны и получили широкое распространение. Руми и многие другие учителя

постоянно ссылаются на ценность, даже необходимость уничтожения барьеров

между людьми («все человечество по существу едино») и призывают ликвидировать

завесу, разделяющую «сейчас» и «потом», жизнь и смерть, человеческое и

потустороннее.

Особые упражнения дают способность размывать границы между одним и многими, между прошлым, настоящим и будущим.

О таких переживаниях, в том числе о способностях одновременно присутствовать в

разных местах или разных временах, ощущать себя как целое и вместе с тем как

часть его, упоминают мистики и даже маги, но делают они это очень редко и в

каком-то специфическом смысле.

Подобное состояние соединенности приводит к «снятию вуали», где даже разница

между воспринимающим и воспринимаемым исчезает. Такое осуществимо, и это

означает, что есть объективная реальность — суфии называют ее Истиной, — где

нет различий, на которые обычные органы чувств расщепляют наше восприятие.

С помощью концентрации, размышления, медитации и прочего суфий запланированными шагами и под надлежащим руководством вступает в эту

всеобъемлющую Реальность. И — как следствие — может «посещать будущее», поскольку будущее на самом деле все время находится здесь. Он даже может

влиять на ход событий, потому что все они — части связанного с ними единого

целого, а не разрозненные фрагменты, на которые можно воздействовать лишь

локально. Суфии исцеляют, "становясь" болезнью и унося ее; они видят будущее, вступая в него; производят непостижимые эффекты, оперируя сферами реальности, которые обычно заслонены от нас экранами наших ментальных предположений и

подходами, основанными на чувствах...»

Смена настроения занимает в суфийском учении определенное место и, возможно, вносит своего рода прерывистость. Это чередование разных режимов лучше всего

было проиллюстрировано контрастом, который явило собрание следующего дня по

сравнению с только что описанным собранием. Вместо серьезного обсуждения

сложных философских вопросов Шах принялся рассказывать народные сказки.

Он опубликовал их более тысячи, представив мудрость нескольких цивилизаций.

Эта коллекция сказок, частично составленная из текстов уже записанных, частично

взятая из устной традиции и собранная в чайханах и караван-сараях, у пастухов-кочевников и местных вождей, образует основу его, по-видимому, бесконечного

репертуара, из которого он способен мгновенно извлечь то, что ему необходимо, чтобы обрисовать суть предмета или ответить на вопрос...

Кто-то спросил Сейида о системе обучения «задом наперед» дервишей ордена

Бекташи, которых одни считают еретиками в исламе, а другие — тайными

христианами. Шах тут же рассказал историю, услышанную им от одного дервиша

Бекташи из Албании.

Жил-был дервиш из ордена Бекташи, слывший очень скупым. Один богач пригласил

его в гости и стал показывать ему свой дом, говоря: «Вот настоящая драгоценность, я перекупил ее у такого-то человека, а вот ту вручил мне султан. Но сами по себе

эти предметы меня нисколько не интересуют. Вы же, кому полагается быть

благочестивым и духовным, обложились вещами и крепко держитесь за свое

имущество. Почему?»

Дервиш ответил: «Вы гордитесь тем, что за эту вещь дорого заплатили, а ту вам

подарил султан. А у меня нет сил расстаться ни с чем из того, что собрано мною, —

мне дорога каждая вещь: ведь ее на время одолжил мне Господь».

Затем в атмосфере собрания возникла следующая неизбежная смена настроения.

На лекции присутствовала взъерошенная красотка из Нью-Йорка — она

представилась паломницей, объезжающей мир, чтобы повидать всех самых великих

гуру современности. Я знал, что Шах не из тех, кто хотел бы оказаться в числе гуру, которых жаждала повстречать эта леди. Она начала говорить, и когда смысл ее

слов стал доходить до меня, я почувствовал нечто вроде паники. Леди спросила:

«Не могли бы вы порекомендовать мне хорошего учителя в моем родном штате? У

меня есть друзья по всей Америке, и если бы я могла вернуться домой со списком

утвержденных вами кандидатур, тогда у всех у нас появилась бы возможность

присоединиться к этому замечательному, замечательному учению, которое, я

уверена, охватит всю территорию от западного побережья до восточного».

И она приняла позу, которая одновременно была и величественной, и почтительно-внимательной.

Ответ был таков: «А почему бы и нет! Мы располагаем прекрасным выбором

стопроцентно сертифицированных учителей высшего класса. Такой учитель есть и в

вашем штате, и в любом другом. Но помните — только человек, предъявивший

сертификат, и я имею в виду сертификат, выданный нами, может дать вам вечное

блаженство, открыть бесконечные преимущества от контакта с Высшим и

гарантировать вам, вашей семье и друзьям счастье, защиту, удачу в делах и полное

удовлетворение. Скажите, леди, вы знакомы с кем-то, кто может пообещать вам все

это? Конечно же, нет! Тогда поспешите! Скорее, посетите его — нашего

уполномоченного учителя, прямо сейчас!»

Шах умудрился с блеском сымитировать особый стиль дешевой американской

телерекламы, и пока он говорил, я не сводил глаз с леди. Свою почтительную и

выдержанную позу она сохраняла в течение примерно первых пятидесяти слов.

Затем выражение ее лица стало меняться. К моменту, когда рекламный призыв

достиг своего триумфального завершения, она совершенно преобразилась.

Казалось, каждый волос на ее голове встал дыбом; выражение лица резко

изменилось, глаза пылали. «Воплощенная ярость» — вот что она из себя

представляла. Два-три раза она поперхнулась, затем вскочила и судорожной

походкой направилась к выходу. Я убежден, что если бы она могла преднамеренно

напускать на себя такой вид, ей бы ничего не стоило стать почитаемым лидером

своего собственного культа, притом без всякого контакта с каким-либо «замечательным, замечательным учением».

Однако за каждым углом нас ожидают сюрпризы. Спустя несколько лет я

неожиданно столкнулся с этой леди, но уже среди нас. Я был поражен, узнав, что

теперь она очень даже неплохо владеет разговорным и литературным персидским.

Когда я попытался разузнать об обстоятельствах того, что произошло с ней, и как

случилось, что она вновь посетила нас, упакованная двумя формами персидского, в

ответ она привела мне цитату из «Обители Весны» Джами.

Лишь теперь, лишь коснувшись тебя, я узнал, что —

Сделав мой первый шаг к тебе, я на шаг от тебя отдалился.

После этого мог ли я продолжать дальнейшие расспросы? Все, что я позволил себе,

— напомнить ей суфийский совет от Мастера Фаридуддина Аттара:

«О дитя! Никогда не путешествуй в одиночестве — ибо, решившись на это, ты

вступишь на опасную тропу».

Глава 8. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ГНЕВ

Университеты и аудитории, и ученые лекции,

кружки и монастыри —

Что проку в них без знания и видящего ока?

Хафиз

Принято считать, что мало кто, находясь вне академической жизни, размышляет о

ней, а тех, что живут ею и озабочены чем-то еще кроме нее, и того меньше.

Почитание авторитета в академической среде, несомненно, поддерживается ее

высшим эшелонам. Шах иногда цитирует такое высказывание: «Я — глава

Баллиольского университета, и чего не знаю я, то знанием быть не может».

Однако после того как средневековый удушающий контроль над любым видом

образования потерял силу и открылись другие пути в высшее общество, сад

Академию теперь уж не назовешь, вслед за Гербертом Д. Уэллсом, «братством

эффективности, вольным масонством науки».

Крупных специалистов, бескорыстно преданных науке, довольно много, и это не

подлежит сомнению. Но научная среда не избежала своей доли злобы, соперничества, заговоров и даже фальсификаций, о чем все больше и больше

свидетельствуют широкая пресса, телевидение и разоблачения разных диссидентствующих ученых, пробивающихся наверх.

Кто-нибудь нет-нет, да и привлечет внимание к этой странной ситуации. Например, профессор Раймонд Литлтон из Кембриджа вывел математическую формулу, определяющую степень, до которой при существующих условиях любая

академическая наука обязана отклоняться от истины.

Никто, кажется, не задумывается над тем, как вообще возможно, чтобы

профессорское всеведение неизменно поддерживалось в нерушимой сохранности, в то время как труд исследователя в своей основе нацелен на достижение

результатов, иногда идущих вразрез с доселе незыблемыми «фактами» ученых.

Одна из дисциплин, в которых такая ситуация преобладала в течение многих лет, пожалуй, даже столетий, — это наука с причудливым названием «востоковедение».

Из поколения в поколение ученые, сначала на Западе, а позже, через своих

учеников, и на Востоке, посвящали жизнь изучению и изложению непререкаемых

мнений, в том числе и по поводу суфийской литературы и дервишеских орденов.

Их выводы были противоречивыми, часто запутанными и абсурдными и очень

сомнительными — чему, по-видимому, способствовало несколько факторов. Вот

один из них: каждый эксперт, будучи в состоянии овладеть ограниченной

территорией, становился в этой области специалистом и оставался таковым, не

нарушая положения других авторитетов, восседающих на соседних вершинах.

Сравнительных изучений, опять-таки, проводилось очень немного. Кто-то, изучавший Руми, полагал, что суфизм — это любовь, а занимавшийся Хафизом мог

заявить, например, что Мудрец из Ширази вовсе не был суфием; ученый, посвятивший себя чтению Саади, мог заключить, что суфии того времени были

моралистами. Те же, кто наблюдал радения «крутящихся» дервишей, уподобляли

оных шаманам и магам примитивных племен.

Вот почему востоковеды в начале 1960-х годов почувствовали себя членами

сообщества, достигшего некоего статического равновесия.

Именно этому безмятежному существованию и пришел конец, когда в 1964 году, как

гром среди ясного неба, читающей аудитории была явлена книга Идриса Шаха с

простым названием — «Суфии».

Неспециалисту трудно до конца оценить, какой переполох вызвало это событие в

определенных кругах эрудитов; мне самому, чтобы понять его, пришлось тщательно

ознакомиться со всей историей вопроса. Книга Шаха (по-прежнему бестселлер на

нескольких языках) — по сути является сообщением о суфиях и их учении, а также о

том влиянии, которое они столетиями оказывали на широкий круг институтов и

культур. Ее крайняя полемичность состояла в следующем: рукою самого суфия в

ней со всей ясностью было написано, что значительная часть суфийской

9 Сад близ Афин, где Платон обучал своих учеников. *Прим. переводчика.*

литературы ориентирована на определенные территории и времена и адресована

исключительно конкретному читателю. В книге утверждалось и подкреплялось

примерами, что эксперты совершенно проглядели закодированный материал и не

поняли даже простейших отрывков из персидской и арабской классики, написанной

суфиями. Приводя выдержки из большого количества работ как западных, так и

восточных ученых и связав цитаты воедино, автор показал, что суфии гораздо

более значимы, полезны и важны, чем было принято считать.

Но откуда же тогда такой взрыв эмоций, передергивание цитат шаховского текста, нападки и ужас? В конце концов, новое знание приходило и прежде; те же, кто не

был затронут напрямую, могли легко избежать конфронтации. Причина крылась в

крайне уязвимом наборе убеждений и жизненных обстоятельств, составлявших

основу существования профессиональных востоковедов.

Некоторые из этих ученых были сугубо идейными представителями фанатично

настроенных групп (или сект), утверждавших свое превосходство, исключительность

и прочее. Другие принадлежали к быстро распространявшимся культам, этиологию

которых беспощадно раскрыл Шах. Третьих охватило негодование по поводу того, что каждый мало-мальски заметный литературный журнал опубликовал

восторженные рецензии на эту книгу. Ведь Шах обратился к публике напрямую, через головы ученых. Введение к «Суфиям» написал Роберт Грейвс, а в числе

рецензентов книги — и в Британии, и в Штатах — были выдающиеся писатели и

литературоведы своего времени — как мужчины, так и женщины!

Казалось бы, всего перечисленного уже более чем достаточно, чтобы привести в

ярость всякого уважающего себя ученого, однако должно было случиться и нечто

худшее. В университетах развелось слишком много молодых людей, которым было

явно недостаточно того, что открывали им профессора, они хотели получить ответы

на вопросы, возникавшие в ходе самостоятельного чтения литературы.

Значительное число студентов, специализировавшихся по нескольким дисциплинам, прочли книги Идриса Шаха.

Журналисты, как люди плохо осведомленные об этой ситуации, были немало

озадачены, когда их вдруг стали осаждать университетские «светила», требуя

писать статьи, осуждающие Шаха. И тут произошло самое забавное: журналисты

заподозрили, что за всем этим и впрямь скрывается нечто весьма значительное.

Однако они привыкли считаться с профессурой — ведь ученые мужи снабжали их

мудрыми замечаниями, столь необходимыми в работе над темами, в которых

профессора слыли экспертами.

Некий очеркист лондонской воскресной газеты поведал мне об интервью с одним

совсем потерянным от горя востоковедом, твердившим, что «Шаха надо остановить, ибо он чрезвычайно опасен». Поначалу журналист, как водится, наострил уши, но

вскоре расслабился, выяснив, что «опасность» угрожала всего-навсего авторитету

некоторых профессоров — они могли предстать в смешном виде перед своими

студентами. «Боюсь, что идею для некоторых нападков на Идриса Шаха невольно

подал я, — признался он мне. — Понимаете, я сказал этому профессору: "Извините, старина, но во всем этом нет ничего пикантного. Вот если бы вы могли мне

предоставить какой-нибудь компромат на него ..."»

Именно с этого времени в газетах стран Среднего Востока стали появляться

объявления, приглашающие всякого, кому известно хоть что-то дискредитирующее

Шаха или суфиев, связаться с автором объявления и получить за свой материал

вознаграждение. Частные детективы взялись за Сейида Идриса, его семью и

спутников. Но, увы, к их разочарованию, он был «чист». На ряд объявлений

откликнулись друзья Шаха и, я опасаясь, заманили нескольких законченных

педантов в отдаленные горные районы Азии, где нагроутили их всевозможными

ошеломляющими и насквозь вымышленными подробностями о Сейиде, из которых

следовало, что он и главарь бандитов, и содержатель гарема, и мучитель животных,

человек совсем опустившийся, к тому же заядлый картежник, а вообще-то

происходит из семьи кули10, и еще многое в том же духе.

Поскольку специалисты по суфиям, в сущности, знали о них чрезвычайно мало, они, естественно, и не осознавали, что путь, на который они опрометчиво вступили, уставлен ловушками, ибо подобные трюки по отношению к ученому миру суфии

применяли столетиями. Классический случай — провалившийся судебный процесс

в Алеппо в XII веке, затеянный исламской инквизицией против Ибн аль-Араби, чтобы подорвать его репутацию. Кроме того, существовала довольно внушительная

группа объективных ученых, понимавших значение и смысл работы Шаха. Они как

бы стояли за кулисами в ожидании своего часа.

Были также и те, кто находился, так сказать, посередине. Я прибыл в Англию как раз

в то время, когда шум в ученом мире достиг апогея. Одно письмо к Сейиду, которое

я видел, было написано человеком ученым и явно миролюбивым. Привожу его, чтобы дать хотя бы частичное представление об атмосфере тех дней.

«Дорогой Шах!

У меня, всю жизнь подвизавшегося на стезе востоковедения, не осталось более

никаких желаний, кроме одного: умереть спокойно. Это означает, как вы поймете из

дальнейшего, что я ничуть не снимаю с себя своей доли ответственности за

злобные нападки моих коллег и современников; ибо ученый мир — это, прежде

всего, мир накала страстей и ненормального возбуждения.

Ваше представление (суфийских материалов в новом свете), как и любой

революционный почин, вызвало хаос и замешательство. Подобно всем

революционерам, вы сумели выбрать время и цель. С недавней поры все чаще

приходится выслушивать дебаты о вашей работе и о вас лично.

Однако, и для меня

это совершенно очевидно, мои не слишком сдержанные коллеги, пытаюсь добраться

до мыши, готовы разнести весь дом...»¹¹

В письме было и многое другое в том же духе. Мне показалось, что составлено оно

очень хорошо, и я сказал Шаху:

— На самом деле вот что он говорит — не стреляйте в пианиста, он играет, как

умеет!

— Если игра пианиста недостаточно хороша, это само по себе чревато

последствиями. Стрельба же не входит в круг моих занятий, — заметил Сейид. —

Однако, если я мышь, им следует придумать на меня мышеловки похитрее. А пока

неплохо было бы разобраться, кто тут и в самом делемышь.

И он обрисовал мне план.

Мы подписались на газетные вырезки по интересующей нас тематике, и у нас

собралась изрядная куча обзоров и статей о Шахе и его деятельности. Запросы, поступающие от прессы, библиотекарей, а также от академических ученых, которые

испрашивали информацию для своих лекций и диссертаций, обеспечивались

материалами из этой коллекции. В итоге Крис Фергюссон и несколько других людей

объединили собранный материал в десять объемистых томов и назвали сборник: Идрис Шах /Документы.

10 Название в Азии простых чернорабочих. *Прим. переводчика.*

11 Осердясь на блохи — одеяло в печь. *Прим. редактора.*

Главный помощник по исследованиям Хуссейн Ансари и я постарались собрать как

можно больше направленных против Шаха обзоров и ссылок. На это ушло немало

времени, поскольку пресса не слишком-то охотно принимала к печати статьи от

недовольных ученых. Сделав копии собранных работ, мы разослали их заведующим, наверное, дюжины университетских кафедр, а также другим

известным личностям в области образования. В сопроводительном письме мы

просили их сообщить нам свое мнение о данном материале. Результатом была

лавина писем, статей и брошюр. Подавляющее большинство ученых полностью

приняли сторону Идриса Шаха. Казалось, каждый спешил засвидетельствовать в

прессе, что поддерживает его труды.

Было получено такое количество откликов, что под редакцией историка

Кембриджского колледжа, All Souls, и профессора-востоковеда Л.-Ф.Рашбрука

Вильямса была издана объемистая книга, посвященная вкладу Шаха в человеческое знание.

Я был вместе с Сейидом Идрисом на Среднем Востоке, когда по телексу мы

получили вырезки из некоторых статей. Я не удержался, чтобы не сказать: «Вы не

только поставили мышеловку, но и подрядили самих мышей изготовить ее!»

Шах же, просматривая пачку писем и телеграмм, в которых ему предлагались и

профессорские должности, и степень почетного доктора и т.п., заметил: «У меня

даже такое впечатление, что сыр для мышеловки мы могли бы оставить себе...»

Тем не менее нашелся один велеречивый ориенталист, который на общем

восторженном фоне опубликовал клокочущее гневным возмущением разоблачение

Шаха. Но когда мы, обратившись за отзывом, разослали копии этого опуса всем, теперь уже восторженным, поклонникам Сейида Идриса из мира науки, ответ, конечно, ударил по автору разоблачения.

Упомянутый сборник еще не вышел в свет, а уже многие, прослышав о нем, выразили свое отношение. Среди них был выдающийся афганский ученый

профессор Халили, а также деятели Англиканской Церкви, ученые-гуманитарии из

Ирана, Пакистана, Индии, Индонезии и многих других стран, в том числе из Африки.

Вскоре после этого мы вернулись в Англию, и до нас докатилась волна

презабавного ропота со стороны непримиримых. Например, один ученый, весьма

важная персона из Оксбриджа, услышав о беспрецедентной поддержке, оказанной

Шаху, воскликнул: «Любой, у кого так много спонсоров, не может не вызвать

сильнейшего подозрения!»

Один бывший оппонент прислал поэму в восточном стиле, однако предупредил нас, что очаг сопротивления все еще не угас.

I was sure that you were the enemy of Truth
and that I was its Friend;

I now know that it was I who was the enemy
and that you were its Friend

I can only hope that now I, for one, will never
again be that enemy, even if I cannot aspire to be a Friend¹².

¹² Я верил прежде, вы — враг Истины,

А Друг её — конечно, я.

Я знаю ныне, что врагом был я,

А Другом были вы, конечно.

В то время я не держал руку на пульсе событий, поэтому мне было
очень

любопытно, на какие еще поступки способны оставшиеся хищники. Я
спросил об

этом Шаха, и он ответил:

— Это любопытно вам, а не мне. Почему бы вам и не спросить кого-
нибудь из них?

— Они же никогда не поделятся со мной, не так ли? — сказал я.

Шах тут же ответил:

— Тогда ради вас я позвоню кому-нибудь из них и расспрошу его.

— А с вами-то зачем ему делиться?

— Во-первых, со мной лично мало кто из них знаком (кстати, интересно, что, по

меньшей мере, с 1950 года, когда Шах впервые получил широкую известность, и до

сего времени, по прошествии тридцати лет, никто из знавших его лично не нападал

на него, а вот из ученых хулителей ни один никогда не встречался с Сейидом), а во-вторых, они так переполнены раздражением, что кому угодно поведают все, что у

них «накипело». У них есть психологическая потребность, состоящая из

«потребности нападать» и «потребности в сочувствии».

Он спросил меня, кому позвонить. Я назвал имя, сказав, что это вполне подходящий

ничтожный выскочка и можно попробовать на нем...

Шах ответил:

— Нет, нет! Выбирайте одно из двух — вы не можете одновременно находиться в

раздражении и развлекаться. Прежде всего, чего мы ищем? Развлечения. А во-вторых — наставления. Не стоит опускаться до мелкого обзывательства.

Итак, мы поискали номер телефона одного из критиков Шаха, Сейид Идрис набрал

номер, а я взял параллельную трубку.

Сейид Идрис начал разговор так:

— Мы не знакомы, но я один из тех, кто не из праздного любопытства хотел бы

знать, что вы собираетесь предпринять в отношении Идриса Шаха. Не слишком ли

безудержно растет его популярность и укрепляются позиции?

Ученый ответил:

— Увы, теперь мало что можно предпринять. Конечно, я не прекращу своих атак, однако у этого человека полно друзей...

— Позвольте, но разве он — не угроза для всех?

— Теперь, пожалуй, уже меньшая угроза — ведь он принял профессорскую

должность, я вчера прочитал об этом в Times.

— Вы хотите сказать, что после этого он уже не посмеет посягать на наши позиции и

положение? — спросил Шах, широко улыбаясь.

— Я имею в виду, что академики всегда проявляют лояльность по отношению друг к

другу.

— Уж не значит ли это, что и мы теперь не сможем напасть на него?

— У нас-то всегда есть шанс зацепить его за книги, которые он пишет, и раскрутить

какой-нибудь скандал, подкинуть пищу для прессы. Разве вы, уважаемый, никогда

не слышали об академическом гневе?

Но у меня надежда есть, что во врагах

Мне уж не быть, хотя и в други я не угодил.

И они продолжали беседу в том же духе. Я думаю, это был самый странный

телефонный разговор из всех, что я когда-либо слышал.

«В том, как окружающие относятся к великому открытию, есть три стадии: вначале

люди сомневаются, что такое вообще возможно, затем они отрицают важность этого

и, наконец, открытие приписывают кому-нибудь другому», — говорят, это замечание

принадлежит Александру фон Гумбольдту, государственному деятелю и ученому-натуралисту. Такая схема, действительно, просматривалась в реакциях на работу

Шаха, но, к счастью, стадия присвоения достижений другими имела место только в

случае с одним или двумя гуру, которые, взяв материалы Шаха, представили их от

своего имени. В наши дни, однако, приоритет определяется фактом более ранней

публикации, поэтому на серьезном уровне такой уловке не придают значения.

В течение всего периода, покуда длился академический гнев, Шах, конечно, не был

совершенно одинок. За сценой стояли весьма значительные фигуры — хотя и

различного уровня понимания, но относящиеся к нему благожелательно.

Например, в Оксфорде у Шаха были тесные контакты с профессором сэром

Гамильтоном Гиббом, и Сейиду ставилось в заслугу, что он был для профессора

постоянным и бесценным источником большого объема материалов по современному положению на Среднем Востоке, которыми тот пользовался в своей

работе. Сам Гибб считался пионером в изучении арабов еще со времени работы в

колледже Св. Иоанна. В отличие от большинства экспертов, он много времени

проводил на Среднем Востоке.

Дружба эта вела свое начало еще с 1930-х годов, когда отец Шаха впервые

встретил Гибба, работавшего тогда в Королевском Институте Международных

отношений в Чатем-хаузе.

Гибб и Шах-старший принимали активное участие в международных делах, но те, кто знал обоих более близко, были убеждены, что их связывает в большей степени

суфийское сотрудничество.

В прошлом ректор Алигархского университета в Индии (престижного заведения, известного своим интересом к суфизму) и сам суфий, Шах-старший называл Гибба

«нашим человеком в Оксфорде», а также «сегодняшним Роджером Бэконом». Бэкон

в XIII веке читал лекции в зарождающемся Оксфордском университете, и часть его

наследия, как выяснилось, имеет суфийские истоки.

В числе востоковедов, полностью понимавших ситуацию, был и профессор Юлиус

(Гиула) Германус из Будапешта; его принадлежность к суфиям никак не была

связана (это часто бывает) с его академической репутацией в западном научном

мире. Высказывалось предположение, что одно время он исполнял обязанности

«столпа» Юга — знаковое имя, звучащее в традиции как Абдул-Кадир. Известно, что

Германус, под именем Абдул-Кадира, совершил паломничество в Мекку. Он был

другом Т.-Э.Лоуренса, а также короля Саудовской Аравии Ибн Сауда; до выхода в

отставку занимал должность профессора исламской истории в университете

Будапешта. Так же, как и Сирдар Ик-бал Али Шах — отец Идриса Шаха, он был

другом Кемалю Паши — Мустафы Кемалю Ататюрка, основателя современного

турецкого государства.

Были и другие свидетельства наличия суфийской сети, еще более необычные.

Здесь, в ходе моего повествования, могу упомянуть лишь об одном таком примере

из, быть может, двадцати, которые я для себя отметил.

Как-то, прогуливаясь по главной улице маленькой деревушки в Кенте, где

находилась штаб-квартира Шаха, я заметил подтянутого, весьма пожилого человека

в плаще, накинутом в классической суфийской манере на плечи. Он меня тоже

заметил и, без всяких церемоний заговорив со мной, пошел рядом. О Шахе он

отзывался с большим уважением и, как оказалось, был известным ученым, специалистом по Ирану, арабам и курдам, работал в Кембридже и Лондонской

Школе Восточных Наук. Это был Джон Эдмондс, а предметом его изучения и темой

публикаций были суфии братства Накшбанди. Много лет он прожил на Среднем

Востоке, занимая пост министра. Но что же он делает в Западном Кенте, здесь, в

этой глуши? Как что? Он здесь живет, его дом совсем рядом, не более чем в

двухстах ярдах от дома Сейида Идриса. Поселился ли Шах здесь, потому что еще

до него тут обосновался Эдмондс? Или когда-то в прошлом оба знали, что им

предстоит встретиться в этом месте? И хотя они были соседями, я всего лишь раз

видел их беседующими, когда Эдмондс присутствовал на приеме, устроенном

Шахом в честь ряда известных лиц.

Для некоторых людей явилось сюрпризом, что Институт культурных исследований

(ИКИ), где Шах состоит с 1966 года директором по науке, не является суфийской

учебной или пропагандистской организацией. «Она суфийская лишь в том смысле,

— сказал мне один из членов Института, — что нацелена на образование, но ее

образовательная программа, направленная на увеличение знания и опыта в

вопросах культуры и человеческой мысли, не связана никакими ограничениями».

Кто-то другой заметил: «Шах — советник ряда правительств, но это ведь не делает

их суфийскими организациями; он попечитель британских благотворительных

организаций, члены которых, вероятно, и слыхом не слыхивали о суфиях. Его

вовлеченность во многие аспекты жизни проистекает из широты его культурного

диапазона и достижений — у него есть что предложить».

Более конкретно Институт культурных исследований специализируется на

межотраслевом изучении, касающемся одновременно различных дисциплин. В

число его сотрудников и советников входят специалисты из пяти основных

британских университетов, а также институтов многих других стран. Проводя

исследования и осваивая пространство на стыках различных наук, Институт

публикует монографии, посвященные культурному наследию и проблемам

человеческого сознания, а его лондонские семинары, проводимые иногда совместно

с другими учебными заведениями, привлекают широкую и неординарную

аудиторию.

Шах и его Институт поощряют ученых самых различных областей знания: антропологи и психологи, историки и философы академического и иного толка

приглашаются к исследованиям и публикациям результатов по различным темам, среди которых внимание уделяется научным сферам, где известные разграничения

и формальные рамки специфических областей знания мешают целиком охватить

какую-то проблему.

Так, бывший глава отдела культурных связей британского Министерства

иностраннных дел представил для Института исследование, посвященное

культурному империализму; профессор психологии — исследование в области

сознания, а группа известных ученых — сборник работ на тему воздействия (в

прошлом и будущем) на человеческую жизнь таких факторов, как энергия, экология, технология и сельское хозяйство. Ныне Институт получил широкое международное

признание.

Почти девять лет ушло на то, чтобы колесо сделало полный оборот, но когда это

наконец произошло, результат оказался убедительным. Перечень институтов, избравших Идриса Шаха почетным членом, ожидавших его посещения или

приглашавших выступить с лекциями, или тех, что использовали его работы, состоял из ведущих мировых культурных организаций.

Собрания книг Шаха можно

найти в каждой публичной библиотеке Британии. В исламском мире — Арабская

академия, пакистанская организация «Исламская идеология», ведущие богословы, а также учебные кафедры философии и религии в Мекке

всецело поддерживают

его. Таким же весьма широким признанием Шах пользуется в среде иудейских и

христианских ученых.

Его институт столь серьезно зарекомендовал себя, что спустя четыре года после

основания стал единственной британской неправительственной организацией в

сфере образования (другой такой организацией был до недавнего времени только

Национальный Фонд Исследований в области образования¹³ — государственное

учреждение); кроме того, он представлен в стандартном международном

справочнике Мир Учебы, а также признан Департаментом образования и науки как

самостоятельная учебная организация.

Начиная с этого времени, враждебно настроенным ученым стало гораздо труднее

отказывать работам Шаха в научности. Возглавив Академию известных

мыслителей, Шах теперь был значительно более авторитетным в научных кругах, чем многие из его оппонентов.

Косвенным подтверждением вклада Шаха в образование стала архивная

библиотека в одном из его офисов. Ее полки заставлены монографиями и

авторскими рукописями. Половина из них — опубликованные работы, в которых

современные специалисты в востоковедении, романских языках, менеджменте, психологии, терапии, в вопросах религии и многих других дисциплинах

использовали его труды и признали это.

Другую половину составляют неопубликованные статьи на темы, которые выходят

за рамки профессиональных интересов авторов. Так, представители точных наук

пишут в этих статьях о религии; эксперты в технологии — пишут о психологии; социологи — об эволюции, богословы — об экономике. Статьи такого рода обычно

сопровождаются письмами, где авторы, ссылаясь на то, что образовательные

институты не поощряют публикаций на темы, лежащие вне сферы

профессиональных интересов автора, просят Шаха оказать содействие в

опубликовании их работ — пусть даже под другим именем...

История с «мышеловкой» закончилась благополучно. Ныне отношения между

Шахом и учеными-гуманитариями свойственны теплота и понимание, иной раз

доходящие чуть ли не до признаний в любви.

«Победа, — говорит Идрис Шах, — испытывает человека в ничуть не меньшей

степени, чем поражение».

Во время написания этой книги один психолог, ученый-теоретик, чья работа на

сегодняшний день повторена тремя другими группами ученых, сделал сообщение

на тему конфронтации между суфиями и профессиональными академиками, чувствующими потребность бросить суфиям вызов. Его исследование привело к

неожиданному и благотворному результату.

В основе поведения высших академических авторитетов, утверждает он, лежит

эгоистическое самооправдание. Так, один старейший ученый-гуманитарий, комментируя свое прежнее отношение к собственной профессии, сказал: «Мне

привычно было думать, что я прав, только потому, что я — профессор, ведь я

профессор — именно потому, что прав».

13 National Foundation for Educational Research. *Прим. переводчика.*

Снова и снова Шах подчеркивает, что суфии вовсе не противники академических

ученых, они просто настаивают на том, что суфийская работа требует объективности и не терпит эгоистической погони за знанием.

Будучи советником по образовательным программам и публикациям, Идрис Шах

предоставил многим академистам возможность опубликовать их исследования.

Помню, как он просидел всю ночь, заново переписывая совершенно невразумительную рукопись одного ученого, чтобы ее принял к печати некий

издатель, которому Сейид обещал показать эту работу на следующий день.

Почему? «Я посчитал, что предмет и суть исследования имеют ценность. Однако

самому автору не хватает таланта и умения изложить свои мысли и правильно

предъявить авторскую работу».

Большинство людей, как в ученой среде, так и вне ее, вплоть до сегодняшнего дня

воображали, что суфизм относится исключительно к области востоковедения или

окультизма. Именно Идрис Шах указал на актуальность суфийских идей в русле

основных гуманитарных дисциплин — психологии и здоровья, искусства, западной

религиозной философии, даже истории европейской мысли, причем он показал эту

актуальность в мельчайших деталях.

В то время как самопровозглашенные суфии тратят время, вращаясь в эзотерических обществах или с головой погружаясь в набор литературных

произведений, который создан для читателей, живших много поколений тому назад, а ныне неуместен, Шах демонстрирует аудитории реальный суфийский поток, и в

самом деле имеющий актуальное значение.

Сейид читал лекции на кафедре Европейских гуманитарных наук при Сассекском

университете, обучал, будучи в должности профессора, на факультете

Протестантских гуманитарных наук в университете Женевы, и даже ездил в

Калифорнию, но не с тем, чтобы пламенными речами зажечь сердца кандидатов на

просветление, а в качестве приглашенного профессора медицинского факультета

Калифорнийского университета. Он стал почетным профессором (*honoris causa*) Латинского католического университета, а также бывал частым гостем в

университетах Среднего Востока. И даже этот размах был очевиден не для всех.

Стало известно, что некий востоковед, обсуждая Шаха с группой интересующихся

неспециалистов, сказал: «Ну, откуда Идрису Шаху знать, как мы здесь на Западе

занимаемся суфизмом, ведь он изучал его только на Востоке!»

И это было заявлено в период, когда Шах чуть ли не ежедневно демонстрировал

исторический контекст суфизма и результаты его влияния на Запад, начавшегося, фактически, с X века, то есть задолго до того, как появилась такая наука как

востоковедение.

Именно в те времена христианские ученые были привлечены в мусульманскую

Испанию, а домой увезли то, чему там выучились, пропитав учением суфиев

средневековое мышление. Суфийские истории задействованы не только в

произведениях Шекспира и Чосера. Множество книг, авторство которых

приписывалось исключительно христианским или иудейским ученым, имеют

суфийский источник или вдохновлены соответствующими суфийскими идеями.

Вся эта информация должна была бы стать базовой составляющей научного знания

и находиться в распоряжении академических кругов, поскольку она явно и косвенно

содержится в источниках, которые ученым должны быть известны. Тем не менее в

большинстве своем эти сведения оказываются не востребованы, главным образом

потому, что рассеяны по не очень доступным монографиям и давным-давно не

переиздававшимся книгам. Шах собрал часть этих разрозненных отрывков и

добавил к ним традиционные материалы из восточных, суфийских источников.

Очевидно, что сделать это было крайне необходимо. Достаточно взглянуть на

ссылки Шаха по поводу непоследовательности ученых, где он, щадя большинство

из них, не называет имен, хотя всякий, кто знаком с так называемыми «классическими работами», вышедшими на европейских языках, без труда угадает, кого подразумевает автор.

Шах пишет: «Средний человек, желая разузнать, что же это такое — суфийское

мышление, обратится к справочной литературе... или откроет книги ученых, специалистов по религии и мистицизму... Но каковы познания самих

специалистов?» И он продолжает:

«Согласно одному персидскому ученому, суфизм — одна из христианских ересей.

Другой ученый, профессор из Оксфорда, полагает, что суфизм возник под влиянием

индусской Веданты. Некий арабо-американский автор говорит о суфизме как о

реакции на интеллектуализм в исламе. Еще один профессор, специалист по

семитской литературе, настаивает на том, что источник суфизма — в центрально-азиатском шаманизме. Немецкий ученый рекомендует нам в поисках основных

принципов суфизма "обратиться к христианству и буддизму". Невероятно? Но и это

еще не все.

Два крупных английских востоковеда в своей версии происхождения суфизма

делают акцент на сильном влиянии неоплатонизма. Один из них все же допускает, что суфизм возник сам по себе. А вот арабский ученый, публикующий свои работы в

изданиях одного американского университета, уверяет читателей, что неоплатонизм

(который он рассматривает как один из компонентов суфизма) сам складывается из

греческой и иранской составляющих. Один из величайших испанских арабистов, утверждая, что суфизм — имитация христианского монашества, в то же время

выдвигает в качестве источника суфизма манихейство. Другой не менее известный

ученый обнаруживает влияние гностицизма на суфиев; английский профессор, переводчик одной работы по "суфистике", предпочитает думать, что суфии — "некая

персидская секта". Другой переводчик видит мистические традиции суфиев в самом

Коране».

Рассказ обо всех этих «специалистах» Шах завершает цитатой из работы

профессора Р.А.Николсона, который, похоже, полностью отказался от борьбы:

«Хотя многочисленные определения суфизма, которые можно встретить в

соответствующей арабской и персидской литературе, и представляют исторический

интерес, их основное значение в том, что они показывают — суфизм неопределим».

Стало быть, неудивительно, что некоторые ученые были разгневаны...

Даже после того, как Идрис Шах стал «уважаемым» в академическом смысле этого

слова, он, находясь в университетских конклавах, вполне мог позволить себе в ходе

научных бесед применять в небольших, но весьма эффективных дозах обучение

действием.

Заведующий кафедрой философии Европейского университета в качестве

застольного анекдота поведал такую историю:

Сейид Идрис прибыл в наш университет и прочитал курс лекций, явив образец

ясности изложения. Читая лекции, он то и дело прерывался и заглядывал, как мне

показалось, во что-то вроде конспекта — стопку скрепленных листков...

Впоследствии, собираясь просить у него разрешения на публикацию его лекций в

нашем журнале, я подобрал эти листки. Каково же было мое удивление, когда я

увидел, что они были совершенно чисты.

— Кажется, в ваших конспектах совсем нет записей, — сказал я.

— Ах, это... — ответил он, — понимаете, в прошлом я замечал, как часто люди

критикуют все, что вы говорите, полагая — раз у вас нет на руках заметок, материал

не был вами тщательно подготовлен. Или же они оказываются слишком захвачены

вашей способностью читать лекцию, не пользуясь конспектом, и в результате

невнимательно слушают то, что вы, собственно, говорите. Поэтому теперь

«конспект» всегда при мне.

Я почувствовал, что за этой историей кроется нечто большее, о чем и спросил

Шаха. Он сказал:

— Много лет назад мой почтенный отец познакомил меня с суфийским подходом к

учебе. Есть, сказал он, три пути, три способа учебы.

Путь рабов: люди запоминают материалы и следуют им рабски, буквально. На этом

пути человек может считать себя учеником или даже ученым.

Путь ученых: человек собирает материал, согласно своим предпочтениям, он даже

согласен выставить выполненную работу на обсуждение и принять критику, которую

его научили считать правильной.

Путь мудрых: человек способен извлекать из материалов то, что в них реально

содержится. Такой человек не испытывает удовольствия от запоминания, не

принимает похвалы за хорошую память. Он будет изучать лишь полезные

материалы, а не те, которые его приучили считать важными. От этих материалов он

получит максимальные преимущества, а также то, что исходит от Истины и ведет к

ней.

Проверка временем показала, что определения эти верны всегда, и всякий раз, когда я применял их, мне удавалось достичь своей цели. Подтвердилось также и

замечание моего отца на эту тему: «Первый путь — путь привычки, второй — путь

привычки и действия, третий — это путь избавления от привычки через понимание

действия, то есть вместо того, чтобы нами управляло одно из двух — или привычка, или действие, — мы обретаем способность управлять ими, когда в этом есть

необходимость. Однако, как сказал мне отец, — остерегайся слишком упорно

убеждать людей в истинности этой важной тайны, ибо в большинстве случаев, чем

настойчивее ты будешь, тем с большим упрямством они станут опираться на

привычку и на действие, вытекающее из привычки, потому что это их защитная

реакция на твой вызов».

Часто появляются комментарии на стиль работ Шаха, а эксперты по восточным

языкам отмечают точность, с которой он укладывает витиеватые персидские тексты

в жесткую английскую речь.

Роберт Грейвс написал предисловие к книге Шаха «Суфии», а также к испанскому

переводу его «Сказок дервишей», и, кроме того, Грейвс и Шах, как известно, —

друзья, поэтому часто полагают, что Сейид Идрис сформировал свой стиль под

влиянием этого английского поэта — величайшего из ныне живущих. Шах никогда не

подтверждал и не отрицал этого, но однажды, обращаясь к двуязычной англо-персидской аудитории, пояснил, почему его переводы и столь точны, и столь

современны. Классический персидский язык XIII века по форме и употреблению

очень напоминает современный английский, в том смысле, что оба эти языка в

своем развитии достигли идентичных стадий, один — в тринадцатом, а другой, соответственно, — в двадцатом столетии. В те времена, шесть веков тому назад, персидский был столь же современен, как английский язык сегодня.

Широкое внимание общественности к книгам Шаха с неизбежностью принесло ему и

личную известность. Многие из академистов полагали, что быть знаменитым

неприлично. Даже те, кто по прошествии первого шока приветствовали «новое

востоковедение», чувствовали, что полное признание Идриса Шаха учеными

несколько задерживается из-за слишком широкой его популярности.

Один из таких ученых, придя на встречу с Сейидом Идрисом чуть раньше срока, в

беседе с его секретаршей в офисе сказал ей конфиденциальным тоном:
«Почему он

позволяет людям так себя расхваливать?»

Секретарша улыбнулась и как бы в недоумении покачала головой.
Затем столь же

конфиденциально ответила: «На самом деле вопрос в том — и, кстати,
почему бы

вам самому не задать его Шаху, — как ему удастся убеждать еще
большее число

других людей удержаться от похвалы в его адрес?»

Курьезы мышления академистов были подмечены людьми, далекими
от суфийского

круга, а это способствовало тому, что критика суфиев в адрес ученых
нашла

понимание у многих людей. Я выделил для себя два суждения об
ученых.

Первое принадлежит заслуженному профессору в отставке Джавесу
Борзуну из

Колумбии. Ему отведены три дюймовые колонки в сборнике Who's
Who («Кто есть

кто»), в коих представлены набранные плотным шрифтом сведения о
его

послужном списке и почетных званиях, так что его опыт и знания об
ученой среде

уникальны. «Привычки и страсти, свойственные профессии ученого,
— пишет

Борзун, — навязывают ее представителям традицию скрытности, невежества и

самообмана, которая, не будучи ни предумышленной, ни порочной, все же

удивительна для социальной группы, соприкасающейся с формами истины».

А второе суждение, высказанное пятнадцатью годами позже, в 1981 году, редактором литературного приложения к Times, указывает как на великолепие, присущее академической среде, так и на ее уродливую сторону. Джон Гросс как

человек, который на протяжении многолетней, даже затянувшейся службы решал на

страницах своего в высшей степени авторитетного издания, достичь ли тому или

иному ученому вождем славы, сказал после ухода с поста редактора:

«Корреспонденция того или иного человека может в одночасье продемонстрировать

выдающуюся, даже ошеломляющую ученость автора, в самом высшем ее

проявлении, и одновременно показать во всей неприглядности убожество его ума».

Все шире и шире получает признание факт, что отчасти эта проблема возникает из-за слишком узкой специализации ученых. Такую точку зрения убедительно

обосновал мне один из наиболее знаменитых ученых Востока шейх Махмуд

Шалтаут, ректор исламского университета Аль-Азхар в Каире.
Объяснив, что ему

понятна причина, по которой Шаху было суждено стать жертвой злобы
академистов,

— ведь суфии, как полагают ученые люди, претендуют на высшую
мудрость, —

шейх закончил свою речь такими высокими для человека письменной
учености

словами: «Мы, ученые и теологи, многое знаем, некоторые из нас
благочестивы, может быть, даже религиозны, — нас можно называть
людьми веры. Те из нас, кто

ориентирован на религию, глубоко эмоциональны. Но суфии, и в их
число я

включаю Идриса Шаха, — это люди знания: несомненного
внутреннего видения, а

не веры. Они — истинно Божьи люди, и поэтому им нет нужды
опираться на эмоции.

Нам надо всегда держать двери открытыми, чтобы в нашей среде
оказывались не

только те, кто думает или чувствует, хотя нужны и те и другие, — у нас
также

должно быть место и для тех, кто видит».

Вероятно, на своем языке ректор Аль-Азхара указывал на ту же
ситуацию, которую

имел в виду сэр Исаак Ньютон, отец классической физики, когда
признал

ограниченность обычного научного метода и намекнул на существование некоего

изначального Замысла Истины:

«Не знаю, чем я кажусь внешнему миру, но в собственных глазах я подобен

мальчишке, играющему на морском берегу и для собственного развлечения

подбирающему то здесь, то там самые гладкие камешки или ракушки более

красивые, чем остальные, тогда как прямо передо мной лежит огромный океан

нераскрытой истины»¹⁴.

¹⁴ Цитата из A.L. Mackay, *The Harvest of Quiet Eye*, Institute of Physics, Bristol and London, 1977.

Глава 9. ЧУДЕСА И ПОСВЯЩЕНИЯ

Независимо от того, понятны чудеса или нет,

они выполняют свою функцию — это и есть

их предназначение.

Бахауддин Накшбанди

Наше путешествие с Идрисом Шахом из Англии в Иран, Кашмир, Индию и Турцию

было одним из самых захватывающих. Именно тогда я впервые реально

соприкоснулся с древностью суфизма, а также смог ощутить степень
нынешнего его

присутствия в мире. К тому же в этом путешествии я впервые узнал о
суфийском

подходе к чудесам и своими глазами увидел весьма странные вещи...

От Шаха — как признанного наставника столь обширного сообщества
суфиев —

ожидается, что он будет продолжать ритуалы и время от времени
возглавлять

церемонии, неизменно совершавшиеся в течение многих столетий. Я
знал, что

часть нашего маршрута связана с необходимостью присутствия
Сейида на

посвятительных церемониях в различных дервишеских орденах.

Мне также было известно, что некоторые из подобных ритуалов
утратили гибкость и

широкую направленность, а это едва ли сочеталось с позицией Шаха,
считавшего

адаптацию абсолютным и сущностным условием в суфийском учении.
Пройдя через

ряд событий, я нашел ответ и приблизился к пониманию до той поры
загадочной

для меня дежурной суфийской фразы: «Очевидное — мост к
Реальному».

Прекрасным весенним днем мы совершили перелет из Лондона в
Тегеран и были

встречены друзьями, предоставившими в наше распоряжение «лендровер».

Двигаясь короткими перегонами к восточной границе, мы добрались до Хорасана, знаменитого именами великих суфиев прошлого.

Там мы оставили «лендровер» и присоединились к каравану. Лишь только мы

тронулись, как ничто уже больше не напоминало о XX веке. Впереди и позади нас

растянулся караван, казавшийся бесконечной цепочкой мужчин, женщин и детей, ослов и верблюдов. На смену основным составляющим нашей жизни —

автомобилям и радиоприемникам — пришли коврики, горшки для приготовления

еды и цыплята.

Караван следовал собственным путем, пренебрегая автомагистралями, которые, казалось бы, должны более прямо вести к нашей цели — городу Мосхаду. Каким-то

образом местность поглотила идущих, и если бы кто-то вздумал искать нас на

автомобиле, он неделями колесил бы вокруг, даже не подозревая о нашем

местонахождении.

Приблизительное представление об интенсивности движения по этому древнему

караванному маршруту я получил, когда мне объяснили, что наш караван — лишь

один из многих сотен караванов, движущихся по этим местам в обоих направлениях.

Создавалось впечатление, что для этих людей не существует никаких иных

представителей власти, кроме караванщика. Похоже, ни у кого не было паспорта —

хотя люди могли идти так почти до самой границы Афганистана с Китаем, вплоть до

отдаленного района Вахан, а то и пересекали Амударью — реку Оксус — и

углублялись на советскую территорию, тогда как другие направлялись в Индию.

Значительно позже, когда мы уже находились в Дели, я вновь повстречал некоторых

людей из нашего каравана.

Мосхад (иногда называемый Мешхед или Месхет) означает «святыня», и это

подлинно одно из священных мест Центральной Азии. Цель нашего прибытия была

связана с церемонией принятия группы новых дервишей — людей, довольно долгое

время находившихся в контакте с суфиями и проходивших соответствующее

обучение, чтобы наконец удостоиться номинального приема в братство.

Углубившись в центральную часть города, я и мои спутники оказались на узенькой

улочке. Через дверь в глухой стене мы вошли сначала в сад, а затем в просторный

восьмиугольный зал собраний, свежевыбеленный и отличавшийся простотой

интерьера. Мы прибыли на Ассамблею Пути.

В зале находились титулованный Главный Учитель и дюжина его старейших

соратников. Все они были облачены в темно-синие халаты, возраст их колебался от

тридцати до семидесяти лет. Одни были с бородами, другие — без. Некоторые

принадлежали к персидской этнической группе, отличающейся светлой кожей, прочие были потемнее. Глаза-щелочки кое-кого из присутствующих, без сомнения, указывали на тюркские корни. На стене висел восьмиугольник, музамман, изображенный черной тушью на белой ягнячьей коже, с начертанием слова

«Истина» в самом центре.

После того как мы гуськом проникли в это помещение, прошло какое-то время, прежде чем наши глаза стали привыкать к сумраку. В зале я увидел ряды длинных

зажженных свечей, укрепленных в медных сосудах вдоль стен. Я насчитал их сорок

штук.

Старейшины сидели в ряд напротив двери, а Главный находился посередине.

Увидев вошедшего Сейида Идриса, он сразу встал, поцеловал ему руку и уступил

свое место, а сам сел возле двери. В воздухе присутствовал слабый аромат, скорее

всего, от благовоний.

Примерно двадцать новичков уселись лицом к восьмиугольному символу, а

несколько голосов под аккомпанемент флейты монотонно затянули странную и в то

же время проникновенную мелодию.

Шах произнес текст Церемонии Принятия, потом зачитал список имен, и по мере

того как послушники поочередно перед ним проходили, вручал им различные

предметы. При этом он дотрагивался до шеи каждого. Затем последовали семь

«посвятительных постулатов», которые Сейид произносил на певучем классическом

персидском языке.

1. Вы пришли к нашей двери, но только после того как сбились с пути. Добро

пожаловать к нашему очагу, мы показываем вам Свет, пробуждающий память о

Свете, из которого произошли мы все.

2. Напоминая о нашей беспомощности и состоянии, в котором мы пребываем в этой

жизни, мы вручаем вам чашу нищего, и посох — как символ ваших упований.

3. В память о нашем происхождении и в качестве эмблемы нашей судьбы мы

предлагаем вам этот кусочек золота — символ чистоты и ценности, но на низшем

плане — также и объект человеческого вождения...

Церемония продолжалась, внешне ничем не отличаясь от известной антропологам

формы присоединительного ритуала, более или менее обычного для человеческих

сообществ на всех стадиях культурного развития во все времена и во всем мире.

Человек выпал из высокого, даже божественного родового гнезда. Он утратил путь, но с помощью общины и метода, к которым сейчас обратился, может вновь обрести

этот путь, исполнив тем самым свой земной долг. Путь труден и долог; но его можно

пройти. Первый шаг — принять руководство ордена.

В общем смысле слова это, конечно же, то, во что верят последователи учения, но

столь узкое понимание свойственно лишь дервишеским орденам или

традиционалистским суфийским школам, которые когда-то, в ходе истории, утратили некую внутреннюю составляющую и теперь

полагаются на словесные

формулировки и церемонии как на средства привязать к ордену
взыскующих

просветления. Подобные организации одаривают своих членов
чувством смысла

жизни и социальной интеграции.

А что думают подлинные суфии об этом драматическом действе?

Я спросил одного только что принятого ученика, какое значение он
придает

происшедшему. Вот что он ответил:

«Понимание, которое приходит к суфиям, — без сомнения,
совершенно другого

порядка, нежели то, что на Земле обычно считается знанием. Поэтому
человек, соответственно подготовленный к вступлению в настоящий
суфийский орден, конечно же, не думает, что посвятельная
церемония даже приблизительно

отражает реальную деятельность суфия».

Я спросил его, почему же он принимал участие в том, что, по крайней
мере для

стороннего наблюдателя, выглядит спектаклем. Он сказал:

«Ответ легко найти у классиков суфизма, однако люди читают эти
произведения не

ради подлинной информации, поэтому немногие могут стать
настоящими суфиями.

Все древние мастера говорят о том, что у суфиев знание «иногo» рода.
Но они

говорят также, что "Очевидное — мост к Реальному". Необходим мост,
нечто

способное вовлечь новичка и поддерживать в нем определенные
мысли и действия, являющиеся всего лишь аналогами высших истин.
Таким способом он готовит себя

к раскрытию этих истин в дальнейшем».

По словам Шаха, на уровне истинной самореализации не существует
никаких

противоречий. В орденах, где сохранилась изначальная
проницательность, люди

приходят к одинаковым результатам. Истина одна, а раз так, высшие
авторитеты

одного ордена обычно приглашаются на церемонии других орденов и
сами могут

посвящать в них учеников.

Покинув Мосхад, мы отправились в Кашмир, где Шах был встречен не
как

накшбандийский мастер, а в качестве посвященного, имеющего право
принимать

новых членoв в ряды ордена Азамийя («Великого»), в котором он был

«инспектором». Поскольку данный материал представляет интерес, я
предлагаю

отрывок из словесной формулы, применяемой на этой церемонии.

«(Произносится имя новичка), добро пожаловать на нашу ассамблею.
Эта

церемония знаменует принятие нового члена в ряды Друзей и
подготавливает его к

путешествию вместе с нами.

Если у тебя есть какие-либо оговорки или несогласие по поводу Пути
или кого-то из

нас, здесь присутствующих, мы советуем тебе немедленно удалиться.
Сделай это

сейчас. Поступив так, ты не потеряешь ни нашего уважения, ни
дружбы... (Пауза)...

Поскольку ты не покинул нас сейчас, значит ли это, что, как бы ни был
долг путь, ты желаешь оставаться с нами и впредь?

Тебе следует знать, что дорога длинна, время же коротко и средства
ограничены.

Осознаешь ли ты, что тебе придется делать то, чего ты не желаешь, и
не делать

того, что тебе захочется?

Осознаешь ли ты, что с высоты можно упасть скорее, чем на ровном
месте?

Готов ли ты сделать материальное пожертвование в знак отказа от
грубого в пользу

тонкого?

Это введение содержало еще несколько пунктов.

Как-то вечером под впечатлением того, что я увидел и понял из разговоров с

участниками посвящений, я решил вернуться к той части своих заметок (я возил их с

собой), которую для себя озаглавил «Первые уроки у Шаха». Там было записано:

«Уступая своей обычной склонности, люди считают, что занятия суфиев похожи на

то, что им хорошо знакомо, допустим, на то, что практикуют религиозные и

мистические культы. Таким образом, в умах людей суфии ассоциируются с тем, чем

они в действительности не являются.

Занятия суфиев, однако, сугубо инструментальны и всегда предписываются

индивидуально. При этом они подчинены определенной последовательности. Стало

быть, они рассчитаны на достижение точного эффекта именно тогда, когда этого

эффекта действительно можно достичь. Для других систем характерно повторение

различных девизов, выполнение стереотипных обрядов и тому подобное, что

первоначально не имело никакого отношения к религиозной деятельности. Скорее

всего, цель подобных процедур — привести людей в состояние эмоционального

возбуждения.

Людям часто не удается по-настоящему присоединиться к суфийским занятиям из-за того только, что обычно они ставят эти занятия в один ряд с системами

дидактическими, идеологическими или магическими, а не образовательными и

развивающими.

Именно потому суфии и считают себя «другими». Суфийский учитель прежде всего

должен донести до новичка, что ментальные «модели» (предвзятые установки

относительно суфиев и их Пути), за которые тот цепляется, вполне могут оказаться

неадекватными. Стало быть, недопонимание важно устранить до того, как ученику

можно будет предложить что-то еще».

Нашим следующим пунктом после Кашмира был Дели, где мы поселились в одной

суфийской общине. Неимоверная жара, огромное количество людей и необычность, по крайней мере для меня, специфической индийской обстановки — все это сильно

затруднило для некоторых из нас участие в ряде мероприятий, которые отчасти

были целью нашего приезда.

Одним из таких мероприятий был Конгресс — это слово используется суфиями в

качестве технического термина для обозначения одной из их наиболее важных

функций, включающей такие виды деятельности, о которых широкая публика даже

не подозревает. (Кое-какие указания на природу того, что называется суфийским

Конгрессом, даны в главе 11.)

В Индии, так же как и в Пакистане, Шах пользовался огромным авторитетом и в его

распоряжении был широкий круг знакомств. Отец Шаха официально утратил свой

титул Наваба княжеской семьи Сардхана после того, как власть от британцев

перешла к Республиканскому Конгрессу. Однако он оставался близким другом

Дживахарлала Неру и даже был назначен культурным атташе Индии, отвечающим

за весь западно-азиатский регион и Северную Африку. Он обосновался в Марокко, где впоследствии и скончался. Король этой страны, будучи шарифом¹⁵, был его

кровным родственником.

Хотя Сейид Идрис и не живет в Сардхане, тамошняя собственность, включая

мавзолее его прапрадеда, великого суфия и полководца Джан-Фишан Хана, находится во владении семейного фонда. Murrae's Handbook издания 1975 года, классический путеводитель по субконтиненту Индостан, ссылается на историю этого

поместья и упоминает о правах Идриса Шаха на эти земли.

«Сардхана была в Индии главной резиденцией древнего и благородного рода

Мусави (Али Шах), до сих пор владеющего там обширной собственностью. Их

королевские титулы, унаследованные от исламских межнациональных властей, не

были аннулированы при отмене прав принцев Индии в 1971 году. Их дворец, мечеть

15 Шариф (араб. буквально — высокий, благородный, мн. ч. — ашраф), в доисламской Аравии представитель

знатного рода, вождь племени, градоправитель. Впоследствии Ш. — почётный титул мусульман, возводящих

свою родословную к пророку Мухаммеду; формально на этот титул имели право только потомки Хасана —

внука Мухаммеда. *Прим. переводчика.*

и гробница, построенные в древнем имперском стиле, расположены на территории

первой резиденции Сейидов и Навабов в Индии. Серьезные реставрационные

работы были проведены нынешним главой семьи, Идрисом Шахом (Его

Светлейшим Высочеством Сейидом Идрисом-эль-Хашими)».

И индийская, и пакистанская пресса подробно и с упоением описывали

деятельность Идриса Шаха, причем и та и другая сторона заявляли свои права на

него, особенно гордясь его литературным успехом и усилиями, направленными

против культов. Родословная Сейида была для них чем-то вроде несомненного

залога того, что руки его остаются чистыми, подобно тому, как и на Западе до

недавнего времени представители древних фамилий имели незапятнанную

репутацию. Когда Шах в течение Года Мировой Книги, объявленного ЮНЕСКО в

1972 году, получил не менее шести первых премий за свои сочинения, индийская и

пакистанская пресса присоединились к арабской и персидской, оспаривая право

считать его своим национальным героем.

Однако не все в Индии были убеждены в том, что духовные учителя безупречны: обычно в кругах прогрессивной общественности они пользуются дурной репутацией.

Следуя почину индийского издания *Bombay Illustrated Weekly*, опубликовавшего

статью, направленную против всех «гуру», один дотошный журналист
вознамерился

разоблачить «шарлатана Шаха» и решил наведаться в Англию в
поисках

компромата. Отчет о своих исследованиях он опубликовал в
респектабельной

газете Hindustan Times.

Ожидая вывести на чистую воду проходимца, господин Б.К.Сен был
изумлен, встретив всеми уважаемого, скромного, трудолюбивого и
обаятельного человека, —

поистине, «гуру, который совсем таковым не был». И еще одно
поразительное

открытие ждало незадачливого журналиста. Шах предложил некому
посетителю, который по бедности не мог себе позволить приобрести
одну из его книг, зайти

снова недели через две. Далее Сен пишет:

В назначенный срок этот человек вернулся, и Идрис Шах вручил ему
пять своих

книг. Он купил их на деньги, которые заработал, временно
устроившись мойщиком

посуды в ресторан. Об этой истории стало известно, и человек,
получивший в

подарок книги, в разговоре со мной признался: «Мне никогда в жизни
не было так

стыдно. Я всегда был уверен, что зарабатывать деньги таким способом
— ниже

моего достоинства. А человек, у которого я учусь, не посчитал это унижительным

для себя».

В Дели я встречался с Сенем — индусом, никак не связанным с суфиями, но явно

ошеломленным встречей с феноменом Шаха. Он сказал мне: «Я располагаю еще

дюжиной фактов, для которых в моей статье просто не хватило места. Что касается

англичан, то им никогда не понять, насколько поразительно, находясь в буржуазной

атмосфере Индии, прочитать о человеке из благородной семьи, который моет

посуду в закусочной».

В это же время господин Джастис Хидаятулла, вскоре ставший президентом Индии, написал статью, напечатанную журналом *Festschrift*, где отдает должное Идрису

Шаху и сравнивает его культурный вклад с заслугами Руми. Статья была

приурочена к 700-летней годовщине смерти Руми¹⁶.

Мусульманские богословы, «проводившие следствие» в отношении Идриса Шаха и

суфиев на съезде в Йемене, тоже опубликовали свои отзывы. Главной

международной исламской газетой в Индии считается *Islamic Culture*; в Пакистане

орган мусульманского духовенства — The Voice of Islam. Оба издания напечатали в

высшей степени лестные обзоры научного вклада Шаха.

До Второй мировой войны отец Шаха работал в Лиге Наций в Женеве, когда

президентом этой организации был еще старый Ага Хан. Накануне одной из наших

кратких конференций в Дели я встретил главу Индийской делегации в ООН перед

самым его отъездом в Нью-Йорк. Мне пришло в голову выразить сожаление о том, что Шах-сын не пошел по стопам отца и не принимает участия в работе

Объединенных Наций. В ответ он сказал: «Все мы в некотором смысле сыновья

Сирдара Икбал Али Шаха — разве этого не достаточно?»

В Индии можно наблюдать необыкновенную любовь к семейству Шахов. Идрис Шах

показывал мне индийский республиканский паспорт своего покойного отца. Он был

получен — а затем неоднократно продлевался — после отмены в стране

аристократических званий, но в нем, тем не менее, проставлены все его титулы, включая и титул Наваба, переходящий от отца к сыну. Страницы лондонских и

индийских телефонных справочников полны людей по фамилии «Шах».

Подавляющее большинство из них индусы, но это имя в их случае не является

титолом. Своей фамилией они обязаны распространенному среди индийцев обычаю

называть детей, чья жизнь оказывалась под угрозой, именем суфийской семьи

Шахов, в суеверном убеждении, что человеку, носящему имя таких людей, будут

сопутствовать долголетие и благословение. Дикость? Наверное. Но можно увидеть

в этом поистине необычайное благоговение и уважение, которое с незапамятных

времен испытывают к роду Шахов.

В Дели мы гостили у людей, которых суфии причисляют к категориям Алеф и Ба (А

и В). Люди Алеф неразрывно связаны с суфийской деятельностью — это ученики, поднявшиеся выше определенной ступени. В категорию Ба включены те, кто

объединился согласно некоторому конструктивному образцу вокруг определенной

деятельности, возможно, религиозной, — но у них нет такого восприятия, как у

людей из потока Алеф. Существует еще и категория «С», называемая Джим

(эквивалент греческой буквы «гамма» или английской буквы «С»), что соответствует

третьей букве арабского алфавита; она объединяет людей, находящихся ниже

определенного уровня информированности, опыта и контактов.

Все эти группы, каждая из которых отнюдь не является фиксированной или

содержащей основу для организации, по природе своей относятся к

подготовительной стадии. Учащихся любой из этих трех категорий, по мере

развития необходимых восприятий, приобщают к тому, что называется

«органическая суфийская деятельность». Мало напоминая по своей сути то, что

обычные люди считают духовной деятельностью, она связана с пониманием

высшего порядка.

Кроме того, эти группы никоим образом не иерархичны. Суфии сортируют учеников

не по признакам их нынешнего состояния, а в соответствии с потенциалом. Так, 16 В 1973 году. *Прим. переводчика.*

учащийся из группы Джим, благодаря некоторым своим возможностям, может

оцениваться выше, нежели ученик из группы Алеф.

Для описания учеников, входящих в эти категории, используются три выражения.

Учащиеся Алеф известны как ученики пути; учащиеся Ба — как люди групп; Джим —

как те, кто слаб в понимании. Говорят, эти классификации в ходу уже много

столетий.

Однако, во избежание недоразумений, некоторые предметы — например, чудеса —

не обсуждаются за пределами категории Алеф. Как сказал человек, принимавший

нас в Дели, «люди Ба и Джим, подобно обычным человеческим существам, все еще

подвержены эмоциональному расстройству, их ментальность такова, что

возбуждение играет для них важную роль».

Необычайные события суфии делят на три категории.

Первую они называют «фокусы» — термин, охватывающий ловкость рук, трюки, намеренный обман восприятия. Ко второй категории относят «поразительные

случаи» — явления, механизм возникновения и протекания которых необъясним. И

наконец, существует категория настоящих чудес, которые могут происходить только

при действительном вмешательстве высших сил в естественный порядок вещей, хотя суфии говорят, что подобные сверхъестественные действия всегда

совершаются на волне некоего предшествующего влияния. Подобно тому, как у

каждого народа есть свои истории об индивидуумах, некоторым образом одаренных

свыше, соответствующая литература изобилует рассказами о суфиях, вызывавших

все эти феноменальные явления и чудеса.

Но отношение суфиев к чудесам в своем роде уникально. Во-первых, в отличие от

магов, суфиям полагается «скрывать свои чудеса». Когда чудеса происходят, нельзя извлекать из этого никакой личной выгоды. Чудеса случаются для того, чтобы можно было сотворить благо, а не сыграть на доверчивости окружающих. Во-вторых, для мага привлечение сверхъестественного воздействия и есть конечный

результат его обучения, тогда как суфии подчеркивают, что чудеса — это лишь

побочный продукт развития более высоких сил и как таковые они зачастую

останавливают продвижение суфиев по Пути.

На одной из встреч учащихся Алеф присутствовал некий банкир, прибывший вместе

со своим приятелем, микробиологом, тоже учеником. Их обоих особенно

интересовал тот аспект суфийской манифестации, который сопряжен с чудесами.

Банкир написал Шаху и получил от него ответ, что в правильное время ему будет

предоставлена надлежащая информация. Позднее Сейид Идрис предложил

банкиру обсудить этот предмет в Дели, куда тот и приехал.

Открывая собрание, Шах, сославшись на проявленный присутствовавшим банкиром

интерес, сказал:

— У явлений такого порядка, которые иные люди называют чудесами, есть

восходящая шкала. Вот она.

Первая стадия — человек слышит или размышляет о чудесах и верит в них.

Вторая стадия — он слышит о них, но их не видит и в них не верит.

Третья стадия — он переживает их на своем опыте, но все еще в них не верит.

Четвертая стадия — он может совершать чудеса и делает это.

Пятая стадия — он в состоянии совершать их, но может и уклониться от этого.

Шестая, и последняя, стадия — у него нет желания ни творить чудеса, ни

воздерживаться от их свершения. Тогда чудеса могут произойти, а могут и не

произойти.

Затем у Шаха спросили, существует ли какой-то специальный метод развития

чудотворной способности. Он сказал: «Все происходит совсем наоборот. Во-первых, чудеса случаются все время, но люди не осознают этого. Во-вторых, люди

обыкновенно препятствуют восприятию чудесного в силу того, что занимают какую-нибудь одну из трех позиций.

В этих позициях нет ничего необычного, они присущи подавляющему большинству

людей. Но в любом случае от них

необходимо избавиться, прежде чем человек сможет начать продвигаться по Пути

суфиев. Вот эти позиции.

1. Постоянно требовать внимания.
2. Сопrotивляться переживаниям в процессе обучения.
3. Ожидать, что обучение будет происходить именно так, там и тогда, — как, где и

когда вы сами этого потребуете.

Один из присутствующих шейхов поднял руку, и Шах кивнул ему. Тот сказал:

— Я был хорошо известен как автор нескольких книг о духовных людях и о разных

путях к мудрости. Я путешествовал и изучал эти явления в течение многих лет и

потому считался авторитетом, был человеком уважаемым. Само собой, я не знал

ничего действительно стоящего, но при этом был уверен, что знаю, — и так

продолжалось, пока однажды мне не довелось встретить человека, ставшего

впоследствии моим суфийским наставником.

Я принес ему в подарок несколько своих книг. Он взял их и выбросил в окно, после

чего еще и вылил на них кувшин воды. Затем он сказал: «Готов ли ты научиться

чему-нибудь полезному?»

В первый момент я был поражен, потом возмущен, но в конце концов почувствовал

благодарность. Если бы он не сделал этого, я, без сомнения, до сих пор

пользовался бы большим уважением — и до сих пор оставался бы внутренне

пустым.

Но речь не о том, как я вступил на Путь, — это своего рода преамбула к тому, что

после встречи с моим наставником, но еще до того, как я получил какие-либо

дальнейшие указания, со мной стали происходить, что называется, «чудеса».

Некоторые почему-то начали думать, что я исцеляю их, хотя ни о чем подобном я

даже не помышлял. Другие уверяли, что сбылось все, что я сказал, хотя я не мог

вспомнить, чтобы говорил то, на что они ссылались. Перед моим внутренним

взором порой возникало то, что затем происходило на самом деле.

К примеру, я увидел лошадь, и мне вдруг стало интересно, может ли она понести, —

и она тут же сорвалась с места и помчалась как бешеная. Однажды я размечтался о

золотых монетах — и нашел их в горшке, спрятанном среди развалин. В своем кафе

из маленького чайника я иной раз наполнял чаем так много стаканов, что люди в

испуге шарахались от меня... Все это сильно меня беспокоило и очень не

нравилось, потому что к тому времени во мне уже проснулось стремление к Истине

и вовсе не хотелось забавляться играми с людьми этого мира.

Я возвратился к суфию и сказал ему: «Избавьте меня от вашей магии, ведь я в

самом деле хочу научиться чему-то полезному, как вы и предлагали, а не

разыгрывать представления перед доверчивыми женщинами или жадными

торгашами».

Он сказал: «Магия — внутри тебя. Ты был погружен в свои занятия и писал книги, потому что хотел узнать тайны и влиять на людей. Когда я выбросил несколько

твоих сочинений, ты избавился от части своего тщеславия — части, как раз

достаточной, чтобы захотеть присоединиться к нам. Но твой ум все еще полон

жадности и желаний. Духовная сила Пути оказала на них воздействие и вывела эти

качества наружу. Многие изверглось из тебя в форме странных происшествий, чтобы, если будет угодно Богу, ты ощутил к этому отвращение».

Шейх, человек уже старый, вернулся на свое место, и я подумал: он подарил всем

нам очень полезный наглядный пример.

Есть в суфийской категории «поразительных случаев» определенный разряд

феноменов, которые возможны в результате явного проявления телепатических

способностей, не более того, но к ним, видимо, следует относиться как к ошибочно

воспринимаемым «чудесным» силам. Один из многих примеров подобного рода

наблюдал Хаким Джан. Вот его рассказ.

— Когда мы были с Шахом в Мадриде, он объяснил мне, что окружающие судят о

нас по образу, который мы сами проецируем, независимо от того, сознательно мы

это делаем или нет. Он заговорил об этом, потому что я спросил его о людях, которые попадают на удочку самопровозглашенных святых.

— Многие недоумевают, — сказал Сейид, — как это Гитлер, Наполеон или какой-нибудь «святой» умудрялись оказывать такое влияние на людей. Подобное

воздействие достигается применением некой формулы, хотя применить ее нелегко.

Сейчас ты сможешь увидеть, как это делается. Назови любое место.

Разговор происходил в гостиной отеля. Я спросил, что он имеет в виду, предлагая

мне «назвать место».

— Предложи любое место в Мадриде, куда я мог бы пойти и сделать что-нибудь

такое, что тебя весьма удивит.

Я сказал «Прадо», и мы отправились туда.

Шах сделал мне знак отойти в сторонку, а сам расположился возле входа в музей, предварительно сообщив: «Я собираюсь проецировать образ "бедный и

нуждающийся"».

Я смотрел на него, и мне он, конечно же, не казался ни нищим, ни тем более

нуждающимся, но у окружающих — и это было совершенно очевидно —

впечатление складывалось иное. По мере того как я наблюдал и, как говорится, все

больше не верил глазам своим, четверо или пятеро совершенно обычных людей

подошли к Сейиду и подали ему денег, хотя он не произнес ни слова.

К нам приближался страж порядка, и Шах, взглянув на меня и многозначительно

приподняв брови, двинулся прочь. «Назови другое место», — сказал он. Я

предложил отдел универмага, и Сейид Идрис встал там в лучах яркого

послеобеденного солнца. «Теперь, — сказал он мне, — думаем: "богатый и

щедрый"».

Через три или четыре минуты компания иностранных студентов обступила нас, и

ребята попросили у Шаха денег. Все свои деньги они потеряли в каком-то

запутанном инциденте, суть которого я так и не понял.

— А почему вы просите у нас? — задал я вопрос.

Один из юношей ответил — и я похолодел, осознав, что он в точности повторил

слова нашей «проекции»: «Ну, глядя на вас, сразу видно — богатые и щедрые».

Согласно широко распространенному мнению, еще одна характерная черта, присущая суфиям, — предвидение. Собственно, вся интрига истории про Хызра и

Моисея состоит в том, что «Хызр» обладает предвидением, а «Моисей» — нет.

Обычно принято считать, что это побочный продукт суфийского обучения, осуществляемого под должным и правильным руководством, тогда как тренировка

или тестирование способности к предвидению почти неизвестны.

В ходе делийских встреч мы освоили то, что было названо «полезным инструментом» для измерения потенциала к развитию восприятия: проверяя

способность к восприятию, испытуемому задают внешне невинные вопросы (на

которые сам спрашивающий знает ответы). Эта способность может быть развита

постоянной практикой.

К примеру, вы можете спросить человека, как будто сами этого не знаете: «Какое из

этих яиц вам кажется более свежим?» — или: «Смит когда-нибудь играл в теннис?»

— и тому подобное. Я как-то был свидетелем проведения подобного теста и открыл

для себя интересный факт. Некоторые люди в таком «угадывании» действительно

показывали все более и более высокие результаты, но только я замечал в себе

волнение по этому поводу, число успешных ответов тестируемого быстро сводилось

к нулю.

В наши дни разновидности такого теста хорошо известны из опубликованных

отчетов об исследованиях E.S.P. (Extrasensory Perception — Экстрасенсорные

восприятия). Однажды утром мне самому довелось присутствовать на занятии, где

применялась разновидность ментальной активности, о которой до этого я даже и не

слышал, не говоря уж о том, чтобы видеть что-либо подобное своими глазами.

Жара в тот день была просто невыносимой — банкир и биолог, совсем недавно

прибывшие из Европы, страдали сильнее остальных, — и именно этот день был

выбран для демонстрации, продолжавшейся добрых четыре часа. Пекло снаружи, плюс духота в аудитории, куда втиснулось сотни две человек, а также очевидная

бессмысленность всего происходящего, — все это у большинства из нас создавало

ощущение, что мы принимаем участие в самом несуразном мероприятии, которое

только можно себе представить. Однако в полдень наше мнение радикально

изменилось.

Один из дальневосточных представителей Шаха, Адхем Мунир-Ахмед, вышел

вперед и представил собравшимся индуса по имени Хукам Чанд. Мы наблюдали, как Мунир и Чанд уселись на сцене и повели разговор, касаясь чуть ли не всего на

свете. Они рассуждали об игре в крикет, о коммерции и садоводстве, о ценах на

манго и о том, какие сорта манго лучше; о коллекционировании марок и расписании

поездов на Бомбей; о книгах, которые они прочли и которых не читали.

Приблизительно часа через четыре был устроен перерыв на ланч, и я уверен, каждый из присутствовавших чувствовал, что выдержал самый длинный из самых

бессмысленных разговоров в истории. У меня так все просто плыло перед глазами.

Когда мы собрались вновь, Мунир спросил, представляет ли кто-нибудь из

присутствующих, что именно здесь происходило. Никто не отозвался. Большинство, как мне кажется, было способно испытывать только чувство благодарности за то, что Чанд наконец покинул нас.

Мунир сказал: «В этом зале двадцать рядов по десять мест. Зайдя в зал, каждый из

вас занял приглянувшееся ему место, а теперь, после перерыва, некоторые решили

пересесть. Сейчас я попрошу десять человек из первого ряда поменяться местами с

теми, кто сидел здесь сегодня утром во время моей беседы с Чандом.

И вот те, кто до перерыва сидел на передних сиденьях, снова заняли свои прежние

места — среди них оказались банкир, биолог и я, — Мунир взял в руки стопку

аудиокассет и сказал:

— Эти десять кассет содержат по 24-минутному сегменту нашего разговора с

Хукамом Чандом, разговора, который наверняка показался вам совершенно

неинтересным. Кассеты пронумерованы и каждая, согласно своему номеру, соотносится с одним из сидящих в первом ряду. Пожалуйста, раздайте кассеты.

Все, кто сидел в первом ряду, получили по кассете.

— Итак, — сказал Мунир, — любой из вас, прослушав свою кассету, обнаружит, что, независимо от явного предмета разговора, структура событий, которые там

описываются, будет соответствовать тому, что вы делали за последние три месяца.

Все мы в замешательстве уставились на него.

— Мы здесь занимаемся, — продолжал Мунир, — демонстрацией бессознательного

чтения мыслей. Когда вы с кем-нибудь беседуете, то возможно — и это часто

случается, — что избранная вами последовательность обсуждаемых событий

соответствует ментальной кальке в уме кого-то третьего.

На сцену были вызваны я и банкир. Мунир поставил кассету, так что запись, транслируемая через динамики, была хорошо слышна всей

аудитории, — и все мы

еще раз прослушали часть его разговора с Хукамом Чандом про путешествие в

Кералу, на юге Индии. Мунир предварительно попросил меня подумать, не относится ли записанный разговор ко мне, но, конечно, не в смысле моей

собственной поездки в Кералу. Слушая кассету, я не верил своим ушам: в

разговоре, шаг за шагом, описывались эквиваленты событий, которые произошли со

мной во время моей недавней болезни, включая то, как меня положили в больницу, и мое выздоровление!

Затем настала очередь банкира, и он, краснея и все сильнее выпучивая глаза, стал

вслушиваться в затянувшийся обмен мнениями о кулинарии и упаковке хрупких

предметов при доставке на грузовиках.

В конце Мунир спросил:

— Соответствует ли это чему-нибудь из вашей жизни?

— Да, — сказал банкир, — несомненно! За последнее время мы с женой несколько

раз серьезно обсуждали проблемы, связанные с ведением домашнего хозяйства, и

решали, что именно необходимо переделать в нашем саду. Ума не приложу, каким

образом тот человек мог знать все эти эпизоды из моей частной жизни?

Тогда поднялся Шах и дал свои разъяснения. Суфии, сказал он, могут раскрыть чей-либо ментальный паттерн, используя в качестве «медиума» третье лицо — для чего

они выбирают, как правило, вполне обыкновенного человека. Мунир, ведя беседу с

Чандом, уловил ментальную структуру мыслей, занимавших в последнее время

банкира, и эта структура как бы наложила свою модуляцию на внешне бессмысленный разговор. Такая способность иногда очень полезна при

диагностировании ментального состояния человека: если процесс обучения

заблокирован, можно назначить соответствующие средства для исцеления от

нежелательного состояния, используя эту технику.

— Некоторые, — продолжил Сейид Идрис, — склонны предполагать, что мы

претендуем на способность прямого чтения мыслей. Но нас в первую очередь

интересует базовая информация, чтобы на человека можно было оказать

благоприятное влияние. Бывают случаи, когда наилучшим вариантом для всех

участвующих в этом процессе оказывается не прямое получение информации. Есть

испанская пословица, которая, по-видимому, восходит еще к временам, когда в

Испании молва приписывала сарацинам необъяснимые способности: «Пусть чудо

свершится, даже если его сотворит Мухаммед».

Но, как сказал далее Шах, иногда вместо того, чтобы использовать посредника, как

мы только что наблюдали, суфии диагностируют состояние слушателей именно

путем прямого «прощупывания» — он назвал это «сканированием» — и делают это

в ходе долгих лекций, адресованных ученикам.

Во время следующей встречи европейский представитель Сейида ознакомил нас, так сказать, с обратным по отношению к чтению мыслей эффектом — когда вы

слушаете суфия, имея в виду, что тот, беседуя с вами, возможно, предсказывает

косвенным образом вероятный ход будущих событий вашей жизни. Он назвал это

«завуалированным предречением и руководством». Как и во многих других аспектах

учения суфиев, особое внимание в этой технике уделялось идее, что тонкие

воздействия заглушаются эмоциями.

Этот представитель Шаха одно время был монахом-бенедиктинцем, кроме того, изучал буддизм в Японии. В мире бизнеса он успешно

управлял небольшой

судоходной компанией. Описывая свой опыт завуалированного предсказания, он

ссылался исключительно на «некоего суфия», но я был уверен, что речь шла о

Сейиде Идрисе.

В любом обществе, говорил этот человек, духовного или эзотерического учителя

всегда оценивают по его способности развлекать аудиторию. Если он не в

состоянии создать и поддерживать драматический эффект, люди не поверят, что он

может сказать что-нибудь стоящее. Даже весьма благообразный вид, смиренные

манеры и скромная внешность могут усиливать эмоциональное воздействие, а

значит, работать на развлечение. Это наблюдается и в наиболее развитых

обществах.

— У меня есть опыт собственных переживаний такого рода, — продолжал он. — В

1955 году мне довелось посещать лекции одного суфия и с его разрешения

записывать их на магнитофон. Прослушивание пленки разочаровало меня.

Но когда в 1975 году я вновь прослушал эти записи, то обнаружил, что они содержат

подробный набор советов, относящихся к событиям, которые происходили в моей

жизни в течение прошедших двадцати лет. При этом там не было ничего

религиозного или стимулирующего эмоции, никаких угроз, обещаний, ошеломляющей или сенсационной информации. Если бы я последовал словам и

духу этой беседы, то мог бы гораздо больше сделать и понять; я полагаю, что

сэкономил бы не менее пятнадцати лет усилий и разочарований и избежал бы того, что, как стало ясно позднее, было лишь поисками возбуждения.

Это открытие толкнуло меня на поиски других людей, которые присутствовали тогда

на встречах с суфием. Я отыскал дюжину таких людей. Прослушав пленки, десять

из них согласились, что записанный материал является предвидением, вполне

имеющим к ним отношение, и этим предвидением можно было бы с выгодой

воспользоваться, рассматривая слова суфия под таким углом зрения. Мы пришли к

заклучению, что пока человек не откажется от своего требования получать

стимулы, пока не станет искать духовного, а не религиозного, и не начнет

исследовать, что такое путь суфиев на самом деле, он немногому научится на этом

пути.

Шах прервал его и сказал:

— Разве не это говорят суфии каждому, кто претендует называться искателем

Истины?

Тут поднялся один слегка ошеломленный скептик, который явно не собирался

попустительствовать развитию этой беседы, не подвергнув ее участников

соответствующим вопросам. С сильным итальянским акцентом он представился —

это был хорошо известный писатель — и сказал:

— А откуда нам известно, что и ваша «демонстрация», и так называемое

переживание этого отвратительного вероотступника, бывшего отца-бенедиктинца, не есть подлог, спектакль, разыгранный, чтобы произвести на нас впечатление? И

как вы собираетесь убедить нас в обратном? Если вы срочно не придумаете что-нибудь получше, чем то, что я здесь увидел, считайте, ваш фокус не удался.

Мунир спросил, нет ли еще каких-нибудь критических замечаний, и четверо или

пятеро человек высказали естественные для здравомыслящих людей аргументы, содержавшие либо вопрос, либо попытку объяснить происшедшее с позиции

привычных фактов.

— Кто из присутствующих самый молодой? — спросил Мунир.

Поднялся один юноша и сказал, что ему шестнадцать.

— Тогда ты и ответишь на все это, — заявил Мунир.

— Не суфийское это дело — что-то доказывать, — сказал молодой человек. — Вы

сами должны понять, содержится ли в том, что суфии говорят и делают, какая-нибудь польза для вас. Если вам кажется, что здесь пытаются произвести на вас

впечатление, то это только потому, что ни к чему другому вы не привыкли. Но вы, должно быть, слышали об информации и образовании. Если суфии предлагают

либо первое, либо второе, или и то, и другое вместе, а вы настаиваете, что они

просто дурачат вас, то сможете ли вы чему-нибудь научиться?

— Да это же старый трюк! — сказал писатель. — Сначала предложить задавать

вопросы, а потом взять и выставить дураками тех, кто захотел воспользоваться

правом любого человека досконально разобраться в сложной проблеме.

Он сел на место, самодовольно поглядывая по сторонам. Возможно, он и выиграл

здесь очко, но у меня такого ощущения не было. «Все так и будет до тех пор, пока

вы получаете удовлетворение от собственного раздражения», — сказал ему

неизвестный юноша...

Позднее этот итальянец стал одним из наших близких друзей и сподвижников. Но

это случилось лишь после того, как он сумел преодолеть свою одержимость.

Кто-то в середине зала поднял руку. Шах кивком пригласил его на сцену, и

невысокий человек серьезного вида, в роговых очках и элегантном деловом

костюме, заговорил. Здесь я воспроизвожу его выступление.

— Я убежден, что люди из-за негибкости своего ума не обращают внимания на то, что говорят суфии. Они определяют границы тому, что, по их мнению, должно

содержаться в ответе, и интерпретируют не услышанное, а то, что находится в этих

установленных ими пределах. Это похоже на мышечный зажим, но только в уме. Я

ученый из Японии. В течение нескольких лет я читал книги Идриса Шаха на

английском, а потом как-то поделился с одним из коллег мыслью о том, что, возможно, идеи суфиев представляют ценность.

Я дал ему одну из книг, но его первой реакцией был сарказм. Когда я попытался

переубедить его, он стал избегать меня, явно решив, что я примкнул к какому-то

культу. Возможно, он подумал, что я психически нездоров.

В прошлом месяце я встретил его на научном конгрессе. Он был намного

дружелюбнее и сказал:

— А насчет суфиев вы были правы. Я всерьез погрузился в их занятия и собираюсь

воспользоваться тем, что, как мне теперь кажется, они предлагают. Фактически, я

принят в ученики.

— Но что заставило вас ждать так долго? — спросил я. — С нашего первого

разговора прошло, наверное, более семи лет. И кстати, вы уверены, что правы

теперь, изменив свою точку зрения?

— Так или иначе, — сказал он, — я осознал, что моя первая реакция на ваши слова

была слишком категоричной. Я почувствовал, что, возможно, она была

продиктована побуждением что-то скрыть или подсознательным страхом: вдруг

суфии и в самом деле правы? Если это так, то мне придется изменить свои

убеждения. А менять убеждения я не собирался. Затем мое внимание привлек тот

факт, что многие ученые, даже получив новые доказательства, совершенно не в

силах отказаться от собственных гипотез.

Далее я обнаружил, что суфии особое внимание уделяют гибкости мышления. И

даже то, что я просто размышлял о том, как стать более гибким, значительно

сказалось на моей научной работе. Вскоре я сказал себе: «Интересно... Суфийские

идеи об идеях оказались полезными для моих научных занятий. Не исключено, что

они правы и в чем-то еще. Вот так я и оказался среди суфиев», — закончил мой

коллега.

Подводя итог, японский ученый сказал:

«Полагаю, это очень показательный пример того, как автоматическое неприятие

идей суфиев может оказаться примитивной реакцией, пожалуй, столь же

атавистической, как и противоположное явление, вроде попыток воспользоваться

новой информацией ради чудес, или силы, или достижения личного могущества.

Оппоненты суфиев (и это выясняется очень скоро, если не просто принимать или

отвергать то, что они пишут, а исследовать материал) страдают недостатком знания

предмета. Это относится даже к некоторым глубоким мыслителям. Но в Японии

положение улучшается; ситуация изменилась почти до неузнаваемости.

Однажды вечером, там же, в Дели, мне случилось пересказать Сейиду Идрису

длинную беседу, состоявшуюся у меня дома с одним дипломатом, Шаху

совершенно незнакомым. Когда я закончил, он выдал некоторые комментарии

относительно этого человека: что тот озабочен собственным ростом, внешностью, что он, пожалуй, себе на уме и прочее. Казалось, Сейид вдруг увлекся подробным

описанием буквально всех личностных черт дипломата, хотя определенно не знал

его, а я никак не охарактеризовал этого человека в своем рассказе.

— Должно быть, — сказал я, — во мне сидит его ментальный образ, который вы

считываете.

— Вовсе нет, — ответил Шах, — просто любое сообщение о человеке, месте или

предмете содержит «прилипшие» к нему лоскутки дополнительной информации. В

состоянии бдительности вы можете их считывать. Люди этого не делают, но не

потому, что не могут, а потому что, вследствие воспитания, которое они получают с

самого детства, их ментальный цензор редактирует воспринятое.

Они считают, что такое просто невозможно, и как только встречаются с чем-то

подобным, сразу от этого отворачиваются...

Именно поэтому многие способности восприятия, демонстрируемые суфиями, люди, как правило, считают сверхъестественными. Шах утверждает, что они совершенно

естественны, но для большинства людей остаются за пределами понимания.

Однажды в отеле кто-то из нашей группы ранним утром спустился к

администратору, чтобы купить для Шаха все утренние газеты. Швейцар внизу

сказал: «Похоже, ваш босс очень хочет быть в курсе всех событий?»

И, совершенно не задумываясь о том, что говорит, этот человек произнес: «Он и так

все знает. Газеты нужны ему только для того, чтобы узнать, что происходит, по

мнению всех остальных».

Итак, Идрис Шах утверждает, что человеческий ум обладает целым рядом

совершенно естественных способностей, которые для большинства остаются

только потенциальными возможностями.

Студент, сопровождавший Шаха в одном из самых ранних путешествий подобного

рода, поведал мне такую историю.

— Мы с Шахом стояли рядом на одном приеме, и в ходе нашей беседы ни о чем я

как бы между прочим мечтательно обронил: «А разве вам никогда не хотелось стать

дипломатом?»

— Смотри, — ответил он и издал очень короткий звук, вроде тихого свиста. Тут я

увидел, как человек в другом конце комнаты поднял руку и почесал ухо. Шах сказал:

«Теперь смотри на другое ухо». И я увидел, что человек дернул себя за другое ухо.

В быстром темпе Шах перечислил: «Нос, глаза, подбородок, карман», и почти сразу

человек, на которого мы смотрели, по очереди коснулся их.

Перечисляя этот набор, Шах издавал в промежутках между словами свистящий звук

разной высоты.

Затем Сейид щелкнул пальцами, и человек пересек комнату, направляясь прямо к

нам. Шах сказал ему: «Разрешите представить моего друга такого-то... А это Его

Превосходительство посол...»

Посол любезно побеседовал с нами в течение нескольких минут, после чего, извинившись, откланялся.

Сейид сказал: «Ты спросил меня, не хотелось ли мне стать дипломатом. Среди

дипломатов бывают люди, которые повинуются свисту. Ты хочешь, чтобы я был

таким?»

Когда я спросил, как он это сделал, Шах ответил: «Мозг тех, кто внешне важен, а

внутри — раб, подчиняется определенным вибрациям».

Сталкиваясь с такими явлениями, человек не может не искать объяснений, но, как

сказал мне Сейид, «чем больше будешь стараться, тем меньше будешь понимать, потому что способ понимания вещей с помощью обычного ума не может охватить

явлений такого рода. Как только определенный вид связи с другой личностью

установлен, можно чувствовать то, что чувствует этот человек, и дать ему

почувствовать то, что чувствуешь ты».

Опыт, полученный мною в этом путешествии, напрочь исключил какие-либо

сомнения в том, что суфии и в самом деле развивают экстраординарные силы; но я

также почувствовал, что следует проводить некоторое различие между подобными

силами и «сенситивностью» или «ясновидением», которые часто встречаются у

людей вроде старой «сивиллы» из Афин. Всегда ли способности, контролируемые

волей, есть результат суфийской тренировки? Или они могут проявляться

естественным образом с рождения?

Я размышлял на эту тему еще и потому, что до меня дошли несколько историй, рассказанных старой няней Шаха. Согласно ее рассказам, способность «видеть»

проявилась у Сейида еще в раннем детстве.

От комментария по этому поводу Шах уклонился, сменив тему, и я осознал, что

спрашивал из чистого любопытства, а не по необходимости.

То ли по «знаковому совпадению», то ли благодаря случайности (если таковая

вообще существует!) мое внимание вскоре после этого привлекла статья одного

английского автора, Джона Гранта. Грант был знаком со знаменитым факиром из

Айпи, Хаджи Мирзой Али Ханом, который возглавлял движение сопротивления

«Африди» на старой северо-западной границе Индии. Среди множества рассказов о

вещах необычайных, которые поведал Гранту Хаджи Мирза, был один, посвященный особым дарованиям некоторых исторических личностей.

Появление у колыбели знаменитых людей таинственных существ — «фей», «фей-крестных», «королей» или «мудрецов» — долгое время считалось красивым мифом.

Однако на самом деле это просто сентиментальное описание реальных событий.

Когда определенные личности приходят в этот мир, они вскоре после рождения

получают поддержку суфиев. Барака, которой они таким образом наделяются, обычно сопутствует им на протяжении всей жизни. Так что происхождение этой

красивой легенды обязано широко известному и реальному появлению чудесных

или пришедших из иных миров персонажей у колыбели людей, предназначенных

для особой миссии.

Глава 10. УЗОРЫ СУДЬБЫ

Видимое — от сотворенного, а внутреннее — от

Истины.

Бахауддин Накшбанди

Суфии прямо и открыто заявляют, что им дано воспринимать матричные узоры

жизни и окружающей среды, не ощущаемые остальными, и с этими узорами они

работают. Соответственно суфии ордена Накшбанди называют себя художниками

(Накшбанд), а в поэтической и прочей литературе суфиев утверждается, что у мира

есть некий узор (чертеж, замысел) и человек — часть этого узора. Омар Хайям в

одном из своих четверостиший говорит: «Без сомнения, мы — накш (узор), выгравированный на оправе перстня».

Однажды я попросил Хакима Джана развить идею узора. Как обычно, он предпочел

ответить при помощи рассказа. В его истории прозвучала незнакомая мысль, что

узор может поддерживаться присутствием определенного индивидуума и

нарушается, становится «несовершенным», как только подобное присутствие

прекращается.

— Все на Земле взаимосвязано, — сказал Хаким, — нарушение в одном месте тут

же вызывает перекося в другом. Люди (скажем, на Западе) упрекают жителей

Востока: «Если вы владеете таким великим знанием, почему же ваши дела столь

плачевны?» Обычный человек не осознает, что хаос создают люди, а вмешательство суфиев — это максимум того, что можно сделать в границах узора.

Оставшаяся часть работы по гармонизации мира может осуществиться, лишь когда

будут выправлены прочие, очень значимые элементы. — И он рассказал

следующую историю:

Почти четырнадцать столетий назад в оазисе посреди Аравийской пустыни жил

один человек. То был особенный человек — его домашними любимцами были волк

и коза, и они все втроем жили в согласии.

Путешественник, который часто проезжал мимо оазиса, однажды познакомился с

этим человеком. Они разговорились, и путешественник спросил, зачем тот держит в

одном месте столь неуживчивых животных и как ему это удается.

Житель оазиса ответил: «Коза обеспечивает нас молоком, а волк защищает. Они

действуют в едином аккорде, потому что в мире, в определенных его частях, существует особая гармония».

Когда какое-то время спустя путешественник вновь оказался неподалеку от хижины

того араба, он вдруг с ужасом увидел, как волк набросился на козу и растерзал ее.

Тут из хижины выбежал бедуин и закричал: «Святой умер, и мир погрузился в хаос.

О путник! Есть люди, которые влияют на мир одним лишь своим присутствием на

Земле. Теперь мы станем свидетелями бед и несчастий, и все будет по-другому, пока мировой порядок вновь не восстановится».

Что это — дремучий предрассудок или символическое описание действия какого-то

неизвестного принципа?

— А вот другая история, — продолжал Хаким, — в ней иллюстрация одного из

аспектов узора.

Священник и суфий путешествовали вдвоем.

Наступила ночь. Священник стреножил своего осла и сказал: «Заботу о

безопасности этого животного я предаю в руки Божьи. Верую, Господи, что утром я

увидю моего осла в целостности и сохранности».

Суфий же произнес: «А я вверяю осла заботам моего шейха и учителя».

Священник с неудовольствием заметил, что суфий богохульствует и что не следует

полагаться ни на кого кроме Всемогущего Бога. После этого оба легли спать.

Наутро обнаружилось, что осел священника пропал, а осел суфия стоит там, где и

был оставлен.

— Вот видишь, — сказал суфий, — ты оставил своего осла, как тебе казалось, на

попечение Бога. Но у Бога множество слуг и, в соответствии с узором, Он уже

распределил среди них все обязанности, ибо такова Его воля. Напротив, у моего

учителя — всего один ученик, поэтому он в состоянии последить за моим ослом!»

— У суфиев, — сказал Хаким, — есть поговорка: «Чудо может случиться, а может и

нет, но узор воплотиться должен».

Как-то Шах рассказал мне о поразительной демонстрации, описанной в

американском журнале New Yorker. Она содержит аналогию Замысла, лежащего в

основе человеческого потенциала.

Речь шла об эксперименте, поставленном, чтобы выяснить, каким образом певчие

птицы обучаются конкретной песне своего вида. Исследователь Масаказу Кониши

из Принстонского университета вырастил нескольких птиц одного вида в изоляции

друг от друга. Каждая из них, подрастая, пробовала петь и прилагала к этому

значительные усилия. В результате самостоятельного процесса проб и ошибок все

птицы в конце концов начинали петь нечто похожее на стандартную песню своего

вида. Тут изоляция заканчивалась, и испытуемые могли слушать других птиц, но

только не своего вида. И каждая из общего многоголосья отбирала именно те ноты

и нюансы, которых не хватало в ее собственном «самосочиненном» репертуаре. В

конце концов они доводили исполнение своей родовой песни до совершенства.

— Точно так же, — говорил Шах, — у каждого человека есть свой личный дар, способный привести его к совершенству в познании бытия. И главное, в чем он

нуждается, — отточить этот дар в процессе правильного взаимодействия с

учителем на Пути.

Если люди вырастают в изоляции — к примеру, в обществе, содержащем

ограниченное число элементов их потенциала, — они не только не достигнут

полного развития — их знание будет неполным даже относительно собственного

культурного наследия. Но под воздействием определенных факторов потенциал

человека может быть реализован полностью.

Близкое общение с Шахом давало мне возможность замечать некий дизайн

окружающей его обстановки. Например, некоторые предметы он удалял из комнаты, а какие-то, наоборот, добавлял в интерьер; иногда он просил, чтобы принесли пару

латунных подносов, иногда возражал против присутствия предметов того или иного

цвета и просил прикрыть их чем-нибудь. Когда кто-то спрашивал, зачем он это

делает, ответ был: «Мне нужна некоторая гармония».

Однажды в разговоре с посетившим нас старым купцом из Туркестана я упомянул

эпизод на Кипре, когда Сейид отбирал зерна на семена и рекомендовал их

отдельное культивирование. Купец сказал: «Это часть внешнего аспекта узора; я

расскажу вам очень похожий случай, происшедший в Самарканде».

И он рассказал историю про некоего Шади Бабу Хакимова (его имя означает

«счастливым отец, сын мудрого»), который выращивал виноград в Туркестане.

Хакимов специализировался на винограде сорта кишмиш. Этот сорт отличается

сладостью, не имеет косточек и популярен на всем Среднем Востоке.

Однажды виноградарь заметил, что некоторые ягоды на лозах необычайно крупны, почти как сливы. Он отобрал их и стал культивировать в исследовательском центре.

Сейчас выведенный им новый сорт винограда выращивается повсеместно и в

большом количестве.

«Спустя некоторое время после того, как я узнал эту историю, — продолжал купец,

— мне пришлось путешествовать по Балканам, и в поезде я разговорился с одной

женщиной. Мы проезжали мимо питомников и обработанных полей, и под

воздействием какого-то импульса я рассказал ей историю об особом винограде. Она

удивленно взглянула на меня, потянулась за своим дипломатом и достала книгу

Виктора Витковича «По Советскому Узбекистану».

Полистав и найдя нужную страницу, женщина указала мне на отрывок. Я прочел всю

эту историю, где упоминалось даже имя виноградаря: Шади-Баба, сын Хакима! «Вот

так, — пишет Виткович, — и появилась в Узбекистане новая гигантская

разновидность винограда кишмиш. Через несколько лет он уже будет продаваться

на рынках, и все станут воспринимать это как должное. А уж дети наверняка решат, что этот виноград был таким с незапамятных времен; они спросят школьного

учителя: "Откуда взялся гигантский кишмиш?" И когда он им скажет, что подобный

сорт появился совсем недавно... дети, конечно, засомневаются. Но повзрослев, они

вряд ли будут ждать, что тот или иной скачок произойдет сам по себе. Они

наверняка подтолкнут к этому Природу, вмешавшись в естественный ход ее

законов; вот так в свой черед и эти дети станут настоящими учеными».

Случайность ли, что суфии древности зачастую были учеными, а ученые нашего

времени все больше интересуются суфиями?»

Существование паттерна, или узора, подтверждается также и тем, как суфии (но не

их имитаторы) подбирают учеников в свои «кружки». У мнимых суфиев учебная

группа являет собой собрание почти что случайных людей, а у настоящих —

подбору искателей придается большое значение, их объединяют в соответствии с

планом, известным одному лишь Мастеру. Только так группа может стать реально

действенной.

Боб Хелви — он был в обучении у Шаха намного дольше, чем я, — как-то сказал:

«Паттерн, руководствуясь которым суфии подбирают учащихся, само собой, кажется непостижимым как для посторонних людей, так и для самих учеников в

группах. Однако независимо от того, как люди воспринимают принципы подбора, или даже как они видят задачи, которые перед ними ставятся, они рано или поздно

приходят к познанию своего истинного Я. Такова цель. Так человек познает

Реальность и воспринимает Истину.

Происходит это время от времени — когда нужное количество людей должного

уровня настраиваются на задание, концентрируют усилия для создания

необходимого угла зрения и достигают гармонии — как индивидуальной, так и

соборной. Внешняя хаотичность организации никакого отношения к

действительности не имеет, она лишь кажущаяся».

Суфии считают, что случайный набор учеников не только неэффективен, но даже

может иметь неблагоприятные последствия. С этой концепцией я столкнулся, когда

обратил внимание, что Шах никому не дает копии изображения накш (узора), являющегося символом суфиев, хотя у него их было много, а люди то и дело

просили дать им экземпляр.

Я предположил, что он, наверное, всем отказывает, чтобы воспрепятствовать

присущей человеку тенденции поклоняться символам. «Вовсе нет, — возразил он,

— просто эта вещь бесполезна без правильного умонастроения и надлежащей

организации людей».

Дальнейший намек на суть идеи узора я получил, когда Шах рассказывал истории

на тему будущего и один человек спросил, оказывают ли подобные истории какое-то

воздействие на грядущее или на восприятие будущих событий отдельными людьми.

Сейид сказал ему: «В некотором особом смысле, нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Воздействуя на будущее, мы одновременно влияем и на прошлое, и

на настоящее. Иногда нам приходится влиять на прошлое, чтобы привести людей в

состояние, в котором они могли бы справиться с настоящим и будущим».

— Можете ли вы создать любой узор, какой пожелаете? — спросил тот.

— Нет. Мы выбираем из узоров, а не создаем их.

С концепцией паттерна, или узора, связано и древнее суфийское утверждение, что

все люди неким необъяснимым образом представляют собой «одну единую

личность». Как-то во время очередного путешествия наш деловой партнер, человек

почти наверняка не слыхавший о суфиях, поведал замечательную историю, которая

его самого привела в недоумение.

Шах познакомился с ним в каком-то городе на почве одного делового предприятия и

попросил его кое-что сделать, о чем человек этот начисто забыл. Через несколько

недель, преодолев расстояние в сотни миль, он оказался в другом городе и там

разговорился с одним незнакомцем. Неожиданно и без всякой связи с темой беседы

тот вдруг выпалил: «Почему вы не сделали то, о чем я просил вас пять недель

назад, в таком-то городе?»

Бизнесмен был более чем ошеломлен и попросил еще раз повторить сказанное. А

потом заметил: «Вы не могли ни о чем просить меня; я вас никогда прежде не

видел!»

— Сам не знаю, почему я это сказал, — ответил его собеседник, — но слова эти так

настойчиво вертелись у меня в голове, что я не удержался!

Новый знакомый нашего партнера, как выяснилось, о Шахе никогда не слышал.

Разговор происходил в баре отеля, где оба остановились.

Однако раз уж существуют узоры и суфии ими пользуются, почему они не говорят

об этих вещах более ясно или не обеспечивают хотя бы более свободный доступ к

подобной информации? Только я подумал об этом, но не успел и рта раскрыть, как

вдруг Шах сказал:

— Бросьте думать о ерунде, лучше послушайте историю о том, почему люди не

говорят или не делают того, что, по мнению окружающих, могло бы облегчить

всеобщее понимание.

Жил да был один малоизвестный врач, который знал, как вылечить практически

любую болезнь. Однажды он посетил страну, король которой был болен, и ни один

из практиковавших там докторов не знал, как избавить его от недуга. Доктора эти

представляли собой весьма разношерстную компанию — многие из них были

знаменитостями, а некоторые пользовались особым монаршим благоволением, и

правитель им всецело доверял.

Неизвестный врач пришел к этим медикам, как раз в то время, когда они держали

совет, и сказал: «У меня есть лекарство для короля, оно обязательно ему поможет.

Рецепт лекарства записан вот на этом листке. Конечно, я понимаю, что столь

почтенные мудрецы и без меня прекрасно знают сие средство, но я подумал: раз уж

и я обладаю этим знанием, то возможно, лет этак через 20 или 30, вы решите, что я

достоин присоединиться к вам в качестве скромного помощника. А теперь позвольте

выразить мое почтение и откланяться, поскольку меня ждут другие дела».

И он оставил их. Они успешно воспользовались данным лекарством, как будто это

была их собственная идея, и все остались довольны.

Король и его врачи были счастливы, поскольку болезнь прошла; а народ был

счастлив, потому что его вера в докторов еще больше укрепилась.

— Многие потенциальные ученики, — сказал Шах, — подозрительно относятся к

суфийскому учителю не потому, что тот не заслуживает доверия, а потому, что сами

они страдают паранойей. Это то, что следует лечить в первую голову. Прежде чем

изучать учителя, необходимо изучить ученика».

Затем, в характерной для него манере, Сейид Идрис подчеркнул значение

сказанного, напомнив известный анекдот. «В противном случае, — сказал он, — мы

окажемся под одной крышей с той женщиной, которая заподозрила мужа в измене и, как только он явился домой, стала искать на пиджаке своего благоверного улики в

виде женских волос. Ничего не обнаружив, она сказала: "Так! И что же это за лысая

мымра, которую ты охаживаешь?"»

В психологическом смысле мне удалось увидеть узор в случае с одним посетившим

нас монахом. Я встретил его, и после того как мы обменялись несколькими общими

фразами, он сказал: «Благодаря несомненному дару этого человека, Идриса Шаха, я достиг духовного покоя и глубочайшего понимания Бога». Монах производил

благоприятное впечатление, и слова его звучали искренне, но я чувствовал, что

здесь что-то не так.

Я попросил его рассказать что-нибудь об этом самом покое и понимании Бога. Он

сказал:

— Меня постигло смущение духа, но ни мой духовник, ни настоятель не могли

помочь мне; оба они говорили, что это дьявольское искушение и я должен

противопоставить ему умерщвление плоти и покаяние. По какому-то наитию я

пришел к Сейиду Идрису и признался ему: «Истинна ли моя религия и есть ли у

меня призвание к этому, я не знаю». Он ответил: «Сперва исполни свой долг в

отношении человека, а потом уж думай об отношении к Богу».

За тридцать лет мне такого ни разу не говорили. После этого Шах сказал мне

следующее: «Сам того не осознавая, ты заиклился на том, что кажется тебе

обязанностью Бога по отношению к твоей персоне. Но сначала есть долг по

отношению к людям, затем — обязанности по отношению к Богу. Свои же

обязанности Бог исполняет в любом случае».

Я спросил его, что же произошло дальше.

— Тогда я прозрел и почувствовал духовное присутствие. И я знаю, что в этом был

Бог. В монастыре, да и в других местах, где я жил и возносил молитвы, люди

говорили о долге перед Богом, но действовал каждый из них исходя из долга перед

самим собой, ожидая, что Бог каким-то образом исполнит обязанность по их

просветлению.

Выслушав его рассказ, я понял, что разговариваю с человеком, демонстрирующим

мне суфийское утверждение, что люди ошибочно принимают эмоции или

нравственное поведение за духовность. Именно в эту, как я чувствовал, ловушку

угодил монах, даже после того как получил так называемое «духовное благо» от

Шаха. С его точки зрения, психологическая проницательность и личное спокойствие

— это и есть духовность. Пройдя весь тот опыт, который религиозный орден

предоставил ему как одному из своих членов, он был не в состоянии отличить

эмоциональную безмятежность от религиозного переживания. Совершенно

очевидно, что для него религия была всего лишь индивидуальной терапией. Я

рассказал Сейиду об этой встрече и выразил свои сомнения, заметив, что, похоже, монаху не удастся преодолеть пропасть, отделяющую его от понимания.

Шах на это ответил:

— Тут можно было бы сказать, что если удалось из убийцы сделать обычного

воришку, то прогресс налицо.

Много времени спустя, когда я и сам уже приобрел немалый опыт, я снова

повстречал того монаха и был удивлен, что прорыв все же состоялся. Теперь этот

человек знал, что помимо эмоций, которые прежде он считал религиозным

переживанием, есть нечто гораздо более важное. Он лучился добротой, знанием и

пониманием, и говорил совсем по-другому, почти беззаботно, что, пожалуй, могло

бы шокировать его более впечатлительных бывших собратьев.

Он сказал мне: «Когда мы виделись в прошлый раз, мне не хватало самого

главного. Я пытался втиснуть нечто большое в очень узкие рамки, стараясь

подогнать Учение под свои собственные категории и понятия. Мне нужна была

лодка, как тому деревенщине из сказки про фермера».

Я никогда не слышал этой истории и тут же попросил рассказать ее мне.

— Ну, однажды фермер повстречал на дороге простоватого мужичка, который

спросил у него, как пройти в город. «Это за рекой», — ответил фермер. Через

некоторое время фермер, сам возвращаясь из города, увидел, что простофиля

барахтается в воде возле самого берега, не в силах преодолеть и двух ярдов из-за

сильного течения. Фермер крикнул ему: «Что, лодка утонула?» — «А что, здесь

нужна была лодка?» — закричал в ответ простак.

Я спросил монаха, непрерывно ли происходил его прогресс от первоначального

чувства, что Шах — духовная личность, в том монашеском и сентиментальном

смысле, который он придавал тогда этому выражению, к его новой позиции, проявившейся, когда он развил в себе восприятие узора.

— Никоим образом, — ответил монах. — Процесс был прерывистым, как о том и

говорят суфии, хотя тогда я в этом не разбирался.

К восприятию узора его привела одна история, правда, ему самому казалось, что

она не имеет к нему отношения.

В одной стране жили два человека, которых считали суфиями. С
какого-то времени

люди стали замечать, что первого суфия все реже и реже можно
застать дома и что

он все больше времени проводит при дворе местного правителя.
Поэтому они сели

у ног второго суфия, говоря между собой: «Первый-то суфий
последнее время уж и

не снимает придворного наряда, а вот второй даже свои лохмотья
прикрывает

плотным плащом, чтобы мы не подумали, будто он выставляет напоказ
свой

аскетизм».

Прошло еще некоторое время. И вдруг выясняется, что первый суфий
всего лишь

использует свое положение при дворе, чтобы ходатайствовать за людей
перед

тираном. Мнение о нем кардинально изменилось.

А относительно другого — предположительно мудреца и аскета —
вдруг

выяснилось, что свой необъятный плащ он носил для сокрытия под
ним краденых

вещей, перепродажа которых была его обычным занятием. Ученики,
вместо того

чтобы винить самих себя в недостаточной проницательности,
набросились на

учителя с бранью, обзывая его вором и скупщиком краденого.

Иногда мы совершенно случайно замечаем, как слаба
восприимчивость в людях, которые все оценивают только по внешним
признакам (современный образ жизни

Шах называл «культурой внешнего»). В такие моменты открываются
новые

возможности. Один мой друг уверяет, что для него прорыв произошел
вследствие

совсем будничного происшествия, не имевшего ничего общего с какой
бы то ни

было смоделированной учебной ситуацией.

По делам бизнеса он был в Саудовской Аравии и по случаю дня
рождения королевы

получил приглашение на прием в английском посольстве в Джеддахе.
На него

произвел сильное впечатление хороший английский одного из
присутствовавших

там гостей, и он сделал ему комплимент по этому поводу. — «Ну, я
все-таки

британский посол...» — ответил тот.

Глава 11. ВЕЛИКИЙ КОНГРЕСС

Свою работу мы выполняем повсеместно и во все времена.

Гхадждавани

Согласно суфийскому учению, у планеты Земля есть эволюционный план, и

история, на первый взгляд беспорядочная и случайная, отнюдь не является слепым

и бессмысленным процессом, как это может показаться. Эволюция органической

жизни проходила под контролем, и точно так же человечество постоянно находится

под руководством, побуждается к чему-либо или в чем-то сдерживается, с тем

чтобы соответствовать космическому замыслу.

Суфии, в разные эпохи известные под разными именами, считаются агентами

(исполнительными посредниками) этого руководства, и им предоставлен доступ к

плану в степени, необходимой для выполнения их функций. В среде суфиев план

называется накш, что можно перевести как замысел или узор.

Открытое признание, что такая деятельность происходит в истории человечества, допускалось лишь изредка и уж меньше всего—в последние столетия, когда

подобная идея никак не вязалась бы с пониманием человеческой жизни, как оно

насаждалось формальными религиями, а позднее — материалистическими

теориями.

Влияние суфиев на ход истории никогда не осуществлялось методами принуждения

физического или ментального характера, но почти всегда было косвенным —

ненавязчивым и малозаметным.

Мирян, обладающих перспективным потенциалом (они известны как приемники), могут вдохновить к созданию какой-либо организации, причем сами они будут

действовать в полной уверенности, что идея принадлежит им.

Согласно суфийскому опыту, именно таким образом исподволь направлялось

огромное количество общественных движений на благо людей. Иногда заметные

фигуры в подобных организациях начинали подозревать, что некоторые их

советчики, люди, сочувствующие их движению, а иногда и заинтересованные в них

филантропы — в некотором смысле «неординарны». Те, кто это чувствовал, могли

быть допущены в той или иной степени к суфийским секретам — с помощью

подобного тестирования определялось, пригодны ли они для вступления на Путь.

Идея такой экстраординарной поддержки может показаться невероятной, но роль, которую мне позволено было сыграть и достигнутое мной понимание помогли мне

осознать, что отдельные доступные наблюдению элементы — только часть

непрерывающейся связи суфиев с делами человечества во всем мире.

К примеру, сейчас уже достаточно широко признано, что армии сарацин, прошедшие через Северную Африку и вторгшиеся в Испанию в 711 году, были

буквально пронизаны суфийским присутствием, и именно это, через культурные

центры в Фесе, Кордове, Севилье, Гранаде и других городах, способствовало

возрождению образования в Европе, еще только поднимавшейся из мрака Темных

Веков.

Мало кому известно, хотя иногда об этом и подозревали, что переселение из

Европы в Новый Свет также сопровождали суфийские представители.

Среди первых поселенцев в Америке были суфии из ряда европейских стран. Они и

положили начало постоянному суфийскому влиянию в современной Америке, которую, кстати, некоторые суфии называют «третьей Америкой». Немногие в

Америке подозревали, что суфии из Англии, Германии, Болгарии и других мест, даже из Китая, осели в Америке и с тех пор принимают непосредственное участие в

науке, образовании и искусстве этой страны. О подобном присутствии суфиев, известных в суфийской среде под рабочим названием резиденты, только с недавних

пор стали догадываться представители разных слоев американского общества, которые в настоящее время в ответ на новое представление истинного суфизма, начавшееся около 1960 года, объединяются на Пути суфиев.

Не будет преувеличением сказать, что многие эзотерические и оккультные группы

во всем мире базируются на материале, который скопирован либо с основных

учений суфизма, либо с того, что было отброшено суфиями как утратившее свой

динамизм. Материалы, позволяющие воссоздать историю этого вопроса, публиковались, хотя и разрозненно, в течение последних двухсот лет.

Большое количество вышеупомянутых групп, рассыпанных по всему миру, присвоили себе название суфии, что, конечно же, бросает тень на деятельность

подлинных суфиев.

Любой намек на масштабы суфийской деятельности (как правило, даже менее

откровенный, чем у меня) неизбежно сталкивается с реакцией непосвященных, которая сводится к следующему: «Если такое влияние действительно имеет место и

если суфии владеют силами, превосходящими обычные человеческие возможности, тогда почему же в мире царит такой хаос?»

Ответ суфиев на это таков: замысел, по самой своей природе, исключает какое-либо идеологическое внушение или силовое руководство. Человека нельзя

принудить к эволюции; ему можно лишь показать эволюционную дорогу и оказать

поддержку в продвижении по ней, если он сделает такой выбор по собственной

воле. Если же он отвергает эту возможность, то надзирающая сила (Аль-Тафтиш —

«Инспекторат») может лишь постараться смягчить последствия — на что порой

уходят целые столетия — или же усилить результаты правильного выбора, когда он

сделан.

Участие суфиев в мировой драме заметно на примерах из практически любой

сферы социальной и культурной жизни, но предпринимаемые ими действия

подчинены исключительно стратегии, разработанной органом, известным как

Великий Конгресс. Основная форма, в которой этот Конгресс существует, представляет собой прямое ментальное общение между суфиями, достигшими

определенного уровня ответственности.

Серьезные отклонения от курса в делах человечества называются

«несовершенствами», и когда становится очевидным, что они уже произошли или

неизбежны, те, кто конкретно отвечает за обнаружение подобных событий, ставят в

известность Великий Конгресс. Такие сообщения передаются и принимаются на

уровне прямого восприятия в процессе невербального общения. Если Конгресс

приходит к согласию, что описываемые события серьезно расходятся с замыслом

или обнаруживается тенденция к отклонению от него, принимается решение о

начале действий и назначаются ответственные за проведение операции. Такого

рода работа называется мудахила, что значит «вхождение» или «вмешательство».

То, что суфии определяют как несовершенства, может и не совпадать с тем, что

сторонний наблюдатель непременно включил бы в категорию «неправильных

событий».

Несовершенства выявляются в результате прямого восприятия, или о них могут

свидетельствовать начальные тенденции, о которых по мере их возникновения

сообщают обычными подручными средствами. Одна из глобальных организаций

суфиев предназначена для отслеживания новостей. Нынешняя система была

введена более тысячи лет назад, во времена халифской династии Фатимидов, и ее

функция непрерывно осуществляется вплоть до наших дней.

Выдающийся историк и ориенталист из Оксфорда профессор Л.Ф.Рашбрук Уильямс, редактировавший сборник Sufi Studies: East and West («Суфийские исследования: Восток и Запад»), где дается оценка работе Шаха, открыл для широкой публики, в

чем состоит деятельность по отслеживанию новостей, хотя и не упомянул о том, что

таким образом идет подбор материала для Великого Конгресса.

«Мир в настоящее время делится на пять зон:

1. Дальний Восток,
2. Индия и Пакистан,
3. Центральная Азия,
4. Средний Восток,
5. Запад.

Информаторы в каждой зоне составляют ежемесячный обзор тем, речей и

тенденций, демонстрирующих, как люди мыслят и что говорят. Такой обзор в сжатой

форме и с присвоенным ему индексом отсылается Идрису Шаху, где бы тот ни

находился.

Поскольку Шах в молодости сам отвечал за одну из зон, он не только придает

немалое значение тому, как составлена информация, но и определяет, достаточно

ли она важна для представления на Великий Конгресс, где выносятся окончательное суждение по ее поводу».

Рашбрука Уильямса спросили однажды, почему суфии, обладая

сверхъестественными способностями, отслеживают события столь громоздкими

методами. Он ответил: «Необходимо знать не только то, что люди думают, но и то, что они публично заявляют или воображают, будто думают!» Пророческие решения, принимаемые Великим Конгрессом, должны учитывать и то, и другое. В «грубой», исключительно психологической области восприятие суфиев может оказаться

недостаточно надежным.

Великий Конгресс принимает решение действовать, основываясь на восприятии

«настоящего момента», протяженность которого неизмеримо больше, чем

настоящий момент обычной жизни. Например, локальное «несовершенство» для

нынешнего поколения, возможно, останется без видимых последствий. Но в

перспективе, доступной Великому Конгрессу, можно увидеть, что в отдаленном

будущем оно ведет к серьезному отклонению от замысла (узора). Такое

«несовершенство» поддается нейтрализации, а его последствия сводятся на нет с

помощью самого обычного, даже тривиального вмешательства.

К примеру, допустим, что в какой-то местности набирает силу определенное

течение мыслей, и в будущем это может привести к серьезному искажению

замысла. Иногда чтобы нейтрализовать его достаточно такого простого решения, как поддержка спортивных соревнований.

Заинтересованная часть общества в этом случае неожиданно обнаруживает, что

без всяких видимых причин начали возникать организации, поощряющие

спортивные мероприятия. Жители данной местности, склонные к занятиям спортом

и имеющие организационные способности, окажутся востребованными и будут

немало удивлены открывшимся возможностями, спонсорам и советчикам, вдруг

объявившимся благодаря как бы счастливой случайности.

Именно здесь, на этом стыке, вмешательство суфиев соприкасается с обычной

жизнью, что можно было бы назвать мезотерической фазой Великого Конгресса.

Фактически существуют три уровня. На первом происходит прямое телепатическое

общение между инспекторами областей и высшими эшелонами суфийской

организации (называемыми Арифин, то есть «гностики», или «те, кто знает»).

Второй уровень представляет собой присутствие на указанном стыке суфиев и

местных последователей суфизма (даравиш — мн.ч. от «дервиш»), которые

действуют в осуществляемом общественном проекте как посредники. Третий

уровень действий Конгресса связан с привлечением людей доброй воли, для

которых проект становится точкой приложения их энтузиазма.

Наш пример носит гипотетический характер, но он точно описывает модель

суфийского вмешательства и содержит его механизм. Такое вмешательство

осуществляется скачкообразно (в прерывистом режиме) и протекает во всех

областях человеческой жизни — включая естественные науки, психологию, благотворительность, искусство и социальные объединения.

Чтобы морально поддержать тех, кто входит с ними в контакт в режиме

деятельности Конгресса, — подозревают ли сами участники о природе этой

деятельности или нет, — суфии используют обычные, принятые в обществе методы

установления доверительных отношений, вдохновляя людей на примере

собственного поведения и самоотдачи. Это требует времени — иногда десятилетий,

— а также наличия принимающей стороны, то есть людей-приемников, которые

даже по общепринятым нормам — люди особого качества.

Поскольку любая культура оценивает искренность и истинность по внешнему

поведению, то «уровень признания» человека в обществе зависит от того, насколько ему удалось подтвердить свою благонамеренность и полезность. Другого

не дано.

Намеки на всемирную структуру организации суфиев в прошлом давались иногда

более, иногда менее явно. Возможно, источником большинства легендарных

представлений о суфиях послужил трактат, называемый Секреты Пути; он

опубликован знаменитым Шахом Мухаммедом Гватхом из Лахора (умер в XVII веке).

Документ этот породил два широко распространенных убеждения. Первое: все

суфии находятся в постоянном контакте посредством телепатии, ясновидения и

билокации¹⁷. Второе: этот документ — сочинение фантастическое, такой структуры

в реальности не существует.

Суфии нашего времени утверждают, что оба взгляда ошибочны. Они говорят, что

большинство выводов из этого популярного документа неверны. Однако

фактическая структура в целом соответствует приведенному там описанию. Они

говорят также, что очень древнее соотношение ответственности и функций

сохраняется в неизменном виде, начиная с некоего неоглашенного исторического

периода. Перечисленные в документе люди не только существуют, но и сохраняют

названные там имена. «Имена» же эти обозначают их функции. Суфийская

иерархия — в ее легендарной (традиционной) и действительной версиях —

приведена в прилагаемой диаграмме в виде двух столбцов.

Первый Конгресс, на котором мне довелось присутствовать, происходил в Кувейте.

Он был увязан с международным промышленным проектом, отвечавшим интересам

Запада, арабского Востока и стран третьего мира.

Там я своими глазами увидел взаимодействие между суфиями, знавшими, что

должно быть сделано и как этого достичь, и обычными благонамеренными людьми, убежденными в том, что они руководят проектом и действуют на основании хорошо

взвешенных коллективных решений. Когда двадцать лет назад я впервые посетил

Кувейт в качестве молодого дипломата, он представлял собой взлетно-посадочную

17 Билокация, Bilocation — одновременное физическое присутствие в разных местах. *Прим. переводника.*

полосу в пустыне и кучку невзрачных домиков. Теперь это был высокоразвитый

метрополис — центр деловой и культурной жизни.

СУФИЙСКАЯ ИЕРАРХИЯ

ТРАДИЦИОННАЯ КУТБ (= Ось/Верховный Глава суфиев)

АССАМБЛЕЯ (Меджлис) СВЯТЫХ — любой или все из нижеперечисленных

ЧЕТЫРЕ СТОЛПА-ОПОРЫ (Автад) Поддерживатели четырёх углов: ЗАПАД (Абдул Али: Знание)

СЕВЕР (Абдул Мюрид: Направление)

ЮГ (Абдул Кадир: Мощь)

ВОСТОК (Абдул Хакк: Истина) (Регулярно совершают путешествия по миру; сообщают об обнаруженных несовершенствах Кутбу)

СЕМЬ АБДАЛей (Изменённых)

Каждый заботится об одном континенте

ПЯТЬ АМДов (Колонн, или Опор)

СЕМЬДЕСЯТ Нуджуба (множественное от Наджиб — Высокородный)

ТРИСТА Нукуба (множественное от Накиб — Старший)

АВЛИА (Святые, друзья Всевышнего — имеющие поручение),
говорят, их 30 000

ДЕРВИШИ

(Бедные Земли сей)

Самоизбранные; стремятся стать суфиями;

Говорят, что их 500 000 в любое время

Те, кто "верит в" суфизм и знаком с частями Яруса I — 50—70
миллионов

Те, на кого оказано влияние через распространение идеи: неисчислимы
во всех

культурах

Имитаторы и самозванцы 2—8 миллионов

ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ

Глава (Кутб) Ось, или Точка Опоры = Глава организации

Великий Конгресс

(Му атамар аль Азам — "Друзья")

ПОДДЕРЖИВАТЕЛИ-ИНСПЕКТО-РЫ

Инспекторы Четырех Сторон Света (четырёх Климатов)

ЦИКЛИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

(Абдаль означает "измененный")

Сменные Инспекторы

ГЛАВЫ СЕМЕЙ

в их ведении особая деятельность

Руководители

Высокородные.

Щедрые

Исследующие —

Те, кто подготавливают почву

Те, кому доверено некоторое знание и функции, Совершенные —
считается, что их

30 000

Факиры (Арабский эквивалент персидского слова дервиш).

Те, кто пробует следовать Пути —

Братья, их общее число обычно 500 000

Надеющиеся и симпатизирующие: число неопределимо

ПОМОЩНИКИ

Ученики (мюридин, Руководимые)

Министры, советники, придворные и журналисты, сопровождающие своих патронов

всех цветов кожи — черных, белых, коричневых, желтых и не поддающихся

определению, — хлынули в крошечную страну. В аэропорт и обратно сновали

правительственные лимузины, непрерывно обеспечивая транспортом прибывающих, а несчастные госчиновники и группы официально встречающих

сражались с приветственными фразами на иностранных языках, распознаванием

гостей по флагам и исполнением подчас малоизвестных национальных гимнов.

Но Кувейт к этому времени уже имел богатый опыт подобного рода, и Протокольный

отдел демонстрировал чудеса организованности и контроля. Ни один флаг не

подняли вверх ногами. Прозвучали все подобающие случаю гимны. Сломалась

всего одна машина...

В эффектном современном отеле у нас были забронированы отдельные номера-люкс со специальной прислугой, микроволновой печью и спутниковой связью, обеспечивавшей телефонные разговоры с любой точкой планеты. Это произвело на

меня такое впечатление, что я в шутку спросил дежурного по этажу, почему на их

телефонных аппаратах нет телеэкрана, чтобы можно было видеть собеседника на

другом конце провода. К этому замечанию он отнесся со всей серьезностью: «Это

что-то новое для нас, сэр. Я проинформирую менеджера и уверен, он их закажет.

Не знаете ли, откуда их можно выписать — из Америки или из Западной

Германии?»

Во всей этой суеде прибытия и отбытия членов официальных и неофициальных

комитетов было много забавного. Приезжий народ обменивался визитами, из

ниоткуда появлялись люди с приглашениями, подарками, деловыми

предложениями, даже с верблюдами, для полного счастья. И, конечно, не обошлось

без бесплатного приложения — армии разномастных коробейников, предлагавших

делки, экземпляры какого-то журнала, публикацию хвалебной статьи о нас за

весьма внушительную сумму... Вряд ли кто-либо из этих людей был кувейтцем — те

вообще на редкость спокойны и преисполнены чувства собственного достоинства.

У нас стояло три телефона, и один из нас постоянно при них дежурил. Мы

отфильтровывали торговцев оружием и прочим сомнительным товаром, а также

прессу, хотя журналистов мне было искренне жаль. Казалось, они меньше чем кто-либо представляли, что происходит, хотя, наверное, больше всех нуждались в этом, ведь в их обязанность входило обнаруживать и передавать в свои газеты и

телекомпании материалы, объясняющие, зачем и почему так много важных людей

собралось в Кувейте...

Некоторые делегаты, попытавшись, к примеру, определить состав наших

посетителей, были весьма озадачены: они не понимали, к какому из социальных

шаблонов можно отнести нашу общность. На подобного рода международных

съездах люди, по обыкновению, разбиваются на группы. Если какая-то важная

группа неожиданно вступает в дружеские контакты с другой, это может быть — и

обычно бывает — сигналом, что намечается новый альянс, новая расстановка сил, будь то в религиозной, политической, коммерческой или иной сфере.

Но в наших апартаментах непримиримые политические противники общались так, будто между ними не было никаких противоречий. Более того, — что, с точки зрения

некоторых, еще более невероятно, — представители нетерпимых друг к другу

религий, и даже люди из конкурирующих международных компаний,
— все толпой

приходили и уходили в одно и то же время.

Делегаты с Запада и их советники — по сообщению наших друзей из
их окружения

— были не менее озадачены, хотя по несколько иному поводу. Их
смущало

отсутствие в нашей среде узнаваемых иерархических отношений. Как
мог посол

обедать у нас, сидя за одним столом с третьим секретарем? О чем
исполнительный

директор транснациональной корпорации мог так долго разговаривать
с простым

механиком одного из незначительных подразделений своей компании?

Однажды вечером я спросил у Шаха, почему у людей Востока и Запада
столь

разные реакции. Он сказал: «Меня тоже всегда интересовало это. На
Востоке

шофер может есть за одним столом со своим боссом, а на Западе —
нет. На Западе

же люди различных религиозных убеждений будут спокойно
обмениваться

мнениями, но на Востоке — вряд ли. Суфии представляют собой
единственное

известное мне сообщество, где отсутствуют какие-либо барьеры,
возводимые

формальной или эмоциональной принадлежностью индивидуумов к тем или иным

объединениям».

Мне сказали, что на Конгрессе были и сотрудники разведывательных органов, представляющие интересы разных стран, а годом позже я и в самом деле увидел

копии двух отчетов тайных агентов своим хозяевам. Оба отчета содержали

диаметрально противоположные выводы относительно нашего присутствия и

необъяснимого пересечения в нашем кругу людей самых разных национальностей и

интересов — со всеми из них мы поддерживали дружеские отношения.

В одном отчете утверждалось, что, независимо от того, кто мы такие, наша

деятельность совершенно безвредна. Другой отчет, проникнутый похожим

недоумением, делал противоположный вывод и содержал предупреждение, что за

нами «надо присматривать». Однако, насколько мне известно, наша «безвредность»

впоследствии не лишила нас внимания со стороны тех, кому был представлен

первый отчет, а наш зловредный, согласно второму отчету, потенциал не сделал

нас объектом пристального наблюдения со стороны других.

Виды деятельности, основание которых закладывается на Великом Конгрессе, очень разноплановы, в повседневном мире они могут относиться, скажем, к

культурной, научной или религиозной сфере — к тому, что с обычной, стандартной

точки зрения вовсе и не нуждается во вмешательстве или корректировке.

Примером объекта для такой деятельности может послужить ситуация, когда в

1960-х годах во время «оккультного взрыва», как грибы после дождя, появились

целые россыпи религиозных и эзотерических сект.

Затем, начиная с 1972 года, когда открылся свободный доступ к ряду книг и

монографий, этот процесс, с точки зрения суфиев, стал еще более интенсивным.

Один из примеров такого материала — вышедший в Америке сборник, составленный профессором Л.Левинем (L.Lewin). В нем содержалось описание

подлинной суфийской организации, члены которой работали в формате, основанном на глубоком знании суфийских перспектив.

Почти сразу же этот формат был превратно истолкован, а затем скопирован

некомпетентными людьми так, что вышла пародия на оригинал. И, конечно, эти

новоиспеченные организации не замедлили повесить ярлык суфизма на свои

занятия, бессмысленные с точки зрения настоящих суфиев.

В течение ряда лет по всему миру устраивались лекции и семинары, чтобы донести

до людей информацию о подобных отклонениях, и эта деятельность дала

значительные результаты.

Штаб, координировавший работу различных сессий Конгресса, находился в

небольшом офисе на Среднем Востоке, куда я был вскоре откомандирован. Там

планировались визиты и лекции и организовывались встречи, на которые

приглашали самых разных людей, связанных с определенными видами активности, отслеживаемой суфиями. Основная цель всех подобных мероприятий попросту

состояла в том, чтобы подвергнуть людей воздействию психологических и иных

факторов, специфически связанных с их конкретными интересами или

затрагивающих духовную тематику в целом. Визиты в рамках данной акции

получили название «благие странствия» — древний суфийский технический термин.

После открытия в Париже выездной сессии Конгресса деятельность его

европейской составляющей сопровождалась множеством таких «благих

странствий». И вот со Среднего Востока я прилетел в Париж на встречу с Шахом.

Когда мы встретились, он сказал мне: «Предстоит пройти три фазы. Поначалу к

тебе потянутся люди, которые ждут чего-то, — это очень пестрая толпа, и у

большинства из них, между нами говоря, не слишком уравновешенная психика.

Некоторые сразу возненавидят тебя и постараются дискредитировать; другие

полюбят и создадут проблемы, если ты не оправдаешь их ожиданий.

Затем, когда все это утихомирится и искатели приключений устремятся дальше в

поисках новенького, откроется следующая фаза. На этом этапе ты можешь стать

популярным и даже модным. Люди решат, что ты "состоялся". Иные будут точить

зуб на твой "успех". Наконец, после того как выгорят и эти летучие и ядовитые

"испарения", ты приступишь к настоящей работе».

Как только весть о нашем мероприятии распространилась, мы оказались в центре

неистового внимания. Однажды, когда мы выдерживали одновременную осаду

эксперта по картам Таро, некоего последователя «Свободного масонства», двух

групп, называвших себя «прогрессивными оккультистами», и еще нескольких

человек, трудно поддающихся классификации, я заметил Шаху, что эта ситуация

была бы более характерной для племен Центральной Африки или Европы средних

веков.

Он ответил:

— Что ж, все это ново для них. Вспомни, когда с Востока сюда впервые попал чай, европейцы заваривали его и сливали жидкость, после чего чай считался готовым, и

они принимались вкушать листья...

Но, что для него характерно, Шах тут же смягчил свой ответ восточной шуткой:

— Один фермер сказал как-то своему сыну: «Если ты и дальше будешь бездельничать, я пошлю тебя учиться на Запад. Это, конечно, станет началом

твоего конца — ты вернешься домой и умрешь с голода...»

Прибыли какие-то иранцы, и мы уже выходили из отеля, чтобы встретиться с ними, как вдруг угодили в засаду, устроенную делегацией из одной европейской страны.

Они были абсолютно невосприимчивы к намекам, и казалось, нам уже никогда от

них не отделаться.

Кто-то шепнул Сейиду: «Почему бы не сказать им прямо, что вы не хотите тратить

на них время, что их цель — всего лишь возбуждение и это слишком очевидно?»

Он ответил: «Это ничему их не научит. Они просто сочтут, что "их проверяют", и уж

тогда точно не отвяжутся. Такие умы заблокированы даже от оскорбления. Но

подождите, кое-что сработает в нашу пользу...»

Он объявил, что спешит на лекцию, но «она предназначена только для узкого

круга...»

— В сфере духа не бывает любимчиков, — проворчал предводитель этих

метафизиков, и большинство из них решительно проследовали за нами в

лекционный зал.

Двумя часами позже они высыпали наружу мрачнее тучи. Один из этой компании, не

сумевший проникнуть внутрь, подбежал к приятелю и спросил: «Ну что, удалось

узнать какие-нибудь тайны?» Тот обернулся с перекошенным от злобы лицом и

прорычал: «Это была лекция о структуре персидского языка».

Вскоре, однако, из-за отсутствия сенсаций разочарованность постигла всех

невменяемых, а из потока людей, настроенных относительно серьезно, стали

поступать отклики на заранее распространенную нами литературу.

К примеру, в результате наших встреч с духовными группами они иногда

распадались: люди осознавали, что следуют лишь фрагменту того, что считали

изначальным учением, или понимали, что их организация, собственно, мертва — и

хотя когда-то и находилась под непосредственным, явным или скрытым суфийским

патронажем, давно уже изжила себя.

Иногда (в зависимости от того, насколько психологически важной была группа для

ее рядового члена или руководителя) такая новая информация вызывала

сопротивление.

Суфийский принцип «говори с каждым в соответствии с его пониманием» создавал

множество любопытных проблем. Члены замкнутых кружков, полностью

«заикленные» на своем собственном культе и упорно не желавшие знать факты, были не слишком большой проблемой. У суфиев по отношению к таким людям нет

никаких обязательств, кроме предоставления базовой информации. У некоторых же

групп (их было меньшинство) все еще оставался некий потенциал, но они увязли в

системах терминов, символов, действий и привычек. В таких случаях надо было

объяснить им их собственные системы, а это очень непросто, если люди в группе

давно пришли к заключению, что их интерпретация (кстати, всегда крайне низкого

уровня) достаточна и значима.

После разработки плана операции, была «пущена в оборот» следующая история (и

не только она), — для того чтобы оценить реакции тех, кого можно уже приглашать

на другие встречи, где даются иллюстрации людям более глубокого уровня

понимания.

ТОВАРИЩЕСТВО И ЗРЕЛИЩА

Дервиш, искавший истину, обратился к суфийскому мастеру:

— Если ответ на мой вопрос будет уместен, и если вы не возражаете, то позвольте

мне спросить вас: какой, по вашему мудрому решению, единственный совет вы бы

дали мне, чтобы я мог послужить Великой Цели?

Суфий ответил:

— Избегай людей, которые ищут только товарищества, хотя воображают, будто

через товарищество они ищут просветления; общаясь с такими людьми, ты только

поощряешь их порок и выказываешь собственное невежество.

— Человек в подобной ситуации знает о наличии упомянутого порока или

устанавливает это путем проверки? — спросил дервиш.

— Если человек знает, ему нечего проверять, а если он способен проверить, у него

нет нужды в знании.

— Но как тогда убедиться, что эти люди жаждут товарищества?

— Это и проверяется, и демонстрируется одновременно. Отстранись на время от

тех, кто ищет дружбы. Если они станут тупо настаивать на товариществе, не

понимая, что тем самым проявляют свою алчность, тогда это и в самом деле

алчность. Если же они уйдут к другому или обратятся куда-то еще в поисках

товарищества, — это покажет, до какой степени они верны своей цели.

Когда в город приезжает цирк и в лавках торговцев сладостями исчезают

покупатели, мы понимаем: одно развлечение заслонило собой другое.
Но если по

прибытии цирка опустели места религиозного поклонения, то мы
узнаем настоящее

имя тех, кто до этого был известен как богомолец и духовное лицо.

Результат был двойкий. Устранились многие — те, кто возражал
против

формулировки, содержания и настроения этого и прочих рассказов.
Одновременно

на нас обрушился шквал запросов от частных лиц и организаций,
желавших

связаться с суфиями, но по каким-то причинам не сумевших
обратиться к ним

непосредственно. В офис, где работали я и мои сотрудники, хлынул
поток писем и

телеграмм, телефонных звонков и посланий по факсу.

Вскоре я осознал, что иногда совсем не обязательно быть суфием,
чтобы

разглядеть, что правильно, а что неверно в людях и их убеждениях.

Эту волну откликов порождали две основные категории людей: члены
официально

признанных, «респектабельных» духовных организаций и члены
организаций, которых «респектабельная» сторона именовала
«сектами». Усвоенный мной урок

состоял в том, что разница в идеях, методах и устремлениях обеих
сторон чаще

всего ничтожна: их характерные черты были столь схожи, что эти категории

фактически сливались.

Людям обычно никак не удастся понять это — в основном из-за отсутствия

организаций, которые могли бы собрать информацию о системах верований как о

феномене и разъяснить их структуру и динамику.

Напрашивался вывод, что в области духовных занятий царит вопиющее

невежество. Людям не хватает знания не только о чужих, но и о своих собственных

верованиях. Они почти ничего не знают и о вере как таковой. Информацию на эту

тему обычно черпают из низкопробных, загрязненных источников. «Селективное»

мышление и смешение фактов и теорий из самых разных систем и учений приводит

к тому, что многие совершенно запутываются и оказываются в тупике. Сам недуг

отталкивает лечение.

А желание людей узнать то, что мы знаем об их собственных системах, было

замешено, как выяснилось, на своеобразной жадности. Немногие, если такие

вообще были, удовлетворялись своими учениями, хотя тех, кто хотел бы сам

измениться, было еще меньше. Но всем, однако, любопытно было знать, а нет ли

какой-то «силы», каких-то «тайн» в их собственных верованиях, и узнать об этом

они надеялись от нас.

Пожалуй, не без оснований. Беспристрастное изложение фактов и объяснение

существа самой веры явилось для многих откровением. Один священнослужитель, бывший также и преподавателем восточных языков, сказал: «Это как если бы

Архиепископ Кентерберийский вдруг заявил, что Церковь — на самом деле не то, что все думают, а научное учреждение. Или, более того, как если бы промышленник

настаивал, что духовный путь может быть пройден в процессе работы в фабричных

цехах».

Занимаясь распространением материалов Конгресса, я предполагал, что

информация о сохранившихся донныне культурах и религиях очень быстро станет

всеобщим достоянием и любой, принадлежит он к ним или нет, сможет

использовать эту информацию в меру своих способностей. Но вскоре стало ясно, что в нынешних условиях люди могут воспринимать новые факты лишь в том виде и

в той степени, которые соответствуют глубине их «сна».

— Есть, однако, и обходной путь, — заметил мне Шах. — Запомните, убедить

фанатика крайне трудно; но если дать ему почувствовать, что он сам для себя что-то открыл, тогда есть шанс, что он сможет воспользоваться собственным

открытием. Ему необходимо рассчитывать на «награду».

И вскоре меня осенило: люди используют информацию для поддержания

собственного психологического равновесия. Если она исходит от кого-то другого, они ощущают для себя угрозу. Если же они «внедряют» ее сами, то чувствуют себя

новаторами, внесшими исторический вклад, зачинателями, экспертами и

первопроходцами. Полагаю, именно по этой причине суфии веками стояли у тронов

королей.

Конгресс, который к тому времени шел полным ходом на Западе и на Востоке, разделился на две секции. Первая занималась разьяснением человеческих систем

и была предназначена для членов тех или иных организаций. Она помогала

последователям понять, как возник их конкретный институт и чем их организация

занималась в действительности, независимо от того, во что они сами верили.

Деятельность второй секции была адресована остаткам бывших суфийских школ и

занималась разьяснением их изначальной структуры, достижений и причин

«одряхления».

Каждая из этих двух основных секций делилась, в свою очередь, на специализированные подсекции — для каждого культа, организации или школы.

По некоторым соображениям, в том числе географического характера, Конгресс не

мог проводиться в одно время или в одном месте. Распределенные в значительной

мере по языковым областям, сессии Конгресса проходили в течение нескольких лет, начиная с 1973 года, и неизменно вызывали большой интерес. В мои обязанности

как администратора входило следить за тем, чтобы в прессе Конгресс освещался

как можно более обрывочно.

Мы не хотели, чтобы картина стала доступна в целом, поскольку это привело бы к

двум нежелательным последствиям. Первое — люди, будучи заранее информированы о наших целях, могли бы испугаться и отшатнуться. Особенно это

было верно в отношении руководителей религиозных организаций и культов; лидеры не хотели, чтобы рядовые члены заподозрили, что можно узнать что-то из

источника «извне» или что они сами как авторитеты пребывают в сомнениях.

Второй причиной была страсть прессы к сенсациям. Очевидно, чтобы дать

читателям максимум развлечений, журналистам было бы выгоднее представить

Конгресс как международный слет всех гуру. Ведь куда труднее объяснить, что в

данном случае имеет место далеко идущая попытка внести ясность в вопрос, чем

на самом деле являются культы и религии. Также важно было не просто просветить

людей, но и дать им достаточно времени на усвоение нового, иначе такая

информация могла бы стать сокрушительной.

Существовала масса других проблем. Некоторым людям по политическим причинам

было нелегко покинуть свою страну. У иных на это время были назначены какие-то

другие дела, возможно, запланированные на годы вперед. Отели и размещение, проездные документы, переводчики, фонограммы, выдержки из лекций, формальные и неформальные заседания — все это требовало тщательного

планирования, и каждый из аспектов, конечно же, порождал букет мелких проблем.

Ко всему прочему, программа нуждалась и в финансировании, поскольку ее

реализация требовала таких расходов, которые показались мне, когда я впервые

увидел их на бумаге, сравнимыми с бюджетом небольшой страны.

В конечном итоге, в Конгрессе приняли участие люди от пятидесяти шести крупных

конфессий и мелких религиозных объединений, а также многие заинтересованные

психологи и прочие лица, не принадлежавшие к конкретным организациям.

Последние зачастую уже работали над прояснением какого-либо аспекта

предположительно религиозной или иной истины. Еще до того, как Конгресс

развернул в полной мере свою деятельность, этим людям удалось через лекции, статьи и книги пустить в обращение некоторые идеи, обозначившие его

направленность, хотя прямо о конгрессе они не упоминали.

Работа наших собственных специалистов, следивших за результатами по мере их

возникновения, произвела на меня громадное впечатление. В беседах то с одним, то с другим экспертом я неоднократно отмечал, что если бы мне предложили

осуществить такой объем работы, то я, располагая обычными возможностями, сказал бы, что это может потребовать десятки, даже сотни лет. Как же им удалось

собрать весь необходимый материал? Откуда они знали, что включить в него, а что

нет? Как они нашли участников в ранге суфиев и отыскиали прочих нужных людей

для участия в Конгрессе?

Когда я был «назначен» в Информационный офис, моя проницательность в

суфийском смысле была минимальной, и мне трудно было заметить факторы, на

которые суфии постоянно ориентировались в своей работе. Они способны были

чувствовать, что относится к делу, а что нет. У них было ясное видение реальности, стоящей за религиозностью, и их оценка отклонений была мгновенной и

непосредственной. Поскольку они также знали множество допустимых форм, которые может принимать истинное учение, им было относительно легко выявить

абрис существующего паттерна (узора) и показать, каким образом этот паттерн был

— или не был — искажен.

Умозрительные толкования начинались, лишь когда организацию, в свое время

подключенную к духовному руководству, а теперь застывшую, требовалось оценить

с позиции ее нынешнего состояния. Последовательность событий сомнений не

вызывала. Рассуждать можно было лишь в отношении того, какие факторы, человеческие или иной природы, и когда именно дали толчок соответствующим

событиям. Впрочем, само по себе и это не имело большого значения. Если колесо

стало объектом поклонения, то какая разница, по чьей инициативе случился

переход от его использования к суеверию? Вопрос этот интересен лишь в рамках

теоретического, «академического» изучения.

Мы вели постоянное наблюдение за религиозными и эзотерическими организациями, участвовавшими в Конгрессе, следя таким образом за последствиями нашего воздействия. И что интересно, изменения начали

происходить довольно скоро, свидетельствуя об искренних попытках людей

возвратиться к осмысленной деятельности. Менее обнадеживающим, в чем мы

убеждались снова и снова, было то, что руководители культов, даже осознав

ложность своих систем, упорно старались сохранить эмоционально мощные

концепции, боясь, что без этого их организации распадутся. К тому же отдельных

религиозных лидеров и культовых учителей было почти невозможно убедить в том, что некоторые сущностные факторы находятся за пределами информации и даже

образования. К примеру, они чувствовали, что главное — это узнать, что именно

«не так» с их организациями, а там уж они и сами с этим справятся. Да и в целом

они не были склонны соглашаться с фактом, что системы верований под

воздействием временного процесса имеют тенденцию давать крен, превращаясь в

системы власти, если лидер такого объединения сам еще не достиг конечной цели

духовного пути. Им бы уразуметь, что целью должно быть достижение опытного

познания истины, а не теоретической убежденности, — ведь ради этого их учение

первоначально и было сконструировано.

К счастью, суфийские наставники, ведущие программу, не считали таких лидеров

неисправимыми. Скорее, это являлось для них свидетельством того, что

современные люди в отношении религии одержимы «магической теорией». Они

полагают, что если у них есть факты и формулы, то можно «заставить их работать».

Но в данной области подобное неприменимо — необходимо еще и знание. «Как

может спящий разбудить спящего?» — писал Саади.

Меня неоднократно поражало, что внешний вид и репутация людей подчас

абсолютно не отражают их внутреннюю незрелость.

Однажды утром, сидя за рабочим столом, я с удовольствием прочел на принесенной визитной карточке имя известного мне генерального директора одной важной международной организации.

Я попросил пригласить его войти; конечно же, я узнал его — это был человек, которого я встречал еще на дипломатической работе. Видный мужчина среднего

возраста, полиглот, солдат международного фронта по гражданским делам — на

сей раз он вел себя в не свойственной ему подобострастной манере.

Я встал, пожал ему руку и улыбнулся:

— Итак, чем могу быть полезен?

— Понимаю, что прошу о большом одолжении, — начал он, — и вы, должно быть, выслушиваете множество подобных просьб, так что постараюсь не отнять у вас

много времени. Скажите, нельзя ли узнать название любимого сорта чая или кофе

Идриса Шаха? Я буду пить его, каждый раз вспоминая о Сейиде Идрисе...

Мне стало грустно. Поистине, проблемы интеллектуала, даже самого блестящего, могут быть очень серьезны. Вспомнилось высказывание Шаха: «Голова не услышит, пока не услышало сердце». И еще одно: «Сколь бы эмоциональной ни казалась

ситуация, ничто так не выдает нечувствительность человека, как то, что он

второстепенное принимает за главное».

Помочь людям понять, что первично, а что вторично, было главной целью

Конгресса. Суфиям давно известно, как трудно любой культуре проникнуться

пониманием этого различия, и тому есть исторические причины. Все культуры

проходят через фазы, когда эффект определенных идей внутри культурного

процесса изменяется под воздействием местных условий. После нескольких таких

циклов поколения людей любого общества оказываются наследниками целого

набора «заштопанных» верований и практик, сбивающих с толку и мешающих

отделить главное от вторичного.

Намереваясь ознакомить людей с этой проблемой и одновременно представить

информацию так, чтобы она имела прямой эффект, не давая повода для распространения еще одной системы верований, мы включили в нашу программу

специальную историю.

В этом обучающем анекдоте, на который часто ссылаются как на документальный

факт, фигурируют Хасан ас-Басри, один из великих суфиев древности, и Хабиб

Аджами — другой мастер.

Те, кто привык к суфийским методам инструктирования, склонны видеть в подобных

историях очевидные примеры «спланированных инцидентов», предназначенных

донести суть до бдительных учеников.

В фокусе рассказа — пересечение интересов закона и веры. Люди, понимающие все

буквально, всегда настаивают на том, что следование традиционному поведению и

абсолютное уважение к прецеденту являются сутью духовного прогресса. Хасан и

Хабиб, очевидно, сочли необходимым прокомментировать эту тему, разыграв почти

театральную миниатюру.

Хасан, как сообщает история, навестил Хабиба и преподнес ему несколько ломтей

хлеба. Вскоре к ним приблизился нищий, и Хабиб отдал ему принесенную Хасаном

еду.

Хасан, встав в позу религиозного законоведа, возгласил:

— Хабиб, ты не знаешь закона! Ведь закон запрещает передавать дальше

подношение.

Хабиб ничего не ответил. Помолчали. Вдруг какой-то незнакомец подошел и

положил перед Хабибом еду. Тогда Хабиб, подвинув ее к Хасану, сказал: «Да, ты и

вправду знаешь закон. Но как все-таки прекрасно иметь веру!»

Когда этот рассказ распространился, можно было наблюдать интересный результат, по крайней мере, на Западе. Шаха часто спрашивали, почему приводимые

иллюстрации так часто относятся к деяниям и речениям древних суфиев, иные из

которых жили аж тысячу лет назад. Он обычно отвечал: «Чтобы получить еще

больше этих танталовых мук мудрости, человеку пришлось бы перерыть горы

древней литературы, в которой они зарыты, а это выше наших сил».

Я, в общем-то, сочувствовал такой реакции, поскольку и сам, до некоторой степени, все еще жил по принципу так называемой «аспириновой логики».

Это определение появилось после сделанной однажды Сейидом ремарки: «Раз

одна таблетка аспирина избавляет вас от головной боли, вам может показаться, что

тысяча таблеток откроет доступ к высшему сознанию, хотя такое количество

лекарства — да что там, пригоршня, — наверняка отправит вас в могилу».

Суфии — не составители антологий, предлагающие какие-то разделы традиционного наследия, им самим интересные; они осуществляют лечебную

практику, подразумевающую, что лекарства прописываются безошибочно и

выдаются в точно отмеренных дозах. Напротив, книги, исходящие из псевдосуфийских источников, обычно оказываются просто компиляциями, в лучшем

случае — всего лишь любопытными диковинками. В них нет понимания насущных

проблем.

Несколько заседаний Конгресса состоялось в Англии, которая всегда была

популярным центром международных встреч. Присутствовавших британцев

одолевало любопытство насчет того, «откуда прибыли» те или иные наши

представители. Англичане, похоже, думают, что у каждого есть — или должно быть

— четко определенное, конкретное место проживания. В конце-то концов, тибетские

буддисты прибывают из отдаленных гималайских монастырей, у индуистов есть

ашрамы, и они то и дело говорят о реке Ганг, последователи дзен носят необычные

одежды и приезжают из Японии или Америки.

На собрании, проходившем в одной из комитетских палат в Вестминстерском

Аббатстве, председатель спросил Идриса Шаха, как он находит пребывание в этой

стране, ведь хорошо известно, как иногда бывает неуютно человеку за границей...

Сейид Идрис ответил: «Помню, однажды в Лондоне моего отца спросили, не

собирается ли он провести лето за границей. Он ответил: "Я уже за границей". В

моем случае — наоборот. Сегодня мне пришлось преодолеть аж тридцать две мили

из Кента, чтобы обратиться к собравшимся здесь».

Другого суфия на этой же встрече спросили: «А ваш головной убор — это что, атрибут вашей религии?» Он ответил: «Нет, атрибут прически. Я не успел попасть к

парикмахеру, так что волосы немного длинноваты...»

Но зато в Англии, куда мы чаще всего возвращались после продолжительных

поездок по Среднему Востоку, нас всегда ожидал восхитительный набор

персонажей. На любой конференции Конгресса могли оказаться антрополог из

Оксфорда и, скажем, испанский арабист из Гранады, с головой ушедшие в

обсуждение своих узкопрофессиональных вопросов; философ из Эдинбурга мог

быть полностью захвачен идеями профессора социологии. А группа профсоюзных

деятелей, с легкой руки какого-нибудь делегата, не без удивления открывала для

себя странный, но увлекательный мир Организации объединенных наций или

выслушивала описание подробностей жизни в «Think-tank»¹⁸ из уст какого-нибудь

заокеанского гостя. Затем место сбора переносилось в английскую деревушку, с

непрерывным чаем со сливками и запахом свежескошенной травы...

Я пишу обо всех этих впечатлениях, поскольку по прошествии месяцев обнаружил, что контакты и дружба, которые у меня там завязывались, развивались и неизменно

переходили в стадию, когда переставало иметь значение, чем человек занимается, и оставалось только то, чем он в действительности был.

В ходе этих контактов стало понятно, что, знакомя людей с новой для них

информацией о суфиях, нам приходилось освобождать многих из них от

¹⁸ Think-tank (англ.) — разг. «мозговой центр»; коллектив учёных, научно-исследовательский институт и т. п.

Прим. переводчика.

эксцентрических представлений. Например, иные считали, что участвуют в благих и

полезных встречах с подспудной целью объединить интересы духовно настроенных

людей, вследствие чего наступит мир во всем мире или состоится решающее

сражение с демонами материализма. Восторженное отношение к добрым деяниям

зачастую побуждало их проявлять самые разные и безнадежные инициативы, которые приходилось осторожно перенаправлять в другое русло. Но могу сказать, и

не без удовольствия, что многие из них действительно поняли, в чем нуждались.

К настоящему времени выросла целая индустрия, укомплектованная благонамеренными людьми, которые считают, что на них возложена миссия

противоборства материализму путем создания и расширения групп и контактов, позволяющих объединяться «духовным людям». Некоторые из них глубоко

убеждены, что задача эта не терпит отлагательства, а им отведено важное место в

ее решении.

Таким людям и невдомек, что надлежащие контакты уже имеют место, а

деятельность уже развернута и существовала всегда. Но если им объявить об этом, они могут и не поверить. Причина тут очевидна — страх утратить свою роль.

Обычно они уверены, что «никто ничего не делает». Но у тех, кто ездит на

велосипеде, нет никакой нужды изобретать его заново.

Конечно же, побуждение делать что-то полезное — в целом благотворно. Но, к

несчастью, те, в ком это желание достаточно сильно, кем сознательно или

подсознательно движет в основном тщеславие, оказываются неспособными

завязать такое знакомство, благодаря которому они смогли бы убедиться, что все

«под контролем», все в надежных руках и, возможно, даже прийти в результате к

реальному участию в работе.

Шах и другие постоянно консультировали этот резерв. Сейид говорил: «Не

воспринимайте ничего как данное от природы. Эти люди всю жизнь прожили в

обществе, где царит восхищение друг другом или восторг от взаимной критики. Они

мало что знают об объективном наблюдении».

Естественно, на наших встречах в ходе Конгресса становилась очевидной и степень

приверженности людей к неоправданным допущениям. По счастью, многие из них

были достаточно интеллектуальны, и мы смогли, установив с ними связь на

вербальном уровне, донести до них, как можно прийти к пониманию вещей, с их

точки зрения, находящихся за пределами возможного.

В частности, даже высокообразованные и опытные люди из научного мира

недоумевали, каким образом мы были организованы и как могли выполнять то, на

что претендовали. Вот пример взаимодействия в форме «вопрос — ответ»: В. У меня сложилось впечатление, что значительное число людей, работающих с

суфиями и осуществляющих административные функции, суфиями не являются — в

том смысле, что они пока еще учатся. Как могут они эффективно работать, не

обладая внутренним видением, столь необходимым для суфиев в деле руководства

другими людьми?

О. Во-первых, есть множество человеческих типов, которые, при условии

правильного руководства, могут эффективно выполнять суфийскую работу, даже и

не будучи при этом суфиями. В этом смысле наша структура не отличается от

других организаций, где высококвалифицированные специалисты в высшем

руководстве направляют работу менее квалифицированных работников низших

звеньев.

Во-вторых, есть обширная промежуточная социо-психологическая сфера, в которой

способен работать любой разумный человек, если у него есть опять же руководство

и собственный опыт в этой области, — на Западе ее называют «мезотерической», а

у суфиев она именуется мутавассит (в середине).

Люди, работающие в этой сфере, должны уже иметь опыт контакта с сотнями, а, может, и тысячами тех, кто звонит, шлет письма, с членами групп и так далее. Здесь

можно заметить, что одни и те же поведенческие образцы повторяются снова и

снова как у кандидатов в ученики, так и у обычных людей, благодаря чему и

появляется возможность проделать огромный объем предварительной работы, выходящей за пределы компетенции среднего человека, у которого подобного

опыта не было.

Эти встречи показали нам, что в попытках оценить нас даже «эксперты»

пользовались в высшей степени неадекватной информационной основой.

Многие люди, среди которых были международные чиновники, педагоги и писатели, так трогательно верили в силу печатного слова, что даже после ознакомления с

нашими публикациями не могли взять в толк, почему же другие не в состоянии

понять то, что им было так понятно. Мы избегали напоминать таким индивидуумам, что их собственное понимание — плод наших огромных усилий и результат нашего

непосредственного контакта с ними.

Вот еще один вполне типичный вариант «вопроса-ответа»: В. Почему люди остаются столь невежественными относительно вопросов, затронутых в суфийской литературе, даже сейчас, когда огромное количество

источников доступно на многих языках?

О: Следует помнить, что первым барьером является выборочное чтение, когда

люди выискивают то, что поддерживает их собственные пристрастия. Таким

образом, результатом изучения суфийской книги оказывается либо подтверждение

уже сформировавшихся склонностей, либо неприязнь к чему-то из написанного, не

соответствующему их пристрастиям.

Общая приверженность людей своим пристрастиям — и есть главный «секрет». Это

объясняет, почему люди могут быть обращены в любую веру, почему они могут

восхищаться качеством, называемым «целеустремленность», при этом совершенно

не замечая, что объект их восхищения — монотеизм. Здесь кроется объяснение и

того, почему они любят одних и не переносят других, всегда имея наготове свое

собственное объяснение этому факту. Например, они скажут: «Мне нравится такой-то, потому что он не только разделяет мои взгляды, но еще и...»

Великая победа пристрастий над человеком заключается в том, что люди знают о

них, даже могут их видеть, но не представляют, что с ними делать. Одна английская

фраза (пропущенная через таблицу спряжений), довольно точно описывает как

«зомбированные» относятся к себе и как к ним относятся другие: I am committed, engaged, dedicated

You are deluded/ dedicated

He is deluded/ dedicated

We are committed/ dedicated

They are committed/ dedicated/ deluded¹⁹.

19 Я предан / вовлечен / посвящен

Ты обманут / посвящен

Он обманут / посвящен

Мы преданы / посвящены

Они преданы / посвящены / обмануты.

Мы обнаружили также, что местные аналогии, шутки и притчи, понятные данному

кругу, становятся отличным подспорьем, как только люди осваиваются с их

применением. Вначале же им требуется подход типа «непростой-старичок-с-длинной-белой-бородой-живущий-в-пещере».

Впрочем, свои достоинства есть и у традиционалистских методов, и для достижения

нужного эффекта иногда стоит чередовать эти два подхода.

Один европейский профессор задал вопрос: «Обычное среди мистиков настойчивое

требование безусловного подчинения ученика учителю (что характерно для

наставников дзен, а также для индуистских и суфийских мастеров) — разве это не

очевидное средство закабаления ученика? В западной интеллектуальной традиции

мы, напротив, настаиваем на том, чтобы учащийся, подобно скептику, все ставил

под сомнение».

— Как это ни парадоксально, — сказал отвечавший на вопрос суфий,
— но в

действительности верно обратное. Присутствие такой точки зрения (то
есть что

ученик должен повиноваться учителю) служит индикатором
изначальной

действенности Школы, в какой бы упадок она ни пришла с течением
времени.

Сейчас объясню, о чем речь.

Все известные системы «закабальют» последователей и даже лидеров
посредством натаскивания и внушения. Одержимый поработчен своей

одержимостью. В обычных системах невежество держит людей в
убеждении, что

«рабов здесь нет». Посмотрите вокруг и скажите, кто не является
рабом.

Только просветленное Учение открыто заявляет, что каждый чему-
нибудь да

подчинен. А вот является ли подчинение поработчением — это уже
другой вопрос.

Ищущий должен признать способность учителя и даже почувствовать
ее. Как сказал

Ма'руф Каркхи, «суфий имеет право принимать служение от других,
но у него нет

права просить их об этом». Или, говоря словами Нури, «быть суфием — значит ни к

чему не быть привязанным и ничего (и никого) к себе не привязывать».

Вы предлагаете подвергать все сомнению. Фактически, это самый легкий способ

привязать к себе людей. Заставьте их спрашивать, и вы завладеете их

спрашиванием. После этого они станут повинаться вам даже в своих вопросах и

будут неспособны вас послушаться. Разве только вы поставите под сомнение сами

их вопросы.

Не забывайте также, что суфийским учителям повинуются потому, что они известны

своей честностью и безукоризненной репутацией (у кого этого нет, тех вы называете

«дервишами»). Если бы настоящий суфий позволил себе эксплуатировать вас, и об

этом стало известно, он утратил бы всю свою безупречную репутацию, которую

специально заработал, чтобы на обычном уровне гарантировать успех своей

деятельности.

Вас ввела в заблуждение ваша собственная игра слов, ваш интеллектуализм...

Один из моих старших сотрудников, сведущий в классической суфийской

литературе, как-то раз с интересом, хотя и с большим сожалением, заметил, что все

варианты человеческой мысли, искривленные пристрастиями и фрагментарным

мышлением, присутствуют в XX веке в той же форме, в какой они были описаны и

перечислены классиками суфизма еще тысячу лет назад.

Некоторые слушатели восхищаются «современностью нашего подхода». Как ни

печально, ничего современного в нем нет. Люди всегда были такими.

Шах проиллюстрировал непреходящее свойство человеческого несовершенства

шуткой, хорошо известной как на Востоке, так и на Западе.

Первый человек: Почему ты не работаешь?

Второй: А зачем?

Первый: Чтобы заработать денег.

Второй: Для чего?

Первый: Чтобы накопить их побольше.

Второй: А зачем?

Первый: Тогда ты сможешь не работать.

Второй: Я и так не работаю.

Хотя первый — это обычно индивидуум преуспевающий, а второй — бродяга, в этой

истории изображены, по сути, две личности одного типа. Никто из них не ставит под

сомнение правильность или незыблемость собственных допущений. Оба они —

пленники устоявшегося образа мыслей, выработанного либо в силу обстоятельств, либо по неразумению.

Мы столкнулись с примерами узости обычного мышления, когда люди, почувствовавшие интерес, предлагали нам свою помощь. Особенно это бросилось в

глаза на одной из наших конференций в Лондоне, которую прямо-таки заполнили

люди, совавшие нам свои рукописи, и, в свою очередь, предлагавшие опубликовать

наши труды, чтобы, как они выражались, «сделать нас преуспевающими». Нам

пришлось распространить памятку следующего содержания:

«Большое число людей пишут или звонят нам, сообщая, что написали книги, представляющие ценность для Пути суфиев. Почти все из предложенного

оказывается никуда не годным. Суфии пишут книги, потому что достигли ступени, с

которой они могут видеть Путь в ретроспективе, и по этой причине книги их имеют

ценность. Но почему люди, не обладающие подобным внутренним видением, воображают, будто их труды имеют ценность, понять

трудно.

Тут надо осознать, что мышление таких людей фрагментарно. Один фрагмент

говорит: "Я хочу служить"; другой заявляет: "Я могу сделать это прямо сейчас". Эта

вторая часть обманывает первую, которая, если ее предоставить самой себе, могла

бы прийти к мысли, что служение не бывает случайным, а при отсутствии реального

знания не может быть и целенаправленным».

На той же Лондонской конференции произошло серьезное замешательство в рядах

традиционных психологов по поводу того, чем они сами занимаются или думают, что занимаются, или даже, что они думают насчет того, чем занимаемся мы. Чтобы

разрядить обстановку, Шах рассказал басню.

ПТИЧИЙ КОНКУРС

Представители всех видов птиц, какие только есть на Земле, решили выяснить, кто

из них способен взлететь выше всех. Они избрали совет для судейства, и

испытание началось.

Не осилив подъема, одна за другой птицы отставали и спускались на землю, и один

только Орел продолжал набирать высоту. Все выше и выше летел он, пока, достигнув своего предела, не воскликнул: «Смотрите, я достиг высочайшей точки, оставив внизу остальных!»

И вдруг крошечный Воробей, который притаился у Орла на спине, все это время

ожидая своего часа, расправил крылья и взлетел еще выше, потому что силы его не

были растрочены.

Совет собрался, чтобы назвать наконец победителя. — «Воробью, — объявили они,

— присуждается приз как самому умному, но победа в нашем конкурсе остается за

Орлом. Орел также награждается дополнительной премией за выносливость, потому что он победил прочих участников соревнования с Воробьем на спине!»

Эта история заметно подействовала на многих видных психологов в зале. С миной

некоторого неудовольствия и досады они дали понять, что уловили смысл.

В ходе одного из заседаний Лондонской конференции Шах использовал выражение

«педантичное расщепление волосков». И тут же один человек, хорошо известный в

стране благодаря своим частым появлениям на телеэкране, поднял руку и с

убийственной серьезностью произнес: «Для начала давайте установим, какой смысл

вы вкладываете в это свое "педантичное расщепление волосков".
Дайте нам общее

определение или хотя бы разьясните всю фразу по порядку — взяв
сначала первое

слово, после чего перейдя ко второму...»

Шах ответил: «Не думаю, что в таком разьяснении есть смысл,
поскольку вы уже

продемонстрировали поистине бесподобный пример того, что это
значит, сохранив

наше время и силы».

Другой постоянной темой было доверие. Снова и снова люди как
одержимые

возвращались к вопросу о том, кому можно верить. Один западный
психолог, некоторое время изучавший Путь суфиев, изгнал из них
этого беса, рассказав

блестящую историю:

— Конечно, это прекрасно — учиться по теориям; однако то, что
познано на

непосредственном опыте, обычно гораздо лучше впитывается самой
тканью

человеческого ума, — сказал он. — Много лет назад я был среди
многочисленных

последователей некоего учителя. Однажды женщина, посещавшая эти
встречи в

течение ряда лет, сказала мне: «Знаете ли, у меня есть только один
вопрос, касающийся нашего учителя, который я никак не могу решить

для себя: можно ему

верить или нет?»

Я, в своей обычной автоматической манере, стал рассуждать о том, можно ли

вообще кого-то убедить в чем-то, если тот не уверен, как вдруг один посещавший

нас сановник прервал мои рассуждения и сделал одно из наиболее эффективных

заявлений, какие я когда-либо слышал.

Он сказал: «Ваша дилемма не в том, можно ли доверять этому человеку или кому-то

другому, а в том, что в вас сидит сильное желание непременно кому-нибудь не

доверять. Не доверяя этому человеку, вы фактически решаете свою проблему, так

как нашли того, кому можно не верить. Стало быть, теперь ваша проблема, в

действительности, уже решена. Просто вы выражаете ее в терминах, к ней не

относящихся, и из-за этого вам никак не удастся "решить свою проблему" видимым

образом, хотя вы решаете ее ежесекундно».

Глава 12. АССАМБЛЕЯ В ЙЕМЕНЕ

Небеса там, где нет муллы.

Принц Дара Шикох

Деятельность суфиев всегда носила глобальный характер, воздействуя на культуру

и другие компоненты общества в обычном для нее режиме непосредственного, но

анонимного контакта. Благодаря системе прямого восприятия эта работа, конечно, как в прошлом, так и сейчас, непрерывна.

Она охватывает людей четырех уровней коммуникации: ученых, духовенство, дервишей (включая остатки школ, сохранивших религиозно-благочестивую

направленность) и обычную публику, причем для каждого уровня требуется

отдельное представление суфийских идей.

Этап «академического гнева» прошел, как среди западных ученых, так и в других

сферах обитания ученого сообщества. Представить же суфизм нынешним

исламским ученым — духовенству Востока — и традиционным дервишам решено

было в Йемене.

Невзирая на то, что многочисленные богословы оказывали суфиям мощную

поддержку, немало представителей мусульманского мира, и среди них многие

священнослужители, во все времена были непримиримо настроены против

суфизма, считая его явлением чуждым исламу.

Так что Ассамблея в Йемене, собравшая почти четыре сотни этих уважаемых

людей, была хоть и частным, но весьма важным заседанием.

Югослав Илиас Азембегич и я провели большую организационную работу. Одна из

проблем состояла в том, что среди присутствующих — суннитов и шиитов, черных, белых и желтых — находились люди, которые уже считали себя суфиями; все это

собрание представляло собой микрокосм нынешнего исламского мира, со всеми

плюсами и минусами, вытекающими из его огромных масштабов и разнообразия.

Йемен был выбран по нескольким причинам. Он не относится к числу крупных

мусульманских стран, подобных Египту, Пакистану или Индонезии. Если бы

конференция проводилась в одном из таких государств, мероприятие могли бы

счесть инспирированным национальными амбициями. В зачастую острых ситуациях

взаимного непонимания между основными восточными этническими группами в

исламе — турками, арабами, жителями Центральной Азии, иранцами и

пакистанцами — Йемен никогда не примыкал ни к одной из сторон.

Люди Запада

часто воспринимают мир ислама как что-то туманно связанное с арабской

культурой, на самом же деле, различия в истории и языке мусульманских народов в

некоторых случаях гораздо значительнее, чем между клочкообразными

государствами, составляющими Европу. Среди йеменцев были и реальные суфии

— люди прямого восприятия, и те, кто сохранял приверженность к сугубо

монашеским и менее осведомленным дервишеским орденам, были также и теологи

— все они признавали авторитет нашего учителя. Правда, причины такого

признания были разные: дервиши почитали Шаха как высшего наставника орденов, суфии — как человека, достигшего высшей проницательности, теологи и вожди

кланов — как святого шарифа и Сейида — потомка Пророка по прямой линии.

Поэтому мы могли работать со всеми этими группами, с каждой по-своему.

Вскоре выяснилось, что лояльность суфиев к дервишам, занятым лишь

повторением ритуалов, не беспредельна. Сукур Бей — его прикрепил ко мне в

качестве личного помощника наш местный суфийский авторитет — показал нам

некоторых из самозванных мистиков, сидевших тесной группой на огромном дворе

полукрепости-полумонастыря, принадлежащего местным шейхам.

-Мы к ним хорошо относимся, уважаем их интересы и набожность, — сказал он. —

Но все они люди эмоций, а не сердца. Это очевидно по многим признакам. Видите, вон там сидит человек с большим тюрбаном на голове, а рядом с ним — другой, в

руках у него четки из девяноста девяти бусин, а у третьего — и борода, и большой

тюрбан, и четки... У величайших суфиев, которых я знал, ничего такого не было. А

знаете, что сразу же сделали эти наши друзья — якобы «люди внутреннего

понимания», когда присоединились к нам? Начали подражать нам в малейших, ничего не значащих внешних деталях одежды.

Они здесь для того, чтобы служить себе, а не Богу. Когда же они наконец поймут, что даже самому себе невозможно служить, пока не станешь служить Богу? Ведь

именно поэтому, в символическом смысле, мантия возлагается на ученика только

после того, как он завершит обязательное служение... Книги-то они читали, но им

недосуг вникать в то, что там написано.

— Для решения подобных задач как раз и существует «группа поддержки» и ее

тщательно спланированная деятельность, — заметил я. — В конце концов, если бы

все могли сразу понимать суфиев, ничего этого не требовалось бы.

Вскоре в эту древнюю страну Саба, с ее пустынными крепостями, чарующими

пейзажами, удивительными ювелирными изделиями и беспощадно палящим

солнцем, пожаловал Шевки Джамиль Черкесский — он сопровождал одну из групп

мусульманского духовенства.

Они прибыли прямо из Мекки, сразу после завершения паломничества. При этом

многие из них буквально раздувались от важности, и даже их размещение оказалось

непростой задачей — вопрос первенства и старшинства был для них превыше

всего...

Как только всем этим поборникам благочестия было объяснено, что мы собираемся

представить им полный отчет о проекции суфийского знания посредством

сущностного и традиционного способа, не прикрываясь пропагандой ислама и не

прибегая к дервишеской абракадабре, — они немедленно создали комитет для

исследования нашего отчета.

Они тут же отбросили составленную мной программу и объявили, что только один

из наших представителей — из «так называемых просветленных», как они

выразились, — только он будет говорить с ними от лица суфиев. Далее они

согласовали между собой и представили список вопросов, настояв на том, что сами

выберут из суфиев того, кто будет отвечать от имени всех.

Я и еще несколько человек, работавших в секретариате, были уже на пределе

терпения от всех этих бесконечных задержек, изменений и особенно от навязанных

условий. Мы что, оказались в средневековье?

Я предложил Сейиду Идрису настоять на том, чтобы процедуры шли так, как

изначально планировалось, и напомнить им, что суфии придерживаются

собственных методов в своих делах, особенно в обучении. Ведь мне и самому не

раз говорили об этом.

Шах усмехнулся. «Неужели вы думаете, что мы заварили бы эту кашу, если бы

были не в состоянии наперед рассчитать весь ход событий?» — спросил он. Затем

он объявил, что суфии согласны со всеми предложениями, которые высказали

муллы.

Поскольку кроме английского у присутствующих не было никакого другого общего

языка, а также отсутствовали условия для многоязыкового синхронного перевода, для дебатов был выбран именно английский. В качестве оратора с нашей стороны

«экзаменаторы» выбрали того из суфиев, кто владел английским явно не слишком

уверенно.

И начался допрос. Временами меня охватывало чувство, что мы перенеслись на

несколько столетий назад и попали под подозрение в ереси, богохульстве и

вероотступничестве.

Но шейх Акрам, представлявший нас, отвечал на все вопросы, в том числе и на

каждый уточняющий вопрос, ясно, недвусмысленно и уверенно. Я просто диву

давался: откуда взялась у него способность так просто и корректно давать ответы в

самых каверзных и заковыристых случаях?

Шаг за шагом, на сносно английском, он объяснял, растолковывал и устранял

поводы для возражения, в том же стиле и в той же манере, которые применяли

наседавшие на него теологи.

В конце концов они уступили нашим доводам, выдав то, что одновременно являлось

в их терминах и «лицензией на обучение», и разъяснением позиции ислама:

«Признав, что среди их учеников есть немусульмане, суфии не могут претендовать

на статус теологов ислама. Тем не менее, научное обучение в исламе

приветствуется. Мы принимаем к сведению вердикт университета Аль-Азхар, согласно которому суфии приемлемы и заведомо не подлежат осуждению, а также

принимаем к сведению тот факт, что, по крайней мере, один из основателей

четырёх школ суннитов, Его Присутствие имам Абу-Ханифа, был суфием.

Настоящая декларация, однако, подтверждает, что нынешнее представление

суфийского учения смогло обрести свою приемлемую и окончательно ясную форму

лишь благодаря данному исследованию, в ходе которого были получены ответы на

ряд животрепещущих (хотя по сути и не новых) вопросов при благотворном

подспорье искусства исламской юриспруденции».

Шейх Акрам, приглашенный духовенством для произнесения заключительного

слова, вполне удачно, на мой взгляд, подытожил все такими словами:

«Решение собравшихся здесь со всех концов исламского мира блистательных

знаменитостей принять объяснение современной позиции суфиев, безусловно, приветствуется и воспринимается как честь, оказанная суфийскому сообществу.

Чувство глубокого удовлетворения оставляет и тот факт, что ни один из ответов на

замечательные вопросы и поднятые проблемы не оригинален: все они были

цитатами из классических работ великих Мастеров прошлого — и их можно

прочитать в этих просвещенных сочинениях. Таким образом, хотя вопросы и

вызваны нынешней заботой о защите и благополучии ислама, ответы на них

остаются такими же, какими были всегда».

Когда принималась резолюция, против нее был один-единственный голос. Некий

мулла задал вопрос, тут же подхваченный одобрительным ропотом:

«Долгие годы я следовал пути послушания, неотступно совершая ритуалы, занимаясь благочестивым чтением и молитвенным служением при исполнении всех

прочих установлений. Что, на ваш взгляд, мог бы сказать мне сегодня Газали, пользуясь идиомами современного языка, так, чтобы я сделал вывод, что моих

усилий по-прежнему недостаточно?»

Поддав знак, Шах обратился к молодому человеку, на вид не старше восемнадцати, с

легким пушком только еще пробивавшейся бороды, со скромным взглядом, — он

стоял в проходе, в стороне от собравшихся. «Ответить вам я попрошу Фироза, —

сказал Сейид Идрис, — ведь некоторым из вас нравится выбирать наугад».

Бедный Фироз на негнущихся ногах сделал несколько шагов вперед, закрыл глаза и

снова открыл их. Мне показалось, сейчас он упадет в обморок, или, наоборот, бросится наутек. Наконец он откашлялся и сказал твердым и громким голосом:

«Уважаемые старейшины и братья! Ответить на это нетрудно. Вы, наверное, забыли историю о человеке, прыгнувшем с самолета с высоты двух километров без

парашюта. И вот он говорит себе: "Восхитительно! Я пролетел уже больше

половины пути и неплохо себя чувствую, несмотря на бесконечную болтовню о

каких-то нелепых парашютах. Я не только чувствую себя великолепно, но и вообще

полет проходит удивительно гладко..."»

Раздался гул одобрения. Мулла вышел перед аудиторией и поцеловал юноше руку.

Потом я сказал Шаху: «Это был триумф, но, должно быть, Фироз чувствовал себя

ужасно, когда вы его самого отправили в полет».

Сейид улыбнулся. «Это как посмотреть. Когда Фироз стоял там, я вспомнил своего

отца. Как-то раз — мне тогда было семнадцать, и я в своей жизни не произнес еще

ни одной речи — мы вместе с ним находились на сцене перед собранием, что-то

около двух тысяч человек. Он встал и просто сказал: "А сегодня лекцию будет

читать мой сын..." И с тех пор я говорю не умолкая!»

После этого наши отношения с духовенством улучшились. Некоторые из них были

весьма удивлены тем, что у нас есть постоянная организация и нас так легко найти.

По большей части они были знакомы только с суфийскими классиками (которых

глубоко читали, но мало понимали), или же с рудиментарными объединениями

суфиев. К этому времени я настолько свыкся с нашей Организацией, что

совершенно не мог понять, почему они считали нас такими неуловимыми, но затем

вспомнил, как сам некогда находился в таком же неведении.

Некоторые из них даже спрашивали, отчего у нас нет постоянно действующих

представительств, через которые люди могли бы справляться, где оригинал, а где

подделка. Им и в голову не приходило написать нам, несмотря на то, что многие

годы во всех выпускаемых нами книгах на обороте титульного листа приводились

контактные адреса.

Во время Ассамблеи мы успели посетить Завию — монастырь, в котором

путешественники всегда могли перекусить с дороги, и я стал расспрашивать о

происхождении обители, ее истории. Высохший как мумия дервиш, обладавший

явным даром рассказчика, поведал следующую легенду о происхождении Завии.

— Один бедный человек брел по дороге вдоль ручья и вдруг заметил странный

флаг, а под ним — группу людей за трапезой.

Сам он прибыл из далекой страны, где флаги и ткани обычно
вывешивали как знак

того, что в этом месте путешественник может рассчитывать на
гостеприимство за

счет благочестивого пожертвования, завещанного каким-нибудь
набожным местным

жителем.

Итак, приблизившись, он уселся и принялся за еду. Незнакомцы
наперебой угощали

его, а когда гость насытился, поведали ему о великих и
могущественных тайнах

человечества, о которых сам он в то время ничего не знал.

Тогда он спросил их: «А разве эту пищу вы приготовили не для
странников?»

Они рассмеялись и сказали: «Нет, мы просто ели и ничего не знали ни
о твоих

обычаях, ни о традициях этой страны. Мы прибыли с очень далекой
звезды и, когда

присмотрелись к путям и деяниям здешних людей, обнаружили, что
они утратили

знание о человеке. Тогда мы разбили здесь лагерь. Сделав это, мы
разлучились с

подобными нам и лишились возможности вернуться назад. Поэтому
мы останемся

здесь и вместо того, чтобы вернуться на родину, учредим традицию
Завии как

способ, которым знания о человеке будут передаваться из поколения в поколение

отныне и во веки веков.

Этот человек — легенда называет его Бедняк — остался в том месте, чтобы

служить проходящим мимо странникам, которым он передавал знание и учил их

нужным церемониям, тогда как его учителя рассеялись по всему свету. Вот таким

образом методы передачи учения, каждый из которых предназначен определенному

племени, стране или городу, были разработаны и реализуются.

Тщательное рассмотрение всего, что происходило в этом монастыре, вскрыло

некую двойственность: какие-то принципы и практики тамошних дервишей

оказались действенны и очень важны, тогда как другие — бесполезны. Но сами

практикующие были неспособны различать это и, стало быть, оценить, что есть что.

— Таким образом, можно понять, — сказал мне Шах, — какие трудности

нагромождают выродившиеся практики вроде тех, что мы здесь увидели, и с чем

сталкиваются попытки восстановить их изначальный вид и динамику. Впрочем, так

же, как и многое другое, этот феномен защищает некоторые сферы деятельности

суфиев от нескромного внимания.

Я увидел энтропию в действии. Фундаментальное знание некоторых процессов со

временем оказалось утерянным, а крупницы первоначальных техник выжили

благодаря выхолащиванию и механическому заучиванию.

Например, явление, названное «параллельным обучением»: дервишам было о нем

известно, однако им никак не удавалось отследить, когда оно имеет место, а когда

нет. Используя эту технику, суфий может говорить почти на любую тему, а

послание, которое он передает, будет воспринято умом слушающего и окажет на

него благотворное воздействие в любом случае — даже если последнему кажется, что он думает о чем-то ином, — поскольку структура задействованной суфием темы

разговора идентична структуре, что уже находится в уме слушателя. Допустим, если

суфий знает, что вы чем-то озабочены, он может как бы перенести в свой ум

«модель» того, что вызвало вашу озабоченность. Для этого он станет наблюдать не

форму вашей озабоченности (то есть, думаете ли вы о своей карьере или о своих

почках), а ее структуру. Восприняв эту «информацию», суфий сумеет распознать, где ваша структура дала сбой, и восстановит ее с помощью слов, или действий, или

того и другого, послав обратно в ваш мозг — в любой подходящей случаю «форме»

— уже исправленный «паттерн». То есть он может сделать это, рассуждая об

Олимпийских играх или о ценах на хлеб, все равно.

Я спросил у Шаха, был ли сценарий деградации одинаковым на Востоке и на

Западе. Он ответил, что сценарий был схожим, но во многих частях Запада

проблема эта легче поддается решению, поскольку там ритуализм потерял свое

прежнее значение и, кроме того, западное общество сильно подвержено научному

влиянию. По его ощущению, более серьезным изъяном Запада было все

возрастающее непонимание разницы между обучением и аргументацией. Люди

освоили дискуссионный способ общения, но ведя дискуссию, они склонны полагать, что заняты чем-то полезным, например, что учатся или обучают, или даже кому-то

противостоят, или загоняют в угол. До тех пор пока желание спорить не

прислушиваясь к фактам — каким бы приятным занятием это ни казалось — не

будет взято под контроль, эффективная учеба вряд ли возможна.

Эти дервиши продемонстрировали нам одну полезную способность — «прямое

чтение». В сравнении с суфиями они, похоже, не были в состоянии очень глубоко

проникать в мысли других, но все же умение читать мысли было им доступно. Оно

связано с навыком читающего воссоздавать широкий набор характерных мышечных

движений другого человека, а затем отслеживать мысли, возникающие в уме в ответ

на воспроизводимые сокращения мышц.

Они также показали, в совершенстве изображая самые разные характерные черты

людей, что владеют навыками «подделки», или имитации, и с помощью простой

мускульной мимики создавали образ сильных, слабых, набожных и других

человеческих типов.

Следующая демонстрация была из области, известной как «проекция бараки».

Однажды, после того как я, провоцируя ответную реакцию, выразил сомнение в

возможности одной «силой воли» вызвать какое-то значимое изменение в жизни

другого человека, — на эту тему завязалась дискуссия.

Один из наиболее почтенных обитателей Завии заявил, что, очевидно, лишь опыт

сможет убедить меня. Он предложил мне отправиться на ближайший рынок и

выбрать там — но только в уме, никому ничего не говоря об этом, — какого-нибудь

бедняка, которого я впоследствии смог бы узнать и понаблюдать за его состоянием.

Я пошел в соук (на базар) и, подыскивая подходящего кандидата, в конце концов

остановился на часовом мастере. Он выглядел очень бедным и сидел в углу с

небольшим стеклянным ящиком, наполненным пыльными часами и какими-то

инструментами.

Не успел я вернуться в монастырь, как был тут же отправлен обратно: «посмотреть, что с ним произошло». На прежнем месте его уже не оказалось. Я спросил у его

соседа, продавца плетеных шляп, куда подевался часовщик. Он ответил, что

произошло нечто удивительное. Около часа назад (мое путешествие в оба конца

заняло более двух часов) на базаре неожиданно появился сын часового мастера.

Он только что прибыл из Южной Америки. Отец и сын выразили бурную радость по

поводу своего воссоединения. Сын добился успеха за границей и теперь забирал

отца с собой, чтобы начать новую жизнь. В знак благодарственного жертвования

сын раздал кучу денег, а старик свой стеклянный ящик вместе с его содержимым

подарил торговцу шляпами, который теперь интересовался, не хочу ли я, по этому

случаю, купить у него пару часиков...

Означает ли подобный опыт, что дервиши в самом деле могут вмешиваться и в

исторический процесс, изменять ход событий в человеческой жизни?
— Нет. У

людей есть выбор между альтернативными вариантами своих возможных жизней.

Незначительные события могут побудить человека взять тот или иной курс, который, в свою очередь, повлияет на ход и финал его жизни. Некоторые из таких

событий — и это известно — могут произойти в результате чьих-то слов, поступков

или еще какого-то влияния со стороны. Конечно, как правило, мы не замечаем этих

вмешательств. И уж тем более мы никак не допускаем телепатического вторжения в

наше прошлое. Для дервиша общее полотно возможных событий не представляется очень широким. Другим же оно кажется невероятно огромным.

В Завие жил дервиш по имени Али, маленький старичок, который в молодости был

моряком и много поплавал по свету — его путешествия обычно начинались из

Адена (ныне Южный Йемен). Он рассказал мне, что однажды был призван

участвовать в интересном эксперименте, с целью проиллюстрировать группе

учеников характерные особенности людей Запада. Тогда он и обнаружил, что

западные люди в XX столетии демонстрируют фактически те же самые шаблоны

поведения, с которыми, по описанию, сталкивались суфии, имея дело с населением

Среднего Востока и Южной Европы тысячу лет назад.

Итак, он пустился в путь вместе с группой, и их маршрут пролегал через Западную

Европу и Северную Америку. Суфий, учениками которого все они были, играл в этой

компании роль прислуги. В каждой посещаемой стране они встречались с самыми

разными людьми, но ни одному из них, включая и людей религиозных, не удавалось

опознать духовного человека (суфия), если о том не свидетельствовала его

репутация или его якобы «духовное поведение».

«Но вот стоило только нашему Мастеру, — рассказывал дервиш, — начать

драматическое представление, изображая поведение, которое у некоторых

ассоциируется с духовностью, его тут же начинали обхаживать как человека

истинно религиозного, и мы даже видели, как некоторые подходили к нему для

благословения. До того как он начинал играть эту роль, к нам относились обычно с

пренебрежением. Однако после этого нас неизменно окружали особым вниманием и

даже однажды поставили в пример студентам теологического колледжа, в котором

наши проповеди многих заставили обрыдаться, невзирая на издержки перевода».

Когда дервиш закончил свой рассказ, Шах, тоже его слушавший, заговорил о

проблеме укоренения на Западе духовного послания, лишённого внешних

признаков духовности, которые люди Запада почитают сущностной основой, — то

есть все та же проблема содержащего и содержимого.

Он сказал: «Культура, какой бы замечательной сама по себе она ни была, может

загородить от вас это послание, если вы не способны правильно обращаться с ней; то же самое можно сказать и о предубеждениях, которые могут быть даже полезны, но только если они не главенствуют.

Все люди ошибаются. Когда житель Лондона (где метро, пожалуй, лучшее в мире) приезжает в маленькую, но гордую страну, только-только начавшую развивать

систему подземки, состоящую, может быть, из двух-трех станций, — местные

жители тут же демонстрируют их ему со словами: «Ничего подобного вы наверняка

еще не видели!»

Людей из Азии, тех, что привыкли жить во дворцах, по приезде в Америку

спрашивают, как они там живут у себя — на деревьях, в пещерах или прямо в

пустыне. А людей с Запада, когда те приезжают на Восток, спрашивают, мылись ли

они хоть раз в жизни...

Так же и суфия, стоит ему приехать практически в любое место, наши современники

тотчас спрашивают, на какой культ его учение похоже больше всего, что он

предпочитает — песнопения или танцы, и могут ли суфии доказать, что они

действительно духовны.

Так кто же тогда суфий — грубиян или мошенник, когда говорит тем, кто засыпает

его вопросами, что они не имеют представления, о чем спрашивают, а он на самом

деле знает, что это такое? Хвастается ли он или просто констатирует факт, говоря

— как это иногда бывает, — что об этом он знает больше, чем они, и потому

отказывается сравнивать сливочное масло с гуталином? Но чаще всего суфий

держит рот на замке. И тогда люди удивляются: «Почему это суфии так скрытничают?»

Пока мы находились в Йемене, там циркулировала одна история, очень ярко

иллюстрирующая различие в культурных подходах — контекст, в котором

приходится работать суфиям, — а также способность суфиев служить благоприятным катализатором, когда возникает такая необходимость. Эта история

вошла в мою коллекцию рассказов о Шахе.

В числе ее персонажей был правитель одного из государств Персидского Залива, весьма известный на Востоке арабский властитель, — из тех, кого сегодня

называют нефтяными королями.

Какое-то время тому назад один западный монарх, посетив Его Величество, оставил

ему свою фотографию с автографом, тогда как хозяин одарил гостя золотом, драгоценностями и многими другими дорогостоящими предметами.

В результате убедить араба в том, что за поступком гостя не крылось никакого

оскорбления, было почти так же невозможно, как и убедить этого западного

монарха, что на Востоке за подобное принято воздавать подобным.

Араб, не скрывая своей обиды, говорил: «Ничтожнейший из моих погонщиков

верблюдов — и тот обладает лучшими манерами, а ведь это якобы персона

королевской крови, что он и подчеркивал своим поведением».

При этом араб настаивал, что его возмущение не связано со стоимостью

полученного им «подарка». «Драгоценности означают уважение, — говорил он, —

ия подарил их, чтобы выразить это уважение. А фотографиями обмениваются люди

на базарах и погонщики верблюдов...»

Говорят, Идрис Шах лично устроил так, чтобы шейху от имени оконфузившегося

суверена были посланы ценные подарки с сопроводительным письмом, в котором

говорилось, что портрет был оставлен в качестве символа скромности этого

монарха. В результате у араба сложилось следующее представление о смысле

злополучного подарка: «В Вашем присутствии я столь же ничтожен, как и любой

человек с базара, поэтому я и вручил вам свою фотографию. Выразив таким

образом смирение, я прошу Вас принять приличествующие случаю драгоценности...»

Глава 13. В ДОМЕ МАСТЕРОВ «УЗОРА»

Кааба (в Мекке) или капище идолов — нет между ними разницы; куда бы ни обратил ты взор свой — везде ОН.

Хафиз

На определенном этапе мне потребовалось какое-то время провести в Афганском

центре — в одном из «Домов Силы», как это называется в эзотерических легендах

Запада.

Напутствуя меня на дорогу, Шах сказал, что в Афганистане, как и в Йемене, я

должен различать традиционное и существенное — он употребил именно эти слова.

По своему обыкновению, он процитировал Саади; на сей раз такой отрывок: «Если

ты заявляешь свои права на отцовское наследство, тебе следует получить и

отцовское знание. Иначе богатство отца тыпустишь по ветру за десять дней».

Далеко не все йеменские дервиши осознавали разницу между традиционным и

существенным. Один из осознававших ее как-то сказал мне: «Есть коренное

непонимание организации, местонахождения и деятельности суфийских институтов.

А причина этого в предубеждении, что суфии и приверженцы культов — одно и то

же и что, стало быть, те и другие ведут себя одинаково, — люди характеризуют

суфиев и судят о них по имитаторам. Нельзя получить что-то, просто посетив

суфийскую группу. Если вам удастся посетить ее, вас могут даже избрать, но

избрать себя сами вы не можете. Суфизм, по сути, — это то, что принимается

учителями, а не вами. Не вы выбираете суфиев — это они выбирают или не

выбирают вас, уж как получится».

Центр, в который я был направлен, первоначально известный как Абшар

(«водопад»), расположен высоко в горах рядом с одним из самых больших

водопадов, какие мне только доводилось видеть. Зрелище великолепное —

пенящиеся потоки воды с грохотом низвергаются с трехсотметровой высоты в узкое

ущелье, обрамленное зеленью величественных платанов и освещенное странным, почти желтым светом, столь характерным для Афганистана. Создавалось

ощущение, будто паришь в этой удивительной атмосфере.

Добраться до места можно было, да и то с трудом, только на «лэндровере». Но, несмотря на труднодоступность местности, маленькие — и не очень — деревушки

были разбросаны вдоль всего нашего пути. Мы огибали их, то и дело обгоняя

осликов, везущих телеги, груженные арбузами или зимним фуражом для овец, то

есть всем, что составляет приоритет местного сельского хозяйства.

Водопады, во множестве встречающиеся в этих краях, а также специфический

звуковой фон, создаваемый ими, — все это, считают суфии, оказывает особое

воздействие на работу человеческого мозга.

Среди афганцев, казалось бы, встречаются самые разные человеческие типы, и все

же в целом они очень отличаются от своих ближайших соседей — иранцев и

пакистанцев. Некоторые, с явными монголоидными признаками, — потомки

завоевателей, пришедших сюда в XIII веке под водительством Чингисхана. Другие

— светлокожие, высокие — более шести футов. И у всех у них хорошее чувство

юмора.

Нас — меня и других учеников, «откомандированных» в Абшар, приветствовал

учитель, высокий человек, за пятьдесят, с густыми темными бровями. Он пригласил

всех в громадный зал, устланный бухарскими коврами. По стенам, которые, похоже, имели толщину не менее 20 футов, были развешаны на медных гвоздях

дервишеские дорожные миски. Все было вымыто до блеска.

Мы прибыли туда в самый разгар дневного пекла, и я был немало удивлен

мороженым, предложенным нам на больших китайских подносах. Мороженое

приготавливалось из молока, сахара и гранатового сока. Лед брали из глубочайших

колодцев, в которых он хранится в течение всего лета, зимой же в этих районах

Афганистана лежит снег.

В мороженое был добавлен натуральный продукт, замедляющий таяние, — экстракт

из корней некоего растения. Оно достигает иногда 10 футов в высоту и растет даже

на самой сухой почве. У него прямой иглообразный ствол, покрытый белыми или

розовыми цветами. Местные его названия в переводе означают «свеча

странствующего монаха» и «посох джинна». Из его листьев, сваренных в воде, получается вкусное овощное блюдо. Если на медленном огне кипятить все растение

целиком, то образуется очень клейкая масса, которая применяется в ткацком деле и

в разных хозяйственных целях. Суфии сообщили мне научное название этого

растения: *Eremurus Himalicus*, неувядающий.

В зданиях комплекса обитало несколько сотен человек. Некоторые постройки

относились еще к греко-буддийским временам, то есть были возведены за столетия

до Рождества Христова. Через это место в обоих направлениях шел неиссякаемый

поток людей из Центральной Азии, прибрежных районов Оксуса, из Ирана и Патана, что на границе с Пакистаном.

Местные жители не знали толком, кто такие суфии и чем они занимаются. Я это

понял из разговоров, побывав в гостях у некоторых крестьян. Их фольклор очень

напоминал предания любых других горцев. Они рассказали мне, например, что в

окрестностях полно эльфов, которые по ночам разъезжают верхом на лошадаках, очень маленьких, даже меньше тех, которых я видел в округе, вроде миниатюрных

арабских скакунов, высотой в 12 ладоней или около того.

Крестьяне сообщали также, что один житель (показать его они не захотели) однажды вечером застрелил такую лошадаку, а на следующий день вместо

лошадиной тушки нашел человека с точно такой же раной. Конечно же, это было

«заколдованное существо».

«Эльфы», по их рассказам, ездили на плоских колдовских камнях, которые

перемещались некими странными прерывистыми толчками, каким-то образом

связанными с пульсирующим голубоватым светом. Эти эльфы подмешивали людям

в пищу какие-то снадобья или еще как-то одурманивали их, после чего забирали к

себе и делали членами своего сообщества. Ко всему прочему, крестьяне уверяли, что эльфы «служили суфиям»

и, подобно суфиям, знали секрет бессмертия или самовосстановления. По их

версии выходило, что с самого начала именно суфии и научили эльфов своему

искусству. А до того они были всего лишь обыкновенными жителями Нуристана —

«Страны Света», в те времена называвшейся Кафиристан — «Страна Неверных».

Я хотел побольше разузнать о предании, касавшемся омоложения, но

единственное, что мне удалось, — это получить рецепт изготовления

чудодейственного масла. Одна часть цветов жасмина смешивается с тремя частями

масла грецких орехов, закупоривается в стеклянную посуду и на шесть недель

выставляется на летнее солнце. После процеживания эликсир пахнет жасмином и, по поверью, при втирании в кожу оказывает омолаживающее действие.

Жить в такой обстановке, наблюдая контраст между старожилками суфийских

обитателей, их гостями и совсем простыми жителями окрестностей, — уже само по

себе доставляло немало удовольствия. Но самым поразительным для меня

оказался суфийский образ мысли.

Первое, что я заметил, — насколько они были «не восточными» и «не культовыми».

На одном из наших первых занятий я упомянул об этом главному учителю. «Во-первых, — сказал он, — суфизм — это не культ и никогда им не был. Если я когда-то

и встречал культ, называвший себя суфийским, то с суфизмом у него не было

ничего общего. То, что люди, связанные с подлинным суфизмом, не выглядят

"восточными", обусловлено самой его природой. Он не принадлежит ни Востоку, ни

Западу, как об этом еще столетия назад сказал Руми в своей знаменитой поэме

"Диван Шамси-Табриза". Восточной или западной бывает культура; в отношении

объективной реальности такое деление неуместно».

Будучи сам восточного происхождения, я невольно исходил из предположения, что

суфии должны быть восточными людьми, раз их традиция утвердилась на Востоке.

«История суфизма, — сказал учитель в разговоре со мной, — даже в наиболее

известной ее части не дает никакого повода считать его системой «восточного

мышления».

Во многих странах Запада были обнаружены суфийские учения еще до прихода

христианства, из чего следует, что учения эти предшествовали "западной культуре", как ее понимают сегодня. Более того, в средние века — в течение всего периода

формирования "западной христианской культуры" — многие исторически значимые

фигуры христианского мира обучались в университетах Сицилии, Кордовы, Толедо

и прочих местах, отмеченных высокой концентрацией суфиев, и затем играли

важную и зачастую решающую роль в развитии той культуры, которую сегодня мы

называем западной.

Фактически, — закончил он, — западная культура — это в определенной степени

материальное воплощение спроецированных суфийских влияний».

Мне пришла на память услышанная как-то история про Махатму Ганди, возможно, апокрифическая. Когда он приехал в Лондон, его спросили, что он думает о

западной цивилизации. «Западная цивилизация?.. Думаю, это неплохая идея!» —

ответил Ганди.

На занятиях я как-то заговорил с учителем о проблеме западного человека, которую

я сам не раз наблюдал в жизни. «Люди на Западе, — сказал я, — привыкли к

собственной разновидности религии — она подразумевает и даже намеренно

провоцирует эмоциональные состояния как важную составляющую духовности.

Виноваты ли они, если, сталкиваясь с идеями суфиев, чувствуют, что в этих идеях

отсутствует духовный элемент?»

— Настоящие суфии, — ответил он, — всегда работали над тем, чтобы изъять из

религии нездоровую эмоциональность. Именно из-за нее некоторые религии и

снискали дурную славу, так как эмоции ведут к фанатизму и развязыванию войн.

Только освободившись от эмоциональной составляющей, религия может оказать

духовное действие. А насчет того, что и как могут думать люди, — тут есть два

ответа.

Первый: наш опыт не подтверждает существования подобной проблемы. Конечно, для некоторых это и в самом деле камень преткновения, но таких людей не так уж

много, хотя они, возможно, и самые крикливые. Второй ответ: в современном мире

наука приближается к познанию глубинных основ человеческой психики, и

одновременно люди проявляют все больший и больший интерес к религиозным

фактам, которые — как для них становится очевидным — соответствуют открытым

или же понятым заново основам человеческой природы. Люди, работающие в этой

научной области, действуют с нами заодно.

Позднее, будучи в США и в других местах, я убедился, насколько это верно.

Современные ученые усвоили наконец разницу между мероприятиями по

внедрению и укреплению веры и деятельностью, дающей знание, — различие, давным-давно обозначенное суфиями и повсеместно игнорировавшееся.

Пока я был в Абшаре, туда несколько раз приезжал Шах. Мы редко видели его, и

думаю, некоторых из нашей группы это огорчало.

Только позднее мы узнали, что это делалось специально — с целью посмотреть, по-прежнему ли мы заиклены на убеждении, что быть рядом с учителем

автоматически означает извлекать пользу, тогда как разлука с ним всегда

бесполезна или даже вредна.

«У стадного инстинкта, говорящего нам, что лучше быть вместе с другими, чем

одному, есть свои плюсы и минусы, — объяснял нам наш абшарский учитель. —

Жажда внимания блокирует определенные возможности понимания.

Но у этой зависимости есть и другая сторона. Некоторые, попав сюда, утверждали, что вошли в контакт с какой-то непостижимо древней элитой и это общение

наделило их непреходящим чувством соприкосновения с высочайшей Реальностью.

Правда, в конечном итоге, когда их знание возрастало, чувство гордости и

возбуждения от контакта с Высшей Реальностью сменялось пониманием — а это

выше блаженства и, безусловно, выше чувства собственной важности».

В один из приездов Шаха я некоторое время провел вместе с ним.

Когда он находится за пределами Англии, все публикуемые на Западе материалы, касающиеся суфиев, собираются и регулярно отправляются ему. В посылке, которую он на этот раз получил в Абшаре, была книга американца Джекоба

Нидлмана. Автор призывал увидеть новые горизонты, открывшиеся в современной

психологии, указывая «на вновь возникшую устремленность западных психологов

получить такое знание, чтобы его можно было предложить нашему зависшему над

пропастью обществу и нашим переживающим кризис религиям».

Шах дал мне книгу и попросил прочитать выделенный им отрывок.
Нидлман пишет:

«Приезд в нашу страну некоторых необычных людей с Востока,
принесших с собой

практические учения и формы организации, придает этому движению
реальную

важность и живость — и все это по-своему ново не только для Запада,
но и для

всего мира. Именно эти учения и то влияние, которое от них исходит,
могут

заставить западное сознание критически переосмыслить себя в
степени, невиданной со времен начала научной революции!»

Интересно, подумалось мне, услышат ли его призыв люди, особенно
«правильные»

люди, прежде чем все это увязнет в болоте тривиальности и серости,
носителей

которых профессор Нидлман великодушно забыл упомянуть? «Суфии
находятся

среди нас... — продолжает автор, — человек по имени Идрис Шах
претендует на

роль суфийского учителя, возглавляя деятельность суфиев в западном
мире, и его

влияние ощущается уже и в Америке».

В той же почте было письмо и для меня, от моего старого друга
Хайреддина Асафа.

Он информировал меня об иной стороне западного интереса к суфизму.

Сам будучи подлинным суфием, Асаф присутствовал на собрании западных

ориенталистов, где предполагалась дискуссия о влиянии суфийских идей на

различные академические дисциплины. В его письме, написанном на безупречном

классическом персидском языке, говорилось:

...Они провели в Университете основательно профинансированный семинар по

изучению суфиев, где присутствовало множество профессоров и преподавателей

(прилагаю список представленных там известных институтов и их авторитетных

деятелей).

Абсолютно ничего не было упущено из сего обширного предмета. «Изучение

суфизма с момента основания этой науки и до наших дней», — так озаглавлена

статья, зачитанная почтенной публике, по-видимому, главным специалистом по

«суффиксам», который забыл, правда, упомянуть (впрочем, голодные попрошайки, столпившиеся у дверей аудитории, не были столь образованны, чтобы знать это) строгий наказ суфийского мастера Саади своим ученикам: «Если тебе нет дела до

нужд человечества — ты не знаешь о суфиях ничего; ты даже не заслуживаешь

права называться человеком!»

Блестяще спланированная программа первого дня заседания предусматривала

концерт с танцами и музыкой в исполнении дервишей. Почти все собравшиеся были

охвачены порывом единого чувства: вот оно — наконец-то они прикоснулись к

Святая Святых Пути! «С большим трудом, — писал один репортер, — профессора

сдерживали себя, чтобы самим не пуститься в крутящийся вихрь пляски. В этот

момент каждый держал в своей руке Ключ ко всему и вся».

Возможно, им известно нечто, чего не знали Руми и Газали, утверждавшие, что

музыка и танцы, подобно лекарству, должны применяться как специфическое

средство и в особых обстоятельствах, и что ключ — в чувстве меры, а не в

ощущении...

Немало слов было сказано там и о «состояниях», о которых, как писали Мастера, не

подобает говорить; и о «цепях передачи», хотя все уже знают, что это инновация; и

об орденах — позднейшем нововведении...

Одна женщина, делегатка, прибывшая с опозданием, поскольку заехала на

церемонию вручения Нобелевской премии, по дороге на семинар
брезгливо

шарахнулась от беззубого старика восточной внешности с трехдневной
щетиной, попросившего ее помочь ему перейти через дорогу.

Когда же десятью днями позже она, к прискорбию, погибла в
авиакатастрофе, никто

так и не узнал об ее отказе взять за руку того, кто появился, чтобы
сопровождать ее

на долгом Пути, что начинается за пределом, который люди называют
Концом...

Обитатели Абшара не устают пересказывать одну историю, в которой
видна

склонность суфиев к юмору и то, как эта склонность проявляет себя,
когда они хотят

отвлечь чье-то нежелательное внимание.

После того как путешественнику Джулиану Шоу, представлявшему
лондонскую

Times, было разрешено посетить это место, группа изучающих
окультизм прибыла

в Афганистан, добравшись аж до Кабула. Там они стали
расспрашивать, как

попасть в центр Шаха, и шутки ради их посылали то к одному, то к
другому

туповатому олуху, в результате чего они сошлись на том, что все родственники

Сейида — люди крайне низкого пошиба, а в целом все это не более чем

мошенничество. Возможно, и та дама-востоковед, столкнувшись она с подобным

приемом, тоже не продвинулась бы слишком далеко. Можно ли винить ее за то, что

единственным руководством, на которое она полагалась в жизни, были книги?

Одна из наиболее любопытных и интригующих суфийских концепций, с которыми я

познакомился в Абшаре, заключалась в том, что «испытанию» подвергались

материальные объекты, идеи и вообще почти все, что предпринималось суфиями.

Данная концепция исходит из идеи — а для суфиев это не идея, а факт, — что все, что поступает «в мир» с уровнем более высоких измерений, тут же попадает под

воздействие враждебных влияний. Поэтому любой предмет, идея, ритуал, упражнение, даже группа людей или человеческие отношения, чтобы подтвердить

свою, так сказать, «стойкость», должны пройти проверочный период.

Этим объясняется суфийская практика, когда идея сначала улавливается, потом

письменно фиксируется, а затем как бы откладывается в сторону, чтобы стать

востребованной позднее. Точно так же и здания (это относится и к помещениям, и к

емкостям) могут стоять годами, прежде чем выносится решение об их готовности к

использованию. Предполагается, что по истечении указанного срока вредоносные

влияния сами себя уничтожают.

Существует и несколько других, смежных концепций. Одна из них состоит в том, что

новая идея, сообщаемая человеку, какой бы перспективной и заманчивой она ни

была, часто, наряду с поддержкой и принятием, вызывает в человеке сопротивление.

Считается, что сопротивление какое-то время «атакует» или «стремится разложить»

новую концепцию и может добиться своего — а может и нет. Если удастся первое, то от применения такой идеи следует отказаться, потому что она подвергнется

искажению в уме принимающего. Я сам присутствовал на демонстрациях, когда

казалось, что происходит нечто подобное.

А еще есть такая штука — «использование чужих разговоров» для отправки и

особенно для получения посланий и информации. Данная методика опирается на

воззрение, что практически любой человек обладает способностями к телепатии и

предвидению и использует их, обсуждая темы и отвечая на вопросы, хотя не

осознает, чем именно он в этот момент занят.

В ходе такого «бессознательного медиумизма» обсуждаемая тема внешне может

выглядеть, допустим, как разговор о футболе, но структура беседы (технический

термин — «эквивалентность») будет связана, например, с международными

отношениями. Явление это я тоже наблюдал в действии.

А вот еще одна особенность, совершенно очевидная для суфиев, но

несопоставимая с большинством известных подходов: в целом суфии абсолютно

безразличны к внешним человеческим проявлениям, за исключением особых

случаев, когда это напрямую связано с их деятельностью.

Шах и сам проявлял многие из таких характеристик, и в афганской обстановке, и в

других местах. Вновь и вновь я убеждался в том, что «суфии работают всегда, даже

когда кажется, что они ничего не делают». Более того, когда вы думаете, что

изучаете их, скорее всего, они изучают вас.

В афганской ханаке даже пиршества играли свою роль в общем духовном процессе.

На вечернем собрании можно было повстречать кого угодно, хотя вход всегда был

только по приглашению. Впрочем, можно было заранее попросить разрешения

присутствовать. Я замечал, что иногда устроители изменяли весь список

приглашенных в связи с незапланированным появлением новых гостей. Это

делалось для того, чтобы вновь прибывшие не внесли «духовный дисбаланс» в уже

сложившийся «человеческий букет». Нечто подобное происходит и в обычной

жизни: из-за включения в последнюю минуту определенных лиц в список гостей нам

порой по социальным соображениям приходится менять весь состав приглашенных.

В среде суфиев в порядке вещей было и то, что менее сообразительные

находились под непосредственным руководством самого учителя, тогда как

способные быстрее схватывать учение передавались на попечение кого-нибудь

другого. «Сироты больше нуждаются в няньке», — так это объяснили мне. И в

подтверждение, как-то в Англии, во время широкого застолья, я краем уха услышал, как один приезжий из-за границы жаловался, что учитель окружил себя придурками, на что один из местных ответил: «Конечно, и если бы это было не так, вам бы точно

не позволили находиться в его присутствии...»

Разговор может идти о самых разных вещах, но речь учителя всегда рассматривается как серия ответов на невысказанные вопросы гостей, почему и

затрагивается широкий ряд тем. В связи с этим, как правило, во время трапез

вопросы задавать не разрешается.

Каждому из гостей в подобной ситуации следует поразмыслить о значении слов и

действий суфия применительно к своему собственному случаю. Но следует

избегать игры воображения, а также не считать, что вас «испытывают».

Этот установленный порядок создает возможность обучения через опыт — когда в

результате точной, целенаправленной речи учителя человек может обучаться, будучи поставлен в узкие временные рамки.

Но здесь также может иметь место и принцип накапливания: что-то сказанное или

сделанное на одной встрече дополняется воздействиями следующих встреч.

Тщеславие и самолюбие, как и прочие предвзятые укоренившиеся позиции, считаются предосудительными во всех духовных течениях. У суфиев они

рассматриваются как вредоносные — и для индивидуума, и для группы, — потому

что воздвигают «завесу», заслоняющую новое знание, и к тому же забирают

энергию для своей собственной подпитки. Взаимные упреки или самокритика, однако, не в ходу — вместо этого ожидается, что человек заметит в себе эффект от

намёков по поводу его «тараканов» и постепенно сможет избавиться от них, чтобы

таким образом открыть себе доступ к внутреннему «я».

Суфий — и тому есть неоднократные свидетельства — может работать над

негативностью и тщеславием своей аудитории, будь то через лекции или книги, —

он делает это почти так же, как физиотерапевт, нащупывающий спайку, узел или

затвердение на мускуле пациента, чтобы тот мог и сам почувствовать эти «узлы».

Первая часть процедуры — «нажать на узел». Следующая — аналогична

самостоятельной работе пациента, когда он выполняет упражнения, чтобы «узел»

рассосался.

Мне было интересно узнать, что сэр Мортимер Уиллер, выдающийся археолог и

секретарь Британской академии, оказался экспертом в этой области. Работая в

Пакистане, он был приглашен в Абшар для изучения описанной техники.

Суфии практикуют также и целительство, но несколько иным образом, отличающимся от того, как обычно представляют себе эту практику. По всей

видимости, существует некая максимальная величина дистанции, в пределах

которой такое лечебное воздействие можно спроецировать. Поэтому, чтобы

практиковать свое искусство, группы суфийских целителей располагаются в разных

регионах мира. Действуют они анонимно, поскольку известность мешает их работе.

Даже если к суфиям обращаются с просьбой об исцелении, они берутся за лечение, но не всегда могут признать, что занимаются этим. Достаточно просто обратиться к

ним. Те же, кто действительно исцеляется, часто жертвуют деньги — иногда

небольшие, иногда значительные суммы, поскольку считается, что жертвование

делает выздоровление прочным, закрепляет его. Все денежные пожертвования

поступают в фонды мировых гуманитарных служб. Моя деятельность не имела к

этому отношения, но мне говорили, что годовой объем распределяемых

финансовых поступлений от разного рода источников (коммерческих фирм, дарителей, заработков, вкладов, сделанных пару сотен лет назад в форме вакф —

благочестивого завещания), «равен сумме, затрачиваемой на обеспечение каждого

жителя Индии годовой нормой необходимого питания». Сумма эта исчисляется в 50

миллиардов долларов, что может показаться невероятной цифрой. Однако я

осознал, что, во-первых, люди обычно не ценят того, что достается бесплатно, а во-вторых, хотя суфии принимают деньги, они никогда их не просят.

Я подружился с Абдулой Алимом — он был в Абшаре чем-то вроде пекаря-кондитера и алхимика, причем все, что он готовил, играло особо важную роль в

«работе». На эту тему он не очень-то распространялся, чтобы не давать повода для

суеверий. Но как-то раз вечером был большой банкет, подавали плов для

нескольких сотен гостей, и тут, вопреки ожиданиям, мне удалось кое-что разузнать.

Когда с основным блюдом было покончено, внесли большие подносы с

разнообразными сладостями. Пока Абдула не сказал мне, я даже и не заметил, что

медовая халва была предложена только некоторым гостям. Меня осенило, что эта

халва и есть тот самый «хлеб жизни», который, когда я был в Кувейте, готовили как

бы между прочим в моем присутствии.

— Тебе была оказана честь, — сказал мне Абдула, — ведь наша халва несет в себе

благословение Учения.

Я стал просить Абдулу подробнее рассказать о ее приготовлении.

— Если интересно, приходи взглянуть, как ее делают, — отвечал он, — но я не

позволю тебе даже лизнуть ее, если на то не будет указания учителя.

Традиция, связанная с этой сладостью, вызывает в памяти феномен «священной

пищи», характерный для многих верований, но суфии значению подобной еды

придают дополнительный оттенок, содержащий некий подспудный смысл: данная

смесь обладает свойством сохранять и передавать способность к просветлению,

«равную двадцати годам обучения и изучения».

Согласно традиционному суфийскому учению, изначальным учителям Высшего

знания потребовалось отыскать способ хранения особых сил (уместно сравнить их с

электричеством или магнетизмом), которые, если сразу ими не воспользоваться, постепенно улетучиваются. Они стали искать подходящие для этого определенные

предметы и виды пищи. Ахмад Ясави, великий учитель из Туркестана, в XI столетии

первым ввел употребление сладкого десерта. Он распространил обычай вкушать

сладости после еды, а иногда даже непосредственно перед или сразу после особых

молитвенных упражнений, — «для передачи и закрепления бараки» в избранных

учениках.

Прежде я никогда не слышал, чтобы пища была средством сообщения знания, и

спросил у Абдулы, не является ли это исключительной особенностью здешнего

братства. «Людей, занимающихся подобным, ты можешь встретить повсюду, —

сказал он. — У них это стало автоматической привычкой, и в наше время сами они

уже не помнят, почему так делают, помнят лишь, что это что-то особенное. Если, допустим, ты побываешь в индуистских святилищах Кали, то увидишь прихожан, дающих клятву на сахаре, а затем предлагающих сахар богине. Это хороший

пример того, как какие-то вещи, способные успешно работать в определенной

области, используются невеждами в магических целях».

В исламе, само собой, нет таинств, связанных со сладостями.

Еще Абдула Алим рассказал мне, что выращивание некоторых видов цветов, соответствующих — каким именно образом, он не уточнил — факторам окружающей

среды, наделяет человека особыми дарами. Обычно люди увлечены эстетической

ценностью цветов или же заинтересованы в активных химических веществах, которые в них содержатся. «Цветок, как и вообще любое растение, — это своего

рода фабрика. И если кто-то мыслит только категориями внешнего, это еще не

значит, что внутреннее содержание отсутствует. Люди сведущие в подобных вещах

обычно о них не распространяются, поскольку невозможно объяснить внутренний

эффект от таких цветов, он несравним ни с чем, что известно людям. Могу сказать

лишь — это важно настолько, что эстетические и лечебные эффекты отходят на

второй план».

Настурции, голубой мак, кипрей, кресс-салат и кое-что из состава чатни²⁰ — вот

некоторые из наиболее ценных растений. Про семя кардамона однажды было

сказано, что оно «наполнено баракой»; семечки сосновых шишек описываются как

«пища мудрости». Шафран (тычинки лилий из Кашмира) — «пища здоровья». Плов, рис со специями, назывался даже «едою жизни».

На другом торжественном ужине я впервые услышал про мумие, чудоснадобье, которое сочится из скал в Кохистане, весьма пустынной местности, совсем

неподалеку от нашей обители.

Мумие буквально означает «восковой», и именно от этого слова произошло

западное название египетских мумий.

20 chutney (англ.) — чатни, индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа к мясу. *Прим. переводника.*

Но мумие, которое показали мне, выглядело как золотистая жидкость, проступающая из скалы цвета меда, на вершине которой, как я заметил, рос

отвратительный с виду лишайник. Жидкость напоминала воск. Некоторые

лишайники бывают красными, другие зелеными, увядая, они становятся грязно-желтого цвета. Лично мне показалось, что мумие было конечным продуктом

растворения лишайника, органическое вещество которого, пройдя сквозь известняк

скалы и, возможно, захватив по дороге другие минеральные компоненты, образует в

результате драгоценную жидкость.

При мне ее собрали (она должна быть свежей) и наложили на рану.
Спустя неделю

повязку сняли. Вместо признаков гангрены я увидел, что серьезная
рана зажила и

область поражения выглядит здоровой.

По крайней мере, создается впечатление, что это сильнейшее
бактерицидное

средство. Интересно, проводились ли на Западе исследования
лишайников на

предмет использования в лечебных целях?

Я наблюдал и другой метод лечения из области традиционной
восточной медицины.

Он основывается на доктрине, что все заболевания делятся на
«горячие» и

«холодные». Для лечения применяется противоположное. Простой
пример: мне

довелось увидеть, как ожоги после прикладывания к ним снега и льда
заживали без

волдырей. Говорят, такое лечение применяется уже более тысячи лет.
Как мне

объяснили, холод забирает жар из «горячей» субстанции ожога.

Возможно, у суфиев есть что предложить Западу не только в великом,
но и в малом.

И среди множества уроков, усвоенных мною в Абшаре, был также ответ на вопрос, долгое время мучивший меня. Он не давал мне покоя с тех пор, как я впервые

увидел необычайные вещи, на которые способны суфии и некоторые другие люди.

Теперь только я понял, почему суфии не делятся секретами со всеми и с каждым.

Людям вообще достаточно только услышать о способностях и демонстрациях, которые, к сожалению, доступны для наблюдения лишь в учебных ситуациях, — и

они тут же отвергают все это как надувательство, игру воображения, а то и что-нибудь похуже. Сегодня все эти явления уже не приписываются козням дьявола; однако и по сей день в них верят только самые наивные. Остальным придется

подождать, и, может быть, довольно долго, пока кто-нибудь не возьмется показать

им это, да так, чтобы они почувствовали себя удовлетворенными...

Глава 14. ПРЕДСКАЗАНИЯ, УЧЕНИКИ, МОНАХИ

O Shah! Heaven portioned sovereignty to thee

And saddled power thy glorious steed to be;

And where thy charger sets his golden hoofs

Earth glitters like some golden tapestry.

Omar Khayyam, Quatrains

Translated by E.H. Whinfield21

21 О Шах! Небеса разделили с тобой своё владычество, Подсадив тебя в седло могущества славы;

И везде, где ни ступит коня твоего золотое копыто,

Земля вспыхивает, мерцая дорогим гобеленом.

Омар Хайям. Четверостишия.

Русский перевод с английского С. Гражданкина.

Путешествуя между Востоком и Западом, я все больше убеждался, что механизмы

человеческого поведения сильно отличаются от того, что воображает по этому

поводу большинство людей.

В повседневной жизни мы считаем, что весьма благовидные, подчас даже лестные

для нас причины побуждают нас делать то, что мы делаем, и говорить то, что

говорим. Но истинная наша мотивация иная, мы о ней не подозреваем, она

спрятана глубоко внутри и может быть низменной или просто смехотворной.

Каждое мгновение, каждую случайную встречу — с мусорщиком ли, с герцогом —

Шах использовал для обучения, так что и мы, и даже посторонние люди, оказавшиеся рядом, — если, конечно, способны были видеть, — проникались

осознанием того, что за внешним фасадом маячит иная реальность.

Пожалуй, можно было бы составить целый список принципов, управляющих

ментальными и эмоциональными механизмами, но подобный метод в суфийском

подходе не применяется. Вместо этого суфии используют в обучении изумительно

тонкий процесс, позволяющий ученику не просто видеть, но и переживать — в себе

самом или в других — то, что лежит по ту сторону внешнего.

Проходя обучение с помощью такого суфийского метода, я познакомился с

некоторыми из паттернов реальности. Однако мне все казалось, что в наблюдаемых

моделях есть кое-какие необъяснимые пробелы, пока наконец я не увидел истинную

причину этого явления — изъян моего собственного восприятия. И здесь я

столкнулся с одной из самых распространенных форм человеческого поведения —

необоснованным предположением.

Вот пример.

На меня, как и на большинство людей, всегда производила сильное впечатление

способность к предсказаниям, где бы я с ней ни сталкивался. И конечно же, то, что

Шах явно мог заранее, еще до встречи с людьми, сказать, что они будут о нем

думать, вызывало мой пристальный интерес.

Снова и снова, как бы размышляя вслух, он повторял «мы ему понравимся» или

«мы собираемся встретиться с человеком, который окажет нам яростное

сопротивление». И неизменно все выходило в точности так, как он предсказывал.

Когда число таких случаев перевалило за двадцать, я спросил, нельзя ли узнать

механизм этих предсказаний.

Он сказал:

— Я ждал, что вы меня спросите, потому что, стоит мне заикнуться о чем-нибудь

подобном, вы всегда делаете стойку. Значит, так: завтра у нас встреча с Х. На сей

раз вы сами скажете мне, какова будет его реакция.

Секунду подумав, я сказал: «Благосклонная». Так оно и вышло. Это повторилось, и

не раз. Я как бы «решал», будет человек хорошо расположен к нам или нет; и

каждый раз мое «предсказание» сбывалось.

— Ну вот, видите, — сказал Сейид Идрис, — похоже, вы умеете «предсказывать» не

хуже меня!

Польщенный, я стал размышлять о том, что, оказывается, и у меня есть дар

предвидения, но что-то мешало мне до конца поверить в это. Что-то здесь было не

так... Хотя во всех случаях угадывал я правильно!

Мне потребовалось на удивление много времени, чтобы понять, что на самом деле

я ничего не «предвидел» — все делал Шах. По крайней мере, в случаях с моим

прорицанием он каким-то образом предопределял реакцию тех незнакомых людей, с которыми мы встречались.

Я спросил у него, почему я не мог понять этого так долго.

— Почему долго? Да потому, что вы пребывали в лучах собственного света. Вы

предполагали, будто что-то делаете, а предположение это неуловимо

подпитывалось вашим желанием творить чудеса.

Но раз так, и если чудес угадывания я не совершал, значит, чудеса совершал он, и я

тут же подумал, что любому, кто в состоянии так манипулировать людьми, никто не

в силах противостоять, и такой человек способен достичь чего угодно.

Сейид вмешался в ход моих мыслей.

— Нет, — сказал он, — ни у кого не развязаны руки, даже если он может делать то, чего не могут другие. Разве хирург, коль скоро ему разрешено оперировать, режет

кого попало? Если кто-нибудь даст вам денег на благотворительность, вы что, потратите их на себя? Принято считать: все, что люди делают, они делают просто

потому, что умеют это делать. В реальности же дополнительные способности

порождают дополнительную ответственность.

— Вы сейчас прочли мои мысли? — спросил я.

— Конечно, нет! Я знал, что вы так подумаете, потому что знаю вас, — сказал

Сейид. — И способность предвидения есть нечто такое, что помогает в работе, как, скажем, вежливость... Умение быть вежливым, — продолжал он, — помогает в

делах. С помощью вежливости человек фактически предвидит и планирует события.

Люди не возражают против вежливого к ним отношения, несмотря на то, что это, собственно, предопределяет их поступки.

Тут я не мог удержаться и прервал его:

— Но ведь вежливость — это что-то из области привычек, обычаев, а предвидение... совсем другое дело.

— Не совсем так, — ответил он. — Здесь больше сходства, чем вам кажется. И то и

другое — побочные продукты: одно — продукт цивилизации, другое — особой

культуры...

Я ударился в мысленный подсчет, сколько лет мне потребуется на развитие такой

способности. Но Шах опять прервал мои размышления: «До тех пор пока вы не

откажетесь от своего намерения пользоваться подобной способностью просто для

того, чтобы ею пользоваться, вам будет отказано в ней. Но, — закончил он с

улыбкой, — даже если вы родились в конюшне, это еще не значит, что, повзрослев, вы обязаны стать лошадью».

Твердое, непреложное условие владения этой способностью звучит так: никогда не

пытаться использовать ее в целях личного обогащения или вообще ради выгоды.

При обращении к ней должна быть совершенно определенная цель, которая

диктуется узором. Не раз, предсказывая чье-то отрицательное к нам отношение, Шах приговаривал: «И это весьма кстати. Если такой человек будет против нас, то

каждый из людей благонамеренных, позитивных, захочет пойти нам навстречу, поскольку этот тип явно придется им не по душе».

Я спросил, не слишком ли жестоко — сознательно возбуждать в ком-то неприязнь?

— Однажды утром, — ответил он, — я сидел у себя в комнате и наблюдал за

пчелой — она пыталась отыскать выход наружу. На попытки вылететь через

закрытое окно у нее ушло почти полчаса. Ее обманывал свет, идущий из окна, ей

казалось, что там, где светло, должно быть и открытое пространство. Но как только

она обнаружила, что рядом есть еще одно — открытое окно, цель ее стала близка.

Фактически, переключив внимание с потока света на сквозной поток воздуха, она

сразу освободилась; вернее, почти освободилась. Поток воздуха подхватил ее и

вынес наружу, как только я подтолкнул ее свернутой газетой.

Я совершенно уверен, что и пчела, и какой-нибудь сторонний наблюдатель

расценили бы мои действия как антагонистические. А знай пчела о моем

существовании, она и вовсе сочла бы меня своим заклятым врагом.

Сколько же людей, думал я, сопротивлялись получению от Шаха помощи из-за того, что их восприятие, как у той пчелы, заставляло считать помощь противодействием.

Однажды в самолете я сидел рядом с посланцем одной из ближневосточных стран.

Он сказал мне: «От Шаха можно получить только то, к чему ты готов. Людям, которые не ценят его, мало что даст его дружеское расположение.

Что касается меня, то я бы сказал, что, несомненно, он научил меня всему, что

помогло мне построить карьеру от младшего секретаря до того, кем я стал сейчас.

Мне не раз доводилось слышать от других о помощи такого рода, но я вряд ли

поверил бы рассказам, не случись этого в моей собственной жизни.

Я думаю, это одна из форм того, что люди называют "магией". Вам встречается

человек — внешне его никак не отличишь от миллионов других, — и вы вдруг

обнаруживаете, что он обладает способностью трансформировать человеческие

судьбы! Но свое дарование он проявляет не явно, а как бы втайне. Много, очень

много людей, потерявших обычную надежду на улучшение своей жизни, с его

помощью поймали удачу и процветают. Потом они, как правило, даже не

задумываются над тем, как могло произойти такое чудо».

Во время этого полета произошел ряд мелких эпизодов, в которых присутствовало

нечто специфическое, какой-то особый привкус, характерный для деятельности

Шаха. Мы тогда направлялись из Бомбея в Амстердам и совершили посадку в

Швейцарии. В транзитном зале ожидания к нам подошел репортер и спросил

Сейида Идриса: «Я прочитал в лондонской Daily Telegraph, что вы принадлежите к

древнейшей фамилии мира. Доставляет ли это вам удовольствие?»

Шах ответил: «Ну, у всего есть свои плюсы и минусы. Недавно я слышал, как кто-то

сказал: "Древнейшая в мире? Угу... да он и выглядит соответственно!"»

Журналист слегка смешался, но добросовестно записал ответ. Затем он спросил:

«А что вы думаете о господине У, сделавшем себе имя на британском телевидении

тем, что пересказал все ваши идеи и выдал за свои собственные?»

«Думаю, — сказал Шах, — что любой, кому и в самом деле удалось бы это сделать, должен обладать необычайным талантом. Взять хотя бы вас — попробуйте-ка

запомнить все, что я написал».

Когда мы шли обратно к самолету, нас внезапно окружила группа немецких и

австрийских священников, путешествовавших Скандинавскими аэролиниями.

Похоже, они узнали Сейида по фотографиям. Никто из нашей группы не знал

немецкого, а никак иначе священники, видимо, объясняться не могли.

И вдруг Шах завязал с ними оживленный разговор на языке, который я так и не смог

определить. Они явно понимали его, задавали вопросы, выслушивали ответы и

протягивали листки бумаги для автографа.

Когда мы снова оказались с ним рядом, я спросил: «Что это за язык?» Он взглянул

на меня как на полного идиота и сказал: «Латынь».

Я почувствовал себя глупо, потому что сразу же вспомнил об одном из самых

сильных средств в его арсенале, как раз для таких случаев, — он спрашивал: «А

сами вы не могли продумать это до конца?» Упрек в данном случае — и явный, и

скрытый — вполне справедлив: ведь люди часто говорят не подумав, даже в

обстоятельствах куда более важных.

Даже когда человек по опыту знает, что Шах может прибегнуть к этому способу, Сейиду все равно удастся научить его чему-либо.

Как-то после одной лекции группа людей навалилась на Шаха с расспросами, и

вперед пробился агрессивный пожилой человек: «Вопреки всем вашим

рассуждениям, есть реальный факт: в присутствии моего гуру я чувствую себя

лучше. А вы только и делаете, что без конца болтаете о том, как никчемны гуру. Так

вот, вы не можете отрицать, что человек этот полезен мне, чего я бы не сказал про

вас! И не твердите мне, что эту ситуацию я должен сам продумать до конца, потому

что здесь нечего продумывать. Благословения, посылаемые мне моим гуру, очевидны в любое время...»

Сейид Идрис улыбнулся и сказал: «Приведу вам историю про человека, который

всегда сдавал свои сорочки в одну и ту же прачечную, потому что ему нравилось, что там бесплатно пришивают оторвавшиеся пуговицы.

В любое время, при мысли, что он может положиться на безупречный сервис, человек этот чувствовал себя лучше и всегда высоко ценил благословение в виде

бесплатных пуговиц. Он ценил это столь высоко, что так никогда и не заметил: стоимость стирки рубашки в его любимой прачечной превышает цену покупки

новой».

Шах также умел заставить человека сбросить давящий на него груз.

Познакомившись с кем-нибудь, он завязывал с ним вполне обычные отношения, скажем, в социальном контексте, или это могли быть отношения учителя и ученика, внешне ничем не примечательные. Какое-то время их беседы касались всего, чего

угодно. Затем, без всякого предупреждения, Сейид Идрис «вытягивал» наружу

самые, казалось бы, глубинные помыслы собеседника, который начинал вдруг

объяснять, почему он (или она) поступил тем или иным образом, как это

подействовало на других и почему это было хорошим или плохим поступком.

Или, скажем, поначалу вы слышали, как человек досадует на кого-то, а затем —

словно включается какой-то внутренний личностный магнитофон или в разговор

вступает внутренний наблюдатель, или другое «я», — и выбалтывает все

настоящие причины негодования.

Я помню случай, когда глава кабинета министров одной страны объяснял, почему

он предпринял некие шаги, повлиявшие на судьбы миллионов людей. И вдруг, после паузы, он стал анализировать свое поведение и объяснил, почему он на

самом деле предпринял такие действия. Истинная причина не делала ему чести.

В другой раз знаменитый поэт и писатель, который еще несколько минут назад

разглагольствовал об оригинальности своих произведений, внезапно переключился

в этот альтернативный режим и стал перечислять различные классические и иные

источники, из которых он позаимствовал материал. Неожиданно он заговорил о том, насколько все его работы неоригинальны, хотя никому из исследователей его

творчества такое даже в голову не могло прийти. «Фактически, — перебил он сам

себя, — вплоть до настоящего момента я даже и не подозревал, насколько

вторично все, что я пишу». Казалось, Шах давал людям возможность, пусть

мимолетно, увидеть самих себя в новом, объективном свете: как будто они говорили

не о себе, а о ком-то другом, или как если бы они наблюдали за собой из некой

внутренней, весьма важной, но обычно не используемой части самих себя.

Я сказал Сейиду: «Мне кажется, что в каждом человеке хранится память обо всем, что с ним когда-либо случилось и почему это случилось, и такое знание таится в

глубинах его мозга. С помощью некоего механизма подобные воспоминания могут

быть полностью высвобождены. И еще мне кажется, вы знаете, как нажать в этом

механизме на клавишу "воспроизведение"».

Он ответил: «А вот еще одна мысль по тому же поводу. Одному человеку как-то

приснилось, что он съел безвкусную и очень черствую лепешку. Проснувшись, он

неожиданно обнаружил, что носовой платок, который был у него под подушкой, исчез, хотя комната была заперта изнутри. Бедняга пожаловался врачу на

несварение желудка, объясняя это своим угнетенным состоянием по поводу

исчезновения платка. Не в состоянии увидеть простую причину происшедшего, он

ухватился за другую. Именно так поступают люди, принадлежащие этому миру...»

Я давно заметил, что мнение человека о ком бы то ни было складывается в

основном из потребности испытывать симпатию или неприязнь, или «находиться

под впечатлением», или что-то в этом роде — рациональное суждение здесь ни при

чем.

Шах сказал: «Да, вы кое-что увидели. На современном жаргоне это называется

групповой динамикой и человеческим взаимодействием. Все это легко проверить.

Можно заставить людей полюбить или возненавидеть тебя, или озадачиться тобой

и т.д; любая из таких позиций будет приносить им удовольствие. Им будет казаться, что их чувства в отношении тебя возникли в результате их собственного, сугубо

личностного решения, и это «личностное» котируется у них очень высоко, хотя опыт

должен был бы свидетельствовать о его ненадежности. Им невдомек, что само

желание получить определенные стимулы плюс твое поведение — ну, и еще

несколько других «составляющих» — в сумме дают две трети всех ингредиентов их

реакции.

Оставшаяся часть — подлинная реальность — воздействует на них лишь в

ничтожной степени, да и то если человек действительно объективен. Если бы люди

могли усвоить это или хотя бы поразмыслить о такой возможности, они утратили бы

чувство собственной важности, лишившись знакомых средств, возбуждающих

подобное чувство. Но с какой стати им терять то, что они считают жизненно

необходимым, — сколь иллюзорно бы оно ни было, — если они и понятия не имеют, от каких возможностей это их отрезает?»

Прошло несколько месяцев, прежде чем мы снова вернулись к этой теме. Сейид

Идрис сказал: «Помните, как однажды я, отвечая на ваш вопрос, упомянул, что

люди на самом деле не должны доверять своему мнению и все-таки продолжают

это делать, а все потому что их можно заставить быть за, против или

воздержаться?» — «Да, — ответил я, — помню». — «Отлично, тогда поехали, посмотрим, как это происходит».

Ему предстояло выступить перед университетской аудиторией приблизительно в

сто человек. Он попросил меня разбить их на три равные группы и каждой группе

назначить лекционную комнату и время. Состоялись три встречи. Против своего

обыкновения, лекцию он читал с листа, и все три раза текст был одинаковым.

В мою задачу входило после каждой лекции обращаться к аудитории, приглашая

присутствующих поднятием руки выразить реакцию по поводу только что

услышанного: понравилось; не понравилось; мнение не сложилось.

Это я и сделал. Во время выступлений передо мной лежал лист бумаги, на котором

Шах заранее написал: группа 1 — понравится и материал, и Шах; группа 2 — не

понравится ни то, ни другое; группа 3 — будут озадачены, мнение не сложится.

Полученный результат в точности совпал с написанным. В очередной раз я

подтвердил для себя верность известного наблюдения: «Психология, как мы ее

знаем, находится в стадии младенчества».

Позже Шах сказал мне: «Есть время, когда нельзя сделать ничего; есть, когда кое-что может быть сделано; и есть периоды, когда возможно все. Держите это в

памяти, чтобы быть начеку и различать каждое из тонких качеств времени».

Среди участников того «эксперимента» — студентов и преподавателей университета — был пущен слух, что «ими манипулировали в рамках социологического исследования». Они немедленно сбежались, чтобы узнать, в чем

дело. Обнаружился еще один странный результат. Заявившие, что Шах им не

понравился, теперь уже явно так не думали. Любопытство взяло верх и вытеснило

неприязнь.

Сейид согласился прокомментировать свою лекцию и вызванные ею эффекты, поставив два условия. Первое: ему будет позволено говорить все, что он захочет, и

так долго, сколько он сочтет нужным. Второе: каждый из пришедших выслушать его

комментарии поклянется безоговорочно повиноваться ему в течение всего времени, пока они будут находиться в лекционном зале.

Это вызвало еще большее смятение, даже испуг. Большинство отказались давать

обещание, ссылаясь на то, что это полностью противоречит всем традициям

академической свободы, — они не могут повиноваться кому бы то ни было, как

овцы. Для остальных любопытство оказалось сильнее приверженности традициям, но, помня о другом условии (неограниченности во времени), они принесли подушки

и термосы с кофе, в ожидании «всенощного бдения» или лекции-марафона.

Когда Шах наконец собрал всех слушателей в аудитории и удалил миниатюрный

радиопередатчик, установленный одним ушлым студентом, чтобы «без труда

вынуть рыбку из пруда» (как выразился на этот счет Сейид), все были готовы к

великому моменту.

Тогда Сейид Идрис сказал:

— Когда я подросток и меня, так сказать, выпустили в мир, я стал повсюду спрашивать, как поступают люди образованные в отношении своих необразованных собратьев. Я

снял для себя этот вопрос, после того как один из ответов прозвучал так: «Якобы

образованные люди предпочитают самоутверждаться за счет контраста с людьми

предположительно невежественными. Поэтому они кровно заинтересованы в

поддержании невежества. Ведь если все жители страны будут профессорами, то

все профессора окажутся простыми мужиками». Или, как по этому поводу мог бы

сказать Бернад Шоу, «в аду и сам дьявол — не бог весть что».

Что касается зарека полностью повиноваться мне, то хотелось бы предостеречь вас

от произнесения ложных клятв, к чему я отношусь очень серьезно. Все

присутствующие обязались во всем меня слушаться. Но если ваша способность к

повиновению не была испытана, то как вы можете всерьез обещать такое?

Похоже, что-то ввело вас в заблуждение и побудило решить, что одно ничем не

отличается от другого, но ведь это противоположно всему тому, к чему ведет

образованность, — а именно проводить различия между вещами. Если вы все еще

не поняли, что именно нужно различать, то я вам скажу: Прежде всего, есть выполнимые клятвы, например, когда вы клянётесь правдиво

свидетельствовать о каком-то известном вам факте или клятвенно подтверждаете

что-нибудь подконтрольное вам, допустим: «Я клянусь, что ходил в школу в

Дорсете», — или: «В этом году я не поеду на Ниагарский водопад».

Затем, есть клятвы иного рода — когда вы обещаете сделать то, что вам

неподвластно и даже неизвестно, например, когда вы заявляете:
«Клянусь

повиноваться во всем».

А если, скажем, во исполнение вашей клятвы я сейчас потребую,
чтобы вы

заговорили по-японски или продемонстрировали духовные силы, вы
что, сумеете

это сделать, не имея соответствующей компетенции? Разве вам никто
никогда не

говорил об этом?

Мы до сих пор получаем письма, в которых люди с недоумением
спрашивают, что

конкретно означал последний пункт. К счастью, хватает писем и от
тех, кто понял

этот урок, что позволяет считать произошедшее весьма ценным. Тем,
кто не понял, мы посылаем письма тех, кто понял, экономя уйму сил.

Как сказал Шах: «Сначала ослабьте шнуровку на обуви, которая вам
жмет, а уж

потом поговорим о космическом».

Один из преподавателей этой обители учености отрекомендовался нам
как человек,

«с головой ушедший» в эзотеризм после того, как он, по его словам,
«довольно

долго пробовал практиковать официальную религию». Лично мне он
показался

весьма неуравновешенной личностью, что не мешало ему быть заметной фигурой в

какой-то весьма туманной специализации. У него и до сих пор весьма высокий

международный авторитет.

Этот человек прислал заказной почтой длинное скучное письмо, в котором

оспаривал идеи Шаха и предлагал свои услуги по их исправлению, подсластив свой

критицизм грубой лестью.

Я спросил Сейида, что он собирается с этим делать. Мне-то казалось, он просто

проигнорирует письмо.

— Я предложу ему стать моим духовным консультантом, — сказал Шах.

Несмотря на весь мой опыт пребывания с Сейидом Идрисом, я решил, что

ослышался. Но нет — я переспросил, и он подтвердил свое намерение.

— Более нелепого типа трудно себе представить, — пробормотал я.

— Само собой. Но он похвастает моим ответом перед лидерами одного религиозного направления. Ему очень хочется произвести на них впечатление, но

им как-то все не до него. Зато они постоянно пытаются загнать в угол меня. А вот

увидев мое письмо с предложением к нему, сотнями копий которого он будет трясти

на каждом углу, они захотят перехватить этого парня у меня из-под носа, и тогда уж

эти многоуважаемые деятели и наш неменяемый друг найдут общий язык и

поладят.

Если же я ему не отвечу или отвечу как-то иначе, он, без сомнения, окончательно

сбрендит, а те — другие люди — не смогут обрести полезный ингредиент для своей

деятельности.

У меня возникло жутковатое чувство, что я вовлечен в орбиту одного из вариантов

истории про Моисея и Хызра.

И действительно, все случилось, как расписал Шах. Следующее письмо от нашего

эксцентричного корреспондента не содержало ни критики, ни лести. В нем (я держу

его перед собой, когда пишу эти строки) дословно было сказано: «Определенные

обстоятельства не позволяют мне консультировать вас в вопросах вашей духовной

жизни. Письмо ваше я показал знаменитому теологу (имярек), который не только

посоветовал вообще не иметь с вами дела, но тут же предложил мне
должность

своего личного советника и литургического консультанта в его
организации...»

Я спросил Шаха, мог бы кто-нибудь из нас научиться делать что-либо
подобное. Его

ответом было: «Не всяк кузнец, у кого рожа в саже, — но путь в
кузнецы никому не

заказан!»

Вновь и вновь я получал зримые свидетельства того, что Сейид Идрис
был своего

рода профессором в науке о человеке, науке, о которой не подозревали
не только

обычные мужчины и женщины, но и профессиональные психологи.
Иногда я

чувствовал, что он владеет знанием настолько цельного характера, что
само

происхождение этого знания следует отнести, по-видимому, к некоему
отдаленному

периоду, когда человеческое мышление еще только формировалось.
Подобного же

рода идею, возможно, имел в виду один дервиш, поведавший мне
однажды о

бесполезной беседе, состоявшейся у него с протестантским
священником.

Дервиш рассказал: «Священник снизошел до меня. Он заявил, что хочет постичь

истину, но мне было очевидно: состояние его таково, что истину никоим образом не

удастся ему продемонстрировать. В случае с ним истина была в том, что наш опыт

на тысячу лет длиннее, чем у протестантских богословов. К тому же мы обладаем

хронологической подвижностью в обоих направлениях — мы можем видеть и

прошлое, и будущее, — а стало быть, подтверждать свою доктрину способом, недоступным для обычных религиозных деятелей.

Это означает, что мы не станем ввязываться в то, что нам не по силам, тогда как

они идут путем проб и ошибок. Взгляд в прошлое открывает мне реальную картину

относительно его верования. Взгляд в будущее показывает бесплодность любых

попыток объяснить ему это».

А вот еще одна иллюстрация глубины уровня, на котором действует суфийская

психология. Я присутствовал при продолжительной дискуссии между Шахом и

одним известным человеком — он оспаривал практически каждое слово Сейида.

Когда долгая беседа закончилась, я спросил Шаха: «Как же вы позволили ему уйти с

этими абсурдными убеждениями, которые так легко опровергнуть? Да и вообще, при

всем к нему уважению, стоило ли тратить время на такого человека? Он ожесточен и

непримирим; сомнительно, чтобы ваше долготерпение оказало на него какое-либо

действие. Какая польза от всего этого?»

Шах ответил: «Все, что вы сказали, вполне разумно в глазах обычного стороннего

наблюдателя. Человек этот вел себя враждебно и по-идиотски. Многие решили бы, что надо или опровергнуть его доводы, или, наоборот, сблизиться с ним — ведь в

некоторых отношениях он, без сомнения, очень влиятелен.

Как бы то ни было, сейчас еще рано предпринимать какие-либо действия. Его уму

необходимо время на "переваривание". Я бы хотел, чтобы на следующей неделе вы

сходили в *** — он назвал один клуб, — там он как раз окажется в нужной кондиции.

Вот тогда то, о чем я говорил, возымеет эффект...»

Я посетил указанный клуб по приглашению одного из его членов. К моему

изумлению, эта самая знаменитость — оппонент Шаха — теперь не оспаривал, а

защищал абсолютно каждое утверждение, сделанное Сейидом во время их

дискуссии; он практически поменял свою точку зрения на противоположную.

В моих записях есть и случай, иллюстрирующий обратную ситуацию.

Посетитель Шаха в разговоре с ним соглашался со всем сказанным. Он был

приятен, хорошо одет, оживлен, проявлял уважение и готовность оказать всяческую

помощь.

Я предложил поручить этому человеку какое-нибудь дело в нашей работе, потому

что мне самому такая помощь пришла бы очень кстати; он же, в свою очередь, заверил, что мы можем располагать им по нашему усмотрению, после чего я

выразил уверенность, что мы поладим, и так далее...

Тем из нас, кто тогда присутствовал, Сейид сказал: «Этот человек верит, что с

открытой душой принимает все, что мы говорим и делаем, и воображает, что у нас с

ним общее будущее. Он пользуется необычайной популярностью у окружающих, являясь, по мнению многих, образцом для подражания. Всем он нравится, все хотят

с ним дружить.

Но внутренне, в области, которую не воспринимает ни он сам, ни кто-либо из вас, он

потенциальная жертва самообмана и склонен, как вы бы сказали, к предательству.

Однажды он наверняка обратится против нас».

Я был весьма удивлен. Но к этому времени у меня накопился достаточный опыт

общения с Шахом, чтобы не отвергать его идеи, сколь бы невероятными они ни

выглядели в свете моего собственного суждения.

«На данном этапе, — продолжал Сейид Идрис, — невозможно показать ни ему, ни

кому-либо другому, что он предаст и своих друзей, и свои важнейшие интересы. Яд, заключенный в нем, находится в латентном состоянии, и нет способа его выявить.

Даже почувствовать присутствие этого яда доступно далеко не каждому».

Заодно Сейид сделал несколько принципиальных замечаний по поводу будущего

этого человека. Все его слова сбылись. Тот очень плохо кончил, и я склонен думать, что произошло это по причине злополучного «яда», о котором говорил Шах.

Шах потом привел этот пример, чтобы выделить одно положение, которое мне

показалось весьма интригующим.

«Следует помнить, — сказал он, — что многие культуры и сообщества могут

находиться в стадии, когда им требуется время, чтобы принять идею. К примеру, в

современном мире до сих пор считается, что путь к прогрессу — это благонамеренность и идеализм. Когда же в конце концов станет ясно, что эти

позиции неэффективны, человек довольно быстро переключится на поиски знания.

Суфии, конечно, уже сделали это. И если люди готовы, суфии всегда в их

распоряжении.

Причина, — продолжил он, — которой мы объясняем себе те или иные слова

людей, может не соответствовать действительному положению вещей. То же самое

справедливо и относительно истинной причины наших собственных убеждений».

Вскоре после этого разговора он дал мне вырезку из журнала Time²². В статье

описывалось собеседование с кандидатами при приеме на работу. Всем им был

задан один вопрос: «Следует ли уволить человека, если он позволяет себе

махинации с казенными средствами?» Впоследствии выяснилось, что ответившие

на этот вопрос «нет» чаще всего оказывались честнее тех, кто сказал «да»! И хотя

22 Time Magazine, European Edition, Dec. 12, 1977. P. 43.

обычно принято считать, что люди в большинстве своем — честные, в некоторых

сферах 40 процентов принятых на работу оказались нечисты на руку...

Продолжая разговор, Шах прокомментировал результаты многочисленных

экспериментов, показывающие, что свидетели подстроженных событий не могли

толком вспомнить происшедшее, хотя «все видели собственными глазами». «Когда

западные и прочие исследователи поймут наконец значение всей подобной работы,

— сказал он, — начнется, пусть медленное, но все же определенное движение по

направлению к познанию возможного; это касается и того, что происходит в

действительности, и того, что истинно, а что нет».

Когда Шах поставил диагноз человеку с «латентным ядом», я спросил, нельзя ли

хоть как-то помочь ему, учитывая, насколько труден его случай. Сейид ответил:

«Давайте заниматься тем, что мы действительно можем, хорошо? Пытаться творить

добро в ситуации, когда это невозможно, — роскошь, доступная, увы, лишь

невеждам. Подобные действия могут сойти за геройство и доставить удовольствие

вам и вашим друзьям, но у такого добра есть один недостаток — результата не

будет. Совершая поступки, чтобы понравиться окружающим, и преследуя

незначительные цели, вы обеспечите себе хорошее самочувствие. Но с таким же

успехом это помешает вам реально служить Богу и людям». Позднее в его книгах, таких как Learning How to Learn («Учиться тому, как учиться»), я обнаружил, почему

Сейид рассматривает множество случаев обманчивости человеческого мышления и

наблюдения и почему он берет так много примеров из газет и другой текущей

прессы. Суфии говорили об этом на протяжении столетий, но Шах вводит их слова в

контекст современной жизни и призывает нас понять, что знание должно заменить

собой мнение везде, где только возможно.

Те из нас, кто путешествовал с Сейидом Идрисом, долгое время не могли

сравниться с ним в искусстве использования юмора в обучении — а это была и есть

его отличительная черта.

Но зато мы преуспели в розыгрыше кое-каких практических шуток, чем, по общему

признанию, приблизились к Шаху, — так как наши драматические этюды достаточно

эффективно выявляли тривиальность, претендующую на нечто глубокое.

Наш любимый розыгрыш назывался «Индийские риши». Мы устраивали его в

разных вариантах с бизнесменами, учеными, самозваными святыми и прочими.

Шутка эта родилась после того, как Берк, Адил, Фироз и я были доведены до

крайности нескончаемыми визитами монахов, повадившихся приезжать в дом, снятый на лето для Сейида.

Наши попытки отвадить их были безуспешны — они приезжали снова и снова. Мы

затевали долгие разговоры, в которых разоблачали их пустоту; они же с

достоинством выслушивали нас, признавали, как далеки от совершенства, и с

упоеанием исповедовались в собственной неполноценности. Если мы угощали их, они раздражались тирадами о щедрости Бога. Когда мы отказывались их кормить, они заявляли, что как раз собирались провести этот день в посте. Короче говоря, они были неисправимыми искателями острых ощущений и чудовищными

лицемерами. Однако пресса и разные проповедники трубили об их «благочестии».

Все происходящее вокруг они интерпретировали на самом поверхностном уровне, по принципу ассоциативности идей, а затем обрушивали все это на нас, выдавая за

изъявление Великого Космического Замысла и духовного учения, однажды

милосердно снизошедшего на них.

Никогда еще я не встречал людей, так катастрофически погрязших в банальностях и

повторявших их столь часто. Фироз сказал однажды, что они были посланы «отцом

всяческой обусловленности и зомбированности как самые удачные его творения».

Кроме того, они были безмерно охочи до «фактов» и постоянно рылись в писаниях

средневековых святых, отыскивая «факты» о святости, о Боге, об откровении, обо

всем, что только могло прийти им в голову. Шах по какой-то неуловимой для нас

причине обращался с ними ласково, хотя однажды пробормотал: «"Факты"

некоторых людей настолько бесполезны, что остается последняя надежда — быть

может, их фантазии окажутся чем-то лучше!»

И вот однажды мы решили снабдить их нашими собственными «фактами».

Все мы были единодушны в том, что пятеро из этих монахов — самые несносные.

Пустые интеллектуалы, с подавленной эмоциональностью, что воспринималось ими

как религиозность, — вот основная характеристика, с которой бы я начал их общее

описание.

Итак, мы предложили им встретиться с несколькими известными своей святостью

людьми — индийскими риши, — которые по случаю оказались у нас с визитом.

«Один из них, — сказали мы, переходя на конфиденциальный тон, — настоящий

святой».

Общему их восторгу не было предела, и все хотели знать, кто же именно «святой».

Каждому из монахов в отдельности и «по секрету», с условием о неразглашении

информации, было сообщено, кто из гостей — святой. Первому сказали, что

великий человек — тот, «кто будет в красном тюрбане», второму по секрету

сообщили, что на святом будет синий тюрбан, и так далее.

К тому времени мы уже нашли пятерых довольно-таки алчных сикхов-челноков, которые шастали по стране, таская за собой чемоданы с товаром —

преимущественно женским бельем — и предлагая его повсюду от двери к двери.

Мы сообщили им, что у нас есть европейские клиенты, которые станут для них

легкой добычей, если они пустят в ход свое умение преподнести товар.

Первыми приехали сикхи, и мы усадили их на доске, покрытой алым шелком, посреди большого сада камней. Затем мы вывели из дома монахов — их глаза

сверкали в предвкушении бог знает каких святых откровений.

Предварительно мы проинструктировали братьев, что сикхам необходимо оказать

величайшее почтение. И вот они уже стоят на лужайке, окруженной кустами, а на

другом ее конце восседают наши коробейники.

При виде «святых» монахи перешли на бег. Затем, вспомнив наши инструкции, бухнулись на колени, и таким способом каждый, как мог, приблизился к сикхам.

Оказавшись у цели, каждый из монахов выкрикнул короткую фразу на пенджаби, которую мы заставили их выучить, — она означала «Пожалуйста, покажите мне ваш

товар». Затем каждый схватил назначенного ему «настоящего святого» за руку и

поцеловал ее.

Надо отдать должное сикхам-разносчикам — удивить их непросто.

И глазом не моргнув, каждый «святой» повел своего монаха напрямиком в кусты, минуя камни сада. Там они с подобающей важностью

извлекли из своих

потрепанных чемоданов полные комплекты женского нижнего белья и разложили их

перед остекленелым взором давших обет безбрачия фактопоклонников.

Затем клиентам, с учетом крайней ограниченности средств коммуникации, была

изложена серия максимально красноречивых аргументов в пользу покупки товара.

Монахи и тут оказались не на высоте. Они наотрез отказались понять, сколь глубоко

может переживать несправедливость представитель мелкого бизнеса из Пенджаба, когда он видит, что человек не считает необходимым совершить у него покупку

после того, как уже проявил интерес к товару.

Крайне возмущенные монахи удалились и уже никогда больше у нас не появлялись.

За сорвавшуюся сделку сикхи получили от нас компенсацию.

Когда Шаху сообщили о наших «неортодоксальных методах», он сказал: «Один из

этих монахов часто просил меня "описать суфия". Описание святого как человека, которого можно узнать по цветному тюрбану, — это примерно то самое, чего они и

заслуживают.

Вся эта ситуация — как практическая шутка — вполне удалась. Но, насладившись

ею, давайте вспомним, что сказал Саади в своем Фруктовом Саде, и направим наш

химмат (устремление) к тому, чтобы так произошло и в данном случае: "Человек

сажает в землю семя,/ Чтобы в день нужды оно принесло плоды "»

Омар Берк, следуя обыкновению суфиев использовать цитаты для удержания

события в памяти, произнес слова, приписываемые мастеру Гариб-Навазу:

«Поистине, в темнице томится тот, кто претендует на набожность».

Одним из ростков этого семени, проросшего из темницы механистических

предположений и ханжества, было восхищение, которое выражали очень многие

индусы, когда слышали эту историю. Очевидно, всем им изрядно надоели насквозь

фальшивые гуру и столь же фальшивые западные почитатели этих гуру, так же как

слоняющиеся по миру и порой бесчестно торгующие на Западе их соотечественники.

Поверите ли — я до сих пор иногда слышу о различных версиях этого розыгрыша, который временами воспроизводится индийскими иммигрантами в Англии, чтобы, как сказал мне недавно один из них, «бал продолжался и процесс не застывал».

Я же после этих событий проводил в Объединенном Королевстве все меньше и

меньше времени, ибо мои обязанности призвали меня отправиться в
новый и во

многих отношениях иной мир — в Америку.

Глава 15. КОМАНДА ДИСТАНЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ

Поначалу вы можете не оценить суфизм,

но когда узнаете его, то полюбите

на всю жизнь.

Сахл из Тустара

В США мне довелось побывать несколько раз, но в основном я имел
дело с узким

кругом общения: в Нью-Йорке — с сотрудниками ООН, а в
Вашингтоне — с

дипломатическим сообществом. В тех обстоятельствах у меня было
мало шансов

встретиться с рядовым американцем («американцем с улицы»), но
теперь я

собирался расширить круг контактов, надеясь понять, как здесь
развиваются

суфийские идеи.

Америка принадлежала к категории объектов, попадавших в радиус
действия D.O.C.

— "Distant Operation Command" («Команды дистанционного
действия»), — так

называли мы, когда переходили на английский, суфийскую организацию, занятую

мониторингом суфийской деятельности и в особенности новых групп обучения, географически удаленных от духовного центра.

Я часто встречал американцев за границей, но все, у кого был опыт жизни в Штатах, заверяли меня, что эти американцы почти всегда нетипичны, а если и типичны, то

их поведение за границей нетипично.

Однажды в Индии я встретил индуса, только что вернувшегося из США, — он

совершал турне для привлечения средств на благотворительные цели. Вот его

слова (я записал их в дневник): «В Америке я без всякого труда могу «выбить» 50

000 долларов — если буду врать; настойчивыми просьбами могу собрать 5000; могу

рассчитывать на 500 долларов, если пообещаю что-нибудь. Но вряд ли я получу

хотя бы 5 долларов, если правдиво изложу суть дела». Однако люди, сведущие в

том, как живут американцы у себя дома, заверили меня, что это, скорее, карикатура.

Шах сказал об Америке две вещи, и обе они очень заинтересовали меня. Он начал с

того, что США являются «третьей Америкой», но это мало кто понимает. Слово

«Америка» он употреблял в особом смысле: согласно его объяснению, Соединенные Штаты были третьей великой исторической амальгамой людей, имевших разные истоки и построивших новое общество.

Первой «Америкой» была Испания, когда с VIII по XV век люди самого разного

происхождения и исторических судеб вносили свой вклад в создание новой

цивилизации.

Во времена европейских Темных Веков этнические испанцы, евреи, арабы и персы

защищали и развивали искусство, науку и культуру, а в нужный момент передали

остальной Европе наследие греческой цивилизации.

Второй «Америкой» была Британия, которая во времена испанского расцвета еще

только начинала развиваться. В свое время она стала благодатной почвой для

слияния в единое целое наследия, собранного кельтами, англами, саксами, римлянами, норманнами, викингами и прочими, образовавшими единое общество.

Сегодняшняя Америка, по словам Шаха, обладает схожим потенциалом роста и

вклада в человеческую культуру.

Но Шах видел перспективы Америки и с другой, весьма необычной точки зрения. Он

говорил, что ограничительные идеологии, господствовавшие там долгое время в

виде жесткого национализма и властного давления со стороны религиозных

меньшинств, прошли через все естественные этапы своего развития за исторически

короткий отрезок времени. Наблюдая и анализируя полученные как бы «в

лабораторных условиях» данные, он в своем исследовании пришел к выводу, что

сегодня американцы в состоянии отобрать из своей культуры самое лучшее, отбросив при этом бесполезное. Такой же быстрый темп развития событий он

усматривал и в военной, экономической, коммерческой и политической сферах

США.

«В западном "свободном мире", — сказал нам Шах, — реальный выбор ограничен

тем, что люди заведомо хотят найти, то есть обусловлен их предположениями.

Поэтому выбор абсолютно отсутствует в некоторых западных странах, где людям, скажем, предлагается научная медицина, тогда как они этому сопротивляются — их

больше привлекают традиционные или народные методы лечения.

То, что подобный выбор коренится в культурной обусловленности, в Америке

сейчас хорошо понимают. Народ там предпочитает заполучить новые знания и

использовать их как ключ, открывающий разные двери. Когда они наконец отомкнут

заветную дверь — а она сейчас прямо перед ними, — то обнаружат за ней много

приятных сюрпризов».

Помню, как в одной телевизионной передаче Сейид Идрис сказал, что Европе

угрожает опасность «информационного потопа» и она может стать первой из

исчезнувших культур, погребенных не под слоем невежества, а под толщей

неиспользованного знания.

Не произойдет ли то же самое и с Америкой? Нет, ни в коем случае, поскольку, согласно информации, поступающей оттуда, достаточно большое число

американцев реагируют иначе — они не создают затруднений на пути развития, отчасти потому, что активно ищут знания, чтобы тут же их применить, «а это как раз

то, что нам нужно».

На начальном этапе нынешней проекции суфийских идей в Америке была

задействована одна обучающая история. Мы смогли пронаблюдать весьма

очевидный эффект. Стало ясно, что американцы готовы позитивно откликнуться на

сигнал об опасности, таящейся в ничем не подтвержденных допущениях, —

особенно когда эти допущения продемонстрированы для них определенным

способом. В данном случае опасным было предположение, будто идеи, на которые

они опираются, безусловно верны.

МУДРЫЙ И ГЛУПЫЙ

Жил-был Дервиш. Человек он был непонятный и потому считался волшебником.

Когда Король одной страны заболел и врачи признали свое бессилие перед

болезнью, группе людей было приказано похитить волшебника. Они вернулись, привезя с собой закованного в цепи Дервиша, и швырнули его к ногам больного

монарха.

— О несчастный Дервиш! — закричал Король. — Срок жизни, отпущенный мне

врачами, — всего несколько месяцев. Или ты исцелишь меня с помощью своего

магического искусства, или умрешь раньше, чем я...

— Ваше Величество, средство для вашего исцеления проще простого,
— ответил

Дервиш. — Вам нужно всего лишь достать сердца двух человек — один из них

должен быть истинным глупцом, другой — настоящим мудрецом. Затем следует

испечь оба сердца вместе и съесть их. И тогда здоровье вновь вернется к вам.

— Отлично, — сказал Король и отдал распоряжение Главному Судье королевства

сыскать дурака.

— Вот этот Дервиш, — сказал Судья, — совершенно очевидно, и есть глупец: иначе

он предвидел бы ваши действия и скрыл свое искусство. Более того, ему и в голову

не пришло, что в качестве человека, у которого вырвут сердце, вы можете выбрать

его, — так он глуп.

Король согласился, а затем добавил: «Поскольку ты, мой Главный Судья, так мудр, твое сердце будет приготовлено вместе с сердцем Дервиша. Не зря же говорится:

"Суд все ставит на свои места"».

Присутствовавший при этом обсуждении Дервиш взял слово.

— Боюсь, Ваше Величество, — сказал он, — вам не удастся правильно составить

лекарство, хотя у вас и есть рецепт. Ведь Судью никак не назовешь мудрецом...

— Да как ты смеешь говорить такое, когда он везде и всюду известен как человек

знающий, да и кто как не я назначил его на эту должность? — вскричал монарх.

— Все так, но только в обратном порядке, — сказал Дервиш. — Он действительно

известен везде и всюду как человек знания, но только потому, что назначили его вы, и все об этом помнят. А кто сказал, что вы достаточно мудры, чтобы распознать

мудреца? И вообще, что такое эти его знания? Они — результат исключительно

натаскивания; все, что он знает, ему просто вбили в голову, как послушной лошади, а лошадь вы вряд ли назовете мудрой...

— Ну, хорошо, — сказал Король, — Судья — не мудрец. Но ты-то глупец в любом

случае...

— Если мое сердце вы выберете в качестве сердца глупца, — ответил Дервиш, —

вам опять же не полегчает. Вы выбрали Судью, потому как решили, что он мудрец.

Это говорит о том, что у вас самого мало мудрости, — ведь именно ваш выбор и

заставил вас вообразить, что он мудр.

Затем, назвав меня глупцом, вы последовали его совету, но уже сейчас видно, что

он кто угодно, только не мудрец. Тем не менее, вы по-прежнему намерены

следовать совету немудреца. Я же выставил вашу глупость, указав на непригодность Судьи, — из чего следует, что если я глупец, то мы с вами знаем

человека еще более глупого. Поэтому сомневаюсь, что мое сердце годится для

этого рецепта.

— Но что же нам делать? — в смятении спросил Король.

— Для начала надо снять с меня кандалы.

Кандалы были сняты, и Дервиш сказал: «Теперь повторите свой вопрос, Ваше

Величество!»

— Я прошу у тебя совета, Дервиш, а не загадок. Скажи, что я должен делать.

— Теперь, — отвечал мудрец, — мы можем приступить к лечению Вашего

Величества. Вот вам лекарство — оно из обычных трав, и вы, несомненно, выздоровеете — полностью и в короткий срок.

Когда меня, закованного в цепи, привели к вам, вы попытались заставить меня

вылечить вас с помощью магических заклинаний. В такой ситуации мое лекарство

никак не подействовало бы. Сначала мне пришлось показать вам, что ваше мнение

и мнения ваших советников — бесполезны, к тому же они являлись препятствиями

на пути к вашему выздоровлению.

Поэтому первым этапом исцеления была наша беседа о сердцах мудрого и дурака.

Только после прохождения первого этапа ваше состояние стало пригодным для

того, чтобы можно было приступить к лечению недуга.

В связи с этой историей мне вспомнилась услышанная в Турции поговорка: «Дурак

— это тот, кто, собирая огурцы, выбрасывает кривые». Американцам хватило

гибкости, чтобы взглянуть на огурцы — и на многое другое, — не заслонив себе

света предвзятыми установками относительно того, что съедобно, а что — нет.

Меня, однако, беспокоило, что мне-то придется нести суфийские идеи в том числе и

людям, у которых уже сложились установки на этот счет.

Но Шах сказал, что в США много людей, которые мыслят, не беря в расчет кривизну

огурцов, так что можно представлять им наши идеи прямо. К тому же большое

количество материалов, считающихся на Западе новыми, на самом деле

сохранялось в неизменном виде в произведениях суфийских классиков.
Для

получения надлежащего эффекта нужно только обратить на это
внимание

американцев.

Иногда, заметил Сейид, встречаются даже прямые совпадения в
технической

терминологии, что сильно облегчает поиск общего языка с западными
людьми. Он

привел несколько примеров. Вот самый поразительный: шейх Саади,
хорошо

известный суфийский автор, живший за семьсот лет до Зигмунда
Фрейда, в своем

классическом произведении «Фруктовый Сад», оказывается,
пользовался термином

«бессознательное», причем для современного слуха это звучит именно
во

фрейдистском и юнгианском смысле. Саади говорил: «В самости нет
пути к Богу, /

Но осознает это только бессознательное».

Слова Шаха полностью подтвердились. Американцев сильно поразило
откровение, что объединение людей, работавших из поколения в
поколение на якобы

«отсталом» Востоке, предвосхитило многое из того, что на Западе
считается

новейшими открытиями. Словом, американцы проявили конструктивный интерес, в

целом лишенный какой бы то ни было паранойи.

Оказавшись в Америке, я обнаружил, что самозванные и самообманутые

«псевдосуфии» и в самом деле нагородили массу всякого рода культов, но

интересно было отметить и тот масштаб, в котором эта ситуация

самокорректировалась. Людей разочаровавшихся и оставивших эти культы было

значительно больше, чем тех, кто все еще цеплялся за какое-либо из подобных

«учений».

Я также обнаружил, что иммигранты, притащившие в Америку со своей восточной

родины ритуалистические и ныне напрочь выхолощенные — хотя по их мнению, эффективные — суфийские практики, совершенно не подозревали о присутствии

истинных суфиев, которые из поколения в поколение незримо для окружающих

действовали в стране.

Реальность, обычно выпадающая из поля зрения, состоит в том, что суфии уже

долгое время живут и работают в США, основывая и финансируя

благотворительные организации, предприятия, спортивные общества и

сельскохозяйственные производства. Они присутствуют в правительстве и местных

администрациях, в юриспруденции и медицине, в инженерной среде, науке и

искусстве, в дипломатическом мире и в области научных исследований. При этом

американские ученые, пишущие о суфизме, вынуждены проводить исследования по

книгам или ехать с экспедициями на Восток — и все равно живая суть данного

предмета проходит мимо них. Впрочем, возможно, суфий лишь тогда для них суфий, если он кружится, стучит по барабану или распевает на ломаном арабском языке

молитвенные речитативы.

За время своих трех или четырех приездов в Америку Сейид Идрис наметил

основной план объединения резерва знаний и людей, скрыто вовлеченных в работу, длящуюся в течение многих поколений, с людьми новой волны. Новой волной были

те, кто откликнулся на суфийскую проекцию в обществе, возникшую с выходом книги

Шаха «Суфии», которая стала своего рода «уведомлением об открытии».

В моем представлении, потребовалось бы довольно много времени и сил, чтобы

свести эти два элемента в некое суфийское органическое целое. Фактически же, как

только процесс гармонизации запущен, оплодотворенный организм начинает жить

по своим собственным законам.

Бывший секретарь одной хорошо известной организации эзотериков сказал мне как-то: «Я единственный из нашего сообщества, кому позволено было присутствовать

при разговоре нашего мастера с Идрисом Шахом. Мне полностью доверяли, но, боюсь, от моей лояльности не осталось и следа, когда я услышал такое откровение:

"Есть только одна причина, — сказал Сейиду духовный мастер, — по которой я не

могу организовать вам осмотр нашего монастыря. Хотя я питаю глубочайшее

уважение к вам как к человеку просветленному и чувствую, что мне бы следовало

всегда учитывать ваши намерения, я не могу проявить этого публично. Видите ли, если мои ученики узнают, сколь высокого я о вас мнения, они оставят меня — ведь

им необходимо считать, что именно я — величайший духовный мастер эпохи"».

Естественно, Соединенные Штаты не единственное место, где возникают подобные

ситуации. Собственно, мы в данном случае встречаемся с явлением, которое Шах и

другие однозначно называют «религиозной болезнью».

Вскоре после того как разнеслась весть о моем приезде, на меня налетели

«учителя» и их представители. Это был полный набор соискателей всех возможных

видов — от членов вполне уважаемых и благополучных Церквей до

последователей самых диких культов. Все они, по их собственному выражению, хотели «присоединиться к работе». Но скоро мне стало ясно, что, в сущности, все

они предлагали не что иное как коммерческую сделку. Как сказал мне один из этих

духовных дилеров: «У нас есть последователи, у вас — ноу-хау. Значит, совокупно

мы располагаем всем необходимым для заключения контракта, не так ли?»

Я объяснил, что у суфиев действительно есть знание, однако предлагают они

просвещение. Такая позиция вызвала некоторое замешательство, но это дало

неплохой результат — мы избавились от большинства претендентов.

«Образование», каким бы важным оно ни было, звучит недостаточно возбуждающе.

Многие из них рассчитывали заполучить какую-нибудь суфийскую информацию, план, технику — все, что угодно, — чтобы попытаться втиснуть приобретенное в

свою уже существующую школу или движение. И никто не понимал, что, подобно

другим сильнодействующим ингредиентам, суфийские элементы, при смешении с

чужеродным составом, лишь дестабилизируют прежнюю структуру.

Книги Шаха были проштудированы в поисках скрытых идей, формул и прочего, и мы

до сих пор натываемся на попытки адаптации исконных суфийских положений и

фраз в различных книгах и «учениях», спонсоры которых полагают, что смогли

найти этому материалу стоящее применение.

К нам обратились социологи, психологи и ряд других специалистов — наши

материалы вызвали их интерес, но у них появились вопросы после консультаций с

академиками-ориенталистами. Последние зачастую резко осуждали эти материалы, а поскольку немного знали о реальных суфиях, то были убеждены, что наши

материалы — или продукт культа, или попытка основать его!

Чтобы разрубить этот узел, ничего другого не оставалось, кроме как показать

благожелательно настроенным американским (и прочим) интеллектуалам суть

проблемы: мы и академики-ориенталисты живем в разных реальностях.

Своими соображениями я поделился с одним американским социологом, и он

порекомендовал мне провести демонстрационный тест.

Социолог разработал план действий, и я взялся за работу. Подобные тесты

проводятся по известному образцу, с тем чтобы выяснить, насколько

предубеждение человека влияет на его мнение и суждение. Итак, я написал ряду

американских ориенталистов и несколькими хорошо известным в США

неамериканским ученым. К каждому письму я приложил отрывки из суфийских

текстов и просил адресата оценить их качество и высказать мнение об их источнике.

Следуя рекомендациям социолога, фразы сопроводительного письма я составил

таким образом, чтобы по его прочтении сложилось впечатление, будто все

присланные мною выдержки взяты из работ Сейида Идриса. Должен признаться, что по-настоящему идею этого теста я оценил лишь после того, как услышал слова

одного ученого, заявившего: «Идриса Шаха я не читал, потому что ценю свое

время».

Пять из шестнадцати адресатов не ответили на мое письмо. Один написал, что

материалы «важны, интересны и, несомненно, подлинны». Но самое интересное

ожидало нас в письмах от остальных десяти адресатов — их ответы и стали

материалом для демонстрации. Все они считали, что полученные цитаты из

суфийских произведений были «поверхностными, ложными, недостоверными и

очень показательными в отношении самого Шаха, которому свойственны

верхоглядство, ложное толкование и абсолютный дефицит духовности», — словом, бесполезное чтение. Один из них был настолько задет, что охарактеризовал все

присланные фрагменты как «абсурдные для духовного человека».

Когда все цитаты из разосланного мной письма были сопоставлены с источниками, социолог сам был поражен, увидев, что ни единый фрагмент не принадлежал перу

Идриса Шаха. Это были выдержки из работ известных суфийских гигантов

прошлого, знаменитых писателей и поэтов — таких светочей, как аль-Газали, Ибн

аль-Араби, Джуллаби (аль-Худжвири), Аттар, Сахл, Нури, Бишр и других...

Но полученная нами реакция вовсе не была универсальной. В случае с другой

тестируемой группой, где проводился «холодный тест»²³ и имя Шаха не

упоминалось, представление подлинного, но современного суфийского учебного

материала вызвало противоположный отклик. Американцы с энтузиазмом

открывали для себя нечто новое, и это, в свою очередь, пробуждало во мне

глубокий интерес к ним самим — и личный, и профессиональный.

Я научился говорить с американцами очень открыто.

Один американский суфий «старого резерва» — из тех, кто «обосновался» и

находился в США уже несколько десятилетий, — организовал семинар для ученых.

Он и сам был ученым с именем, но ему нужен был кто-то со стороны, поскольку его

коллеги никак не могли взять в толк, как это он, стопроцентный американец, способен научить их чему-то такому, что по определению считалось чужестранной

системой. Тема вызывала несомненный интерес, но, конечно же, они предпочитали

услышать об «общей теории суфизма», как они это называли, от меня.

Я позвонил Сейиду Идрису, чтобы посоветоваться. Он сказал: «Если ты чувствуешь, что "путешествуешь в нашей работе", и что в определенном смысле ты

путешествуешь "со мной", тогда говори, отталкиваясь от себя, а не от книг. Говори, но правдиво и кратко».

Итак, на выступление мне предоставили три четверти часа, и вот я встал, подготовившись говорить перед огромным залом, заполненным мужчинами и

женщинами, — многие сидели с очень серьезными лицами, поблескивая очками.

Ниже я привожу полный текст своей речи — она длилась менее 50 секунд.

Одного дервиша спросили про суфиев. Он ответил: «Истории известны два вида

суфиев. К первому относятся люди, предположительно принадлежащие к той или

иной системе, изложенной в книгах. Некоторые из них не возражают против

присутствия в своей среде наблюдателей и позволяют изучать себя. Этот вид

дервишей включает в себя и тех, кто совершает вращательные движения — как

умственные, так и телесные — при всем честном народе. Они составляют особую

23 Cool test.

разновидность, пользующуюся восторженным успехом у последователей и

исследователей — людей, ищущих возбуждения, а не знания, и чувствующих

благодаря своей причастности к подобной деятельности высочайший подъем.

Фактически, именно эту разновидность дервишей мир обычно и считает настоящими

суфиями. Мы относимся к другому виду».

Эффект от этих слов, плюс пересказ истории о дервише и лекарстве из

«запеченных сердец», был драматическим и показал способность суфийского

материала достичь человека, минуя преграды его обусловленности.

Кроме того, в одну из задач моего отдела «Команды дистанционного действия»

входило прочтение интенсивного курса средневековой истории так, как мы ее

понимаем, но теперь уже перед другой аудиторией — образованными западными

людьми разных профессий. Похоже, что они были совершенно неспособны увязать

между собой исторические факты, свидетельствующие о древней органической

связи более ранних культур с культурой Запада.

Глядя на их недоумение и слушая вопросы и замечания, которыми они перебивали

доклад, мне временами казалось, что мы топчемся перед закрытой дверью. И тут

мне стала понятна причина этого. Когда люди Запада изучали свою историю, им

ничего не сообщалось о вкладе в нее иных культур на ранней стадии ее формирования.

Но в этом был и свой плюс. По мере того как я приводил материалы, о которых

люди обычно не имеют ни малейшего представления, хотя достоверность их

полностью подтверждается источниками, хранящимися в западных анналах, среди

слушателей постепенно стала обозначаться реакция заинтересованного удивления.

Мне показалось даже, что я слышу, как дверь поддалась и со скрипом стала

открываться. Я вспомнил слова Шаха: «Следует опасаться тоталитарных

государств, располагающих аппаратом подавления человеческого стремления к

образованию. Но практически в равной степени нужно опасаться и того, что служит

орудием тоталитаризма, — информационного голода, особенно если он длится

слишком долго. Последствия от того и другого — сходны».

Некоторые из моих слушателей стали нашими друзьями и сподвижниками. Как-то

они поделились со мной впечатлениями от своих контактов с Востоком, рассказав, как неприятно поразило их открытие, что некоторые люди там довольно равнодушно

относятся ко многому, что предлагает Запад. Они чувствовали, что Восток

предпочитает держаться за свои собственные традиционные ценности, которые

слишком часто препятствуют использованию преимуществ
современного

технологического мира.

Я напомнил им, что, наверное, не меньшее количество восточных
людей были

обескуражены огромным числом своих соплеменников, которые
переоценили

некоторые западные нововведения и в результате превратились в
жалкие подобию

людей Запада.

В ходе этих бесед моим оппонентам в конце концов удалось увидеть,
что сегодня в

мире начинает распространяться «третий подход» и идет он с Востока.

Многие в Америке — люди как религиозные, так и светские —
глубоко озабочены

ростом и распространением культов всех мастей.

Мне попалось статистическое исследование, показывавшее, что из
каждых

двадцати приверженцев культа один — с психическими отклонениями.
Поначалу, пока я не ознакомился с другими научными данными, мне
казалось, что эта цифра

преувеличена. Согласно исследованиям, в некоторых странах — среди
всего

населения в целом — процент психически нестабильных или тех, кто
станет

таковым в течение своей жизни, вдвое больше, чем в культовых группах (в

Британии — в четыре раза, еще больше—в Скандинавии).

Таким образом, похоже, корень проблемы не в культах, а в общей деформации

личности. Прежде чем спорить о том, полезен или вреден тот или иной культ,

следует удостовериться в изначальной психической уравновешенности его

последователей.

Суфии же озабочены следующим: соответствует ли в действительности культ, каким бы он ни был, своим притязаниям; их вовсе не заботит, получают ли его

приверженцы необходимую терапию. Конечно, терапия по-своему полезна, но одно

никак не связано с другим. В будущем эта проблема, несомненно, станет предметом

более широких исследований среди ученых Америки и других стран.

Есть предположение, что многие эксцессы, приписываемые культам, вызваны тем, что неуравновешенная личность в поисках терапии присоединяется к культу, но

никакого излечения в этом случае не происходит. А ведь никто, согласитесь, не

объявит официальную религию ложной на том лишь основании, что какой-то из ее

последователей впал в буйство. В этих случаях верующего признают больным, только и всего.

Моя работа в США дала мне много примеров конструктивно аналитической природы

американского ума, его склонности к юмору. Однажды я прочел замечание какого-то

ученого в адрес Шаха, сводившееся к тому, что содержание всех книг Идриса Шаха

давно уже можно найти на полках любой публичной библиотеки. Не успел я

прокомментировать это заявление, как один из присутствующих сказал: «Ну еще бы!

Все, что написал Шекспир, любому под силу, если у него под рукой хороший

словарь — и если сам он окажется Шекспиром».

Я отметил некоторое смятение среди мыслящих последователей официальных

религий в Соединенных Штатах. Так, один прелат, изучивший ряд произведений

суфиев, теперь обнаружил в пышном ритуале своей Церкви нечто изначальное

имевшее совершенно иной смысл.

Он сказал: «Теперь я чувствую глубокую печаль, когда наблюдаю, как обращаются с

религией люди, которые были, откровенно говоря, неверно обучены. Примерно то

же самое испытываешь при виде людей, устроивших себе забаву из того, что для

других является величайшей ценностью».

Еще, как я заметил, многие американцы считают, что раз нечто «новое» уже

доказано, необходимо срочно и во всей полноте применять это в жизни. И в то же

время их охватывает почти безгловый ужас от всего, что им кажется

«сэкондхэндом», тем, что побывало в употреблении. Впрочем, такое отношение с

легкостью поддавалось исправлению. Один человек спросил меня: «Зачем Шах так

много цитирует других?»

Он считал, что Сейиду Идрису пристало иметь «свежие идеи». Я как раз располагал

списком из пятидесяти пяти идей, которые психологи и другие специалисты

извлекли их из книг Сейида и расценили как поразительно новые. Однако я

предпочел подойти к этому вопросу прямо и потому ответил:

— Ну, поскольку я отвечал за переписку Шаха и следил за откликами на его книги, то смею вас заверить, что не меньшее число людей спрашивает, почему в этих

книгах так мало цитат. Что же касается вашего вопроса, то могу процитировать, что

говорит Сейид в таких случаях: «Когда вы учите ребенка азбуке, вы далеко не

продвинетесь, если всякий раз будете делать перерыв на обсуждение его

неизменного вопроса: "Зачем ты учишь меня этому глупому старому алфавиту — я

хочу учить новый..."». Такое объяснение было встречено с одобрением.

Многие американцы, интересующиеся сравнительным религиоведением и

социальными дисциплинами, отправились на Восток, чтобы «посмотреть и

поизучать». Было отрадно узнать, что большинство из них, вернувшись, полностью

осознали, что это как раз их «рассматривали и изучали» те, кого они собирались

исследовать. Они поняли, что их попытка взять штурмом райские врата не удалась.

Причем они согласились, что осознание этого факта пришло к ним не там, на месте, а по окончании поиска. Таким образом, еще раз была продемонстрирована типично

американская черта — готовность учиться на собственных ошибках, вместо того

чтобы винить кого-то другого.

После нескольких конференций и встреч я понял, что ошибался, когда загонял всех

американцев в какие-то обобщенные категории. Отнюдь не каждый поддавался

классификации. В Нью-Йорке я встретил одного восточного гуру, который

располагал богатым ассортиментом последователей. Он уверял меня, что есть

только два типа американцев и с обоими он прекрасно управляет.

— На самом деле все очень просто, — сказал он. — Нужно только найти

возбудимых калифорнийцев и сказать им, чтобы они успокоились, а также собрать

флегматичных жителей Среднего Запада и показать им, как надо возбуждаться!

Естественно, ничего не зная о суфизме, он утверждал, что «знает о суфизме все».

Как-то я посетил одну группу, которая прослушала ряд лекций Шаха, и был поражен, насколько эти люди собраны и сконцентрированы.

— Вы всегда слушаете с таким всепоглощающим вниманием? — спросил их я.

— Как бы не так! В тот день, когда к нам впервые приехал Шах, полуденная жара

была невыносима. Десятки людей набились в комнату: кто клевал носом, кто ерзал

на стуле, а некоторые глядели в окно.

И тут Сейид взял какую-то книгу и стал читать на неизвестном языке. Все мгновенно

встрепенулись, соображая, что происходит, и даже стараясь даже
вникнуть в смысл

непонятных слов; все распрямились, ожидая, что же будет дальше.

Шах прервал чтение и обратился к нам: «Когда я говорил на вашем
языке, ваше

внимание отсутствовало. Стоило мне заговорить на языке, непонятном
для вас, вы

стали воплощенным вниманием. Теперь давайте-ка возьмем это
внимание и

приложим его к языку, который вы понимаете, — тогда, глядишь, мы с
вами до чего-нибудь и доберемся...»

Распорядок нашей деятельности в Америке был ориентирован на
обучение в двух

ярусах. Первым ярусом были суфийские «резиденты» —
долгосрочный «резерв», люди, принимавшие участие в развитии
суфийской деятельности «в миру».

Они почти или совсем не контактировали с теми, кто к настоящему
времени

объединился в ответ на новое представление суфийского учения под
руководством

Шаха. Не были они и в контакте с имитаторами, да и вообще с кем бы
то ни было, кто не принадлежал к центральному суфийскому потоку.

Новые группы — второй ярус — подразделялись на три категории.

Одну из них составляли люди, организованные непосредственно
нашей штаб-квартирой и действовавшие под нашим прямым
руководством.

К другой категории относились люди, самостоятельно объединившиеся на почве

интереса к учению. Они ожидали перераспределения в «органические»

формирования.

К последней, третьей категории относились индивидуумы двух видов: те, кто из-за

своего географического местонахождения или по какой-либо иной причине не могли

присоединиться к группам, и те, кто проходил подготовку, чтобы быть принятыми, когда совпадут соответствующие условия, то есть «время, место и люди».

Из первой и второй категорий могли быть сформированы группы для оказания

поддержки другим, а также для участия в гуманитарном служении общего характера

в соответствии с суфийскими целями.

Например, если предвидится, что определенному ряду идей, товаров или чего

угодно суждено сыграть какую-то важную роль в будущем, но все эти вещи не

получили пока должного распространения в мире, группа поддержки направляет

усилия на внедрение таких факторов в культуру.

Мне удалось заметить множество мероприятий, выполняющих, как я понял, особую

функцию, — они возникали по всей территории Соединенных Штатов в самых

разных формах присоединенности к суфиям.

Для постороннего взгляда эти объединения могут казаться бесперспективными и

никак не связанными с суфизмом, даже если наблюдателю и известно это слово.

Пока все «капельки ртути» (как назвал их Шах в своей книге «Суфии») не сольются

воедино, немногие смогут разглядеть их взаимосвязь. И в самом деле, сама

способность распознавать их уже есть признак пробуждения. Даже концепция, что в

обращении могут находиться предметы и идеи, обладающие особой функцией, в

настоящее время не получила должного развития.

Один американский профессор, в ком была развита эта способность к

распознаванию, рассказал мне эпизод своего пребывания на Востоке. Он встретил

там духовного учителя, который не проявлял никаких признаков подобного

восприятия, хотя должен был им обладать согласно своему статусу, если бы, разумеется, он сам себе его не присвоил.

Итак, вот что поведал мне профессор.

На окружающих часто производит впечатление отрешенность, возникающая в

результате многолетней практики (самонаблюдения) и почитаемая за святость, —

на самом же деле такая отрешенность почти всегда свидетельствует о провале в

обучении. Способность переносить боль, впечатлять людей или порывать обычные

связи с миром — у всего этого мало общего с просветлением, хотя именно такие

качества очень часто относят к разряду чудесного. К тому же способность делать то, что другим не под силу, чудесна в столь в узком смысле, что лишь дурачок может

принять ее за духовность.

Однажды, — продолжал профессор, — я вышел на прогулку с известным всему

миру мистиком, который, увы, как и многие из этой среды, был шарлатаном. Он

развил в себе способность почти полного отрешения от обычной жизни и потому

пользовался огромным уважением миллионов благонамеренных людей, не говоря

уж об обманутых ничтожествах. Итак, прогуливаясь, мы поравнялись с одним

человеком, действительно достигшим несомненной мудрости. Тот спокойно сидел

на обочине дороги. Много лет тому назад человек этот был учеником гуру — моего

спутника, но затем, осознав, что его учитель заблуждается, ушел от него.

С тех пор бывший ученик прославленного гуру стал суфием, настоящим арифом —

просветленным, что сразу же распознавали в нем те, кто в состоянии воспринимать

подобные вещи, но мой тогдашний спутник, пребывающий на вершине самомнения

и мировой славы, к этой категории не принадлежал.

Вдруг, узнав своего бывшего ученика, он пробормотал: "Стыдно сказать, но этого

человека, прежде чем я сумел помочь ему, сбили с пути скверные друзья".

Возвысив голос, он обратился к подлинному мудрецу: "Эх, бедняга! Останься ты

тогда со мною, я помог бы тебе достичь просветления. А теперь что? Посмотри на

себя, в каком ты плачевном состоянии.

Эта сцена явилась для меня любопытным примером того, как фальшивый учитель

не только не смог распознать внутреннее состояние действительно великого

человека, но еще и отрезал себе доступ к обычной информации. Он даже

представить себе не мог, что и во внешнем мире его бывший ученик был

повсеместно признанным святым ... Таким образом, он принес в жертву оба мира —

и тот, и этот.

Один из суфийских «резидентов» в Соединенных Штатах сообщил мне, что при

любых контактах с обычными людьми следует акцентировать их внимание на

определенных принципах — он занимался их внедрением в американское

общественное мнение.

Вот эти принципы.

1. Суфии — это непрерывно действующая межкультурная организация. В ее рядах

не найти ни одного из самозванных учителей, которых многие, даже самые

серьезные соискатели, часто принимают за суфиев.

2. Следовательно, необходима осторожность. «Суфийская книга», «суфийская

группа» или «суфийский учитель», как бы многозначительно они ни выглядели, могут оказаться подделкой.

3. Помня об этом, подлинные суфии располагают собственным Обществом, предоставляющим информацию ищущим и возможности для тех, кто признан

пригодным.

Я спросил: «И какова же была реакция общественности на такого рода открытое

заявление?»

Он сказал: «Некоторые спрашивают, зачем нужна такая организация, как Association for Information and Teaching of Sufism (Ассоциация информации и учения суфизма), известная как J.T.T.T. или просто T.T.T. Обычно я отвечаю: нам она не нужна — она

нужна вам».

Именно этот человек представил меня ученым, вовлеченным в особое изучение

суфийского Пути; со многими из них мы установили связь через T.T.T., известную в

Англии как Society for Sufi Studies («Общество изучения суфизма»).

По тысячам писем, ежегодно приходящих от ученых, писателей и других желающих

сотрудничать и ищущих информацию, мы отбирали людей, понимавших, что наша

работа не «археологическая» деятельность — то есть не относится ни к музейному

делу, ни к собиранию пережитков прошлого, ритуалов или одежды, — но выражает

инструментальную функцию Учения. Сами эти люди быстро приходили к пониманию

общей сути суфизма, но, пытаясь заинтересовать специалистов из своей области, они подчас обнаруживали, как сложно объяснить

отдельные части Учения, недоступные линейному мышлению, которое многие считают единственно

плодотворным. Всякий раз им задавали одни и те же вопросы: почему тематика

суфийских книг так избирательна и почему столь многое в них вообще не

рассматривается? Почему акценты расставлены на, казалось бы, неуместных

деталях, а изложение часто обрывается как раз там, где читатель ожидает найти

вывод из сказанного?

Ответ, конечно же, таков: книги эти являются учебниками. Обеспечивать читателя

захватывающим чтивом — не входит в их задачу. Они предназначены для того, чтобы оказать на человека особое, заранее рассчитанное воздействие.

Этот факт, очевидный с точки зрения суфийского опыта, наши единомышленники с

трудом могли донести до своих соотечественников.

Один профессор английской литературы, столкнувшись с этой проблемой, сказал с

типично американской прямоотой: «Ученые в нашей стране туго-натуго стреножены.

Они ведут себя так, будто воздухоплавание можно освоить, просмотрев спектакль

"Питер Пэн"».

И все-таки на потенциально плодородной почве Академского сада «третьей

Америки» взошли многообещающие всходы.

Другой, менее резкий в своих оценках автор писал: «Как только Учение суфиев, по

истечении значительного периода времени, каменеет из-за того, что люди

определенной категории ошибочно принимают форму за содержание, сохранившиеся реликты становятся изначальной сутью для большинства ученых. В

результате подлинные суфийские учителя, независимо от успеха или провала своих

попыток восстановить гибкость — что аль-Газали называл «возрождением

религиозных наук», — в глазах последователей лжи неизбежно кажутся «ложными»

учителями». Я же, со своей стороны, безусловно убежден в том, что такой ход

событий охраняет некоторые сущностные факты от посягательства действительных

грабителей».

В Америке я испытал огромное удовлетворение, открыв, что люди, выработавшие в

себе привычку к непрерывности действия, все же в состоянии понять, почему какие-то процессы могут происходить в результате и посредством прерывистости. Так же

я обнаружил много здравомыслящих людей, вполне способных осознать, что суфии

работают, подключая интересующихся к деятельности так, как это возможно и когда

это возможно, а не рекрутируя их как призывников и не завлекая как клиентов.

После продолжительной поездки по Америке я возвратился в Нью-Йорк, куда

прибыл и Шах для встречи с каким-то издателем. Его сопровождал правитель одной

из стран Среднего Востока. На нас троих обрушилась лавина приглашений на

званные обеды. Один случай иллюстрирует, сколь по-прежнему таинственным

остается Восток для некоторых людей Запада.

Разговор зашел о магараджах и прочих восточных правителях. Леди, присутствовавшая на приеме, рассказала интересную историю.

Один восточный монарх предложил ее подруге, гостившей у него, автомобиль для

поездки по некоторым туристическим достопримечательностям. Той не хотелось

обременять хозяина дополнительными хлопотами, тем более, он и так, можно

сказать, из кожи лез вон, чтобы угодить ей. «Нет, спасибо, честное слово, я

предпочитаю более традиционные способы передвижения, — ответила она, имея в

виду, конечно, автобус. — Завтра в шесть утра я выезжаю».

На следующее утро она вышла из отеля, чтобы успеть на туристический автобус, и

тут ей была подана карета, запряженная парой лошадей, с великолепно наряженным кучером и лакеем на запятках.

Восточный правитель, которому леди, сверкая глазами, увлеченно расписывала это

удивительное приключение своей подруги, вежливо кивал. «Да, восхитительная

история», — произнес он. Леди явно почувствовала, что история не произвела на

него должного впечатления, и досадливо отвернулась к другому своему соседу в

ожидании более выразительной реакции.

Рассказчица, конечно, еще более поразилась бы тому, что случилось с ее подругой, если бы знала, что ее слушатель, восточный правитель, был прекрасно осведомлен

обо всех подробностях этого случая. Ведь именно он и прислал ту самую карету.

* * *

Неделю спустя я вернулся на Восток, закончив одно путешествие, чтобы начать

следующее — с караваном верблюдов мне предстояло совершить
очень длинный

переход через пустыню. На третий день пути я вдруг понял, что жизнь
преподает

мне урок, суть которого в сумятице Лондона и Нью-Йорка я почти
потерял из виду.

Караван шел вперед, и по мере его продвижения я стал замечать, как
люди смотрят

на предводителя каравана, а он, в свою очередь, высматривает вокруг
признаки

опасности, примечает реакции тех, кто уже проходил этим маршрутом,
ищет знаки

возможного приближения песчаной бури, приглядываясь к любым
изменениям в

погоде. Когда справа от нас, из находившейся неподалеку низины,
неожиданно

взлетели хищные птицы, будто их побеспокоил кто-то — возможно,
налетчики, затаившиеся в засаде и ожидающие наступления темноты,
— путешественники, все, как по команде, обратили взгляды на
караванщика. Тот, прямо сидя в седле, не

выказал ни малейшего признака беспокойства. И, как всегда, все мы
тоже

успокоились.

Наконец мы достигли точки, с которой стало видно, что пустыня
заканчивается и мы

уже почти в безопасности. Один низкорослый и весьма самоуверенный
участник

нашего перехода, трясшийся на ослике, поравнялся со мной и сказал:

— Ну вот, мы и приехали. Я часто думаю, с какой это стати люди придают такое

значение начальнику каравана. Ведь по дороге ничего не случилось, да и что, собственно, могло случиться?

— Ночью вы спали, чувствуя себя покойно и уютно, — ответил я, — потому что

положились на опыт предводителя. Ваш сон охраняли. Да и днем вы сотни раз

поглядывали на начальника каравана, чтобы рассеять свою неуверенность. Его

мудрость и бдительность поддерживали всех нас, не давая впасть в беспокойство, предотвращая наше раздражение друг другом, помогая переносить напряжение и

неуверенность. Как знать, возможно, одно лишь его присутствие убедило бандитов

не нападать на нас. Можно ли так легко сбросить все это со счетов?

— Вы просто сентиментальны, — заметил он.

Мне же вспомнилась песня беззаботного дервиша из Розового Сада шейха Саади, так изящно переведенная Иствиком.

I ride not on a camel, but am free from load and trammel, To no subject am I lord, and I fear no monarch's word; I think not of the morrow, nor recall the bygone sorrow, Thus I breathe exempt from strife, and thus moves on my tranquil life²⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

Посвящение: Избранные поэмы из «Дивана Шамси Табризского», перевод

Р.А.Никольсона. (Cambridge 1952, p 141 - Persian Text № 36 line 4)
Глава 1

Руми, ДжалаледДин. (1207—1273) — суфийский мастер, поэт, которого связывают с

дервишеским орденом Маулавийя (по-турецки произносится Мевлеви), хотя

утверждается, что Руми не основывал этот орден, первоначально называвшийся

Джалалийя. Сокращенная биография Руми содержится в произведении «Беседы

Руми», Лондон, 1961 г.; перевод сделан с отредактированной версии Фарзанфара:

«Фихи Ма Фихи»/«В Ней (книге) то, что в Ней есть»; автор подтверждает вердикт, что Руми, несомненно, был величайшим мистическим поэтом в истории

человечества (стр. 9).

См. Dr. Khalifa Abdul Hakim's "Metaphysics of Rumi" («Метафизика Руми») London, 1959 и "Teaching of Rumi" («Учение Руми») в переводе Whinfield, London, 1979.

Святой. Вали, означает также «друг» (Бога); попечитель, господин или мастер, наследник, суфийский просветленный. Арабское слово «киддис» (святой) —

ближайший эквивалент западной концепции «святого».

Суфий. Реализованный мистик, который не только «достиг» (познания Бога), но

также, в результате своих достижений, наделен мирскими и иными обязанностями.

Аналогия этому на обычном человеческом уровне формулируется так: чем больше

мужчина (или женщина) знает, тем большая ответственность на него ложится.

Святой же обладает более широким знанием Истины (Хак), которое носит

перманентный характер, и, соответственно, его новоприобретенные функции также

перманентны. «С незапамятных времен заботой религиозных мистиков был поиск

Реальности, при этом все мистики считали свой религиозный опыт невыразимым и

неописуемым».

24 Нет подо мною верблюда — нет и ноши забот, одоления тягот;
Подданных нет у меня — пред государевым оком не ведаю страха; Ни единой нет мысли о завтра, ни тени печалей былого.

Ни на чьей стороне я, свободно дышу, с плавным жизни течением слился...

Русский перевод С. Гражданкина.

(Dr A.A.Rizvi "A History of Sufism in India" / («История суфизма в Индии») Vol 1, New Delhi " 1978, p 18).

Мулла. Человек, предавшийся религии, священнослужитель в Исламе.
(Mullah —

Муллах, как иногда это слово пишется по-английски, является неправильной

транскрипцией).

Ибн аль-Араби. Шейх (учитель) Мухиуддин б. Али, называемый Ибн Сурака.

Великий испанский мистик, известный как Величайший Учитель / Доктор Максимус /

Аль Шейх аль-Акбар. Родился в Мурсии в 1169 г. См. Dr. A. E. Affifi's "The Mystical Philosophy of Muhiyd Din — Ibnul Arabi" («Мистическая философия Мухиид-Дина

Ибнул Араби») Cambridge, 1938.

Джами. Мулла Нуруддин Абдарахман Ахмад Джами (1114—1492). Знаменитый

накшбандийский учитель и классический персидский поэт; его чувство юмора и

прямота в речах настроили против него ученых и теологов.

Ал-Джулаби. Абу'л Хасан Али б. Усман б. Али ал-Газнави, ал-Джулаби, ал-Худжвири

Афганский. Суфийский святой (вали), X—XI вв., похоронен в Лахоре, Пакистан.

Автор первого персидского трактата по суфизму и суфиям «Кашф ал-Махджуб»

(«Раскрытие скрытого»), перевод Dr. R.A.Nicholson, London, и последующие

издания.

Газали Хуият ал-Ислам («Доказательство Ислама») Абу Хамид Мухаммад аль

Газали (1058 / 1111) из Персии. Один из величайших суфийских мистиков, оказал

огромное влияние на средневековое исламское и христианское мышление. Перевод

его основной работы "Ihya ulum id din" / («Возрождение религиозных наук») сделан

Мауляной Фазл ул-Каримом, Лахор, Пакистан, и состоит из четырех томов (дата

отсутствует). В Испании в XII веке работы Газали сожгли по приказу завоевателя

Ташфина.

Сухраварди. Шейх Зияуддин Абу-Ал Наджиб ал-Сухраварди (1097—1168) из Ирака; автор «Адаб ал-Миридин» («Поведение (обычай) учеников»). Его племянник, Шейх

Шихабуддин Абу Нафс ал-Сухраварди (1145—1234) основал дервишеский орден

Сухравардийя. Он учился у великого Абдул Кадира Джилани («Гилани»), 1077/78—

1166), именем которого был назван дервишеский орден. См. в переводе Н.W.Clarc,

"A Dervish Textbook" / «Учебник дервиша», из "Awarif al-Maarif / Awarif al-Naqa'iq", London 1980.

Тустари Абу Абдулах Мухаммад Сахл б. Абдуллах из Ахваза, в Иране (815—896), суфийский мастер, жил в Басре, был товарищем многих других просветленных того

времени, включая Дх'ул Нуна Египетского, см. о нем примечания к гл. 4, 5.

Мусса ал Казим (Мусса Кадхим) — шестой потомок по линии пророка Мухаммеда, умер в 799 г. К нему восходит родословная семьи Идриса Шаха; по этой причине

семья известна также под именем «Муса Казими» или «Мусави».

Мулла Насреддин. См. Idries Shah "The Exploits of the Incomparable Mulla Nasrudin"

(«Похождения Невероятного Муллы Насреддина»), London, 1968; и "The Subtleties of the Inimitable Mulla Nasrudin («Тонкости Несравненного Муллы Насреддина»), London, 1973 и последующие переводы и переиздания.

Бахауддин Накшбанди. Мухаммад б. Мухаммад Бахауддин Накшбанди из Бухары

(«Художник», 1318—1389). Линия Мастеров (Силсила-й-Хваджаган), основанная

Хамадани — умер в 1140г. — впоследствии была переименована в Накшбандийю

(«Художники») в честь Бахауддина Накшбанди. Позднее эта линия была распущена

и присоединена к Силсиле Азимийя (Великая), признающей своим руководителем

Идриса Шаха.

Шейх-уль-Ислам. Мусульманский духовный глава государства или какой-то области.

Глава 2

Саид /сейид/. Принц, лидер. Титул генеалогического потомка пророка Мохаммеда.

Сейида называют также тарифом (благородным, возвышенным). См. "Who is Who in Arab World («Кто есть кто в арабском мире»), Beirut, под рубрикой Шах, Идрис.

Текущая Биография. Current Biography Yearbook, New York 1976, pp 366-369.

Гуру. Добросовестным исследованием источников и деятельности индийских гуру

можно назвать книгу "Godmen of India"/ «Человекобоги Индии», автор P.L.Brent, London, 1972.

Саади. Шейх Абу Абдуллах Муслихуддин Саади (XII— XIII вв); ведущий суфийский

учитель и персидский классический поэт. «Каждое слово Саади содержит семьдесят

два смысла», — гласит пословица. См. E.V.Eastwick, Saadi: "The Rose Garden"

(«Розовый Сад»), London, 1974.

Глава 3

Sirdar Iqbal Ali Shah (1894-1969). "Islamic Sufism" («Исламский суфизм»); London, 1933, p. 9—10. Также см. Asian Affairs, October 1974. «Сирдар, Сейид, законный

потомок Мухаммеда по прямой линии, член княжеской семьи, был одним из первых

суфийских лидеров, выразивших принципы и методы суфизма в понятных Западу

терминах; он заложил основы растущего интереса к данной теме; интерес этот

вылился — как в нашей стране (Великобритании), так и во всем англоязычном мире,

— в стремление людей больше узнать о суфийском подходе к жизни» (pp. 360—361

).

Springett. В. Springett, "Secret Sects of Syria" («Тайные секты Сирии»), London, 1922, p. 81; "Ritual Initiation and Secrets in Sufi Circles" («Ритуалы посвящения и тайны в

суфийских кругах») автор Azizian, London, 1980 (статья называется «Наблюдения, сделанные в суфийской Школе», издана в русском переводе в сборнике «Суфии —

Мысль и Действие», изд. Эннеагон, 2005).

Вторичное «Я», или командующее «Я» (Нафс-и-Амма-ра) — суфийский

технический термин.

Шабистари. Шейх Сад-у-Дин Махмуд аш-Шабистари (XIV век); см. его "The Secret Garden" («Тайный Сад»), переводчик Johnson Pasha, London, 1969.

Глава 4

Дхул Нун. Дхун-нун-Абу'л Фаиз Зубан б. Ибрахим ал Мисри, «Египтянин», (796—

860/61). Имел репутацию еретика и алхимика. Был врачом и за свои сомнительные

взгляды находился под следствием в Багдаде. Среди суфиев — одна из основных

фигур, которую соотносят с орденом Балнайн («Строители»).

Использовал символизм, свидетельствующий, как считают, о его связи с западным Обществом

Вольных Каменщиков (масонами).

Калабадзи. Абу Бакр б. Аби-Ис-Хак б. Мухаммад б. Ирбахим б. Уа'Кубал-Калабадзи

из Бухары — X век. Создал важное произведение «Китаб ал Тааруф ли Мадхаб ахл

ат Тасаввуф» («Книга, содержащая сведения о школах и людях суфизма»); эта

работа преследовала цель показать, что суфии были истинными мусульманами.

Профессор A.J.Arbery издал перевод этой книги под названием The Doctrines of the Sufis" («Доктрины суфиев»), Cambridge, 1935; для перевода использована каирская

версия этого произведения, датируемая 1934 годом.

Джунайд Багдадский. Абдул Касим ал Джунайд б. Мухаммед б. Аль Джунайд ал

Кхазад ал-Кавари, IX—X вв. Значимый персидский суфий, учивший в Багдаде. См.

Dr. Ali Hassan Abdel— Kader: "The Life, Personality and Writing of Al-Junaid" («Жизнь, личность и произведения Ал-Джунайда»), London, 1976.

Levis F. Courtland. См. "A visit to Idries Shah" («Визит к Ид-рису Шаху») в сборнике, составленном профессором L.Levin: "The Diffusion of Sufi Ideas in the West"

(«Распространение суфийских идей на Западе»), Boulder, 1972.

Разговоры за ужином: См. Tyriagi's "The Dinner-meeting" («Беседы за ужином») в

книге D.J.Ansari et al. "Visits to Sufi Centres" («Посещения суфийских центров»), London, 1981. (Статья входит в опубликованный на русском языке сборник: «Суфии

— Мысль и Действие» под названием «Застольные беседы», изд. Эннеагон, 2005.) Глава 5

Али ибн Абу Талиб. Четвертый праведный халиф (VII век), зять и двоюродный брат

пророка Мухаммеда; предок Идриса Шаха. Большинство суфийских школ считают

его источником своей духовной родословной.

Maurice Megre. "The Return of the Magi" («Возвращение Халдея»), в переводе R.

Melton, London 1931, 1975.

Arkon Daraul. "A History of Secret Societies" («История тайных обществ»), London, 1961, 1965. Определение суфиев в Оксфордском словаре английского языка едва

ли можно считать исчерпывающим: «Тайное общество — организация, созданная

для содействия некой цели, достигаемой посредством секретных методов; ее члены

дают клятву соблюдения тайны».

Глава 6

Культы. См. E.Hoffer, "The True Believer" («Истинно верующий»), New York, 1958; Dr C.Evans, "Cults of Unreason" («Культы Абсурда»), London and New York, 1974.

Иглоукальвание. На тему разоблачения анестезии китайским профессором см.

статью "China Bursts Acupuncture Bubble" («В Китае лопнул мыльный пузырь, созданный вокруг иглоукальвания»), Daily Telegraph, October 24, 1980, p. 13, а также

статью "Acupuncture Criticized" («Критика иглоукальвания»), Agence France Presse, in the Times, October 24, 1980, p. 7 (Professors Gend Xichen and Tao Naihuang, in Shan ghai press).

Psychology Today. См. "A conversation with Idries Shah («Разговор с Идрисом

Шахом»), (by the editor E.Hall), US Edition, July 1975.

На тему народных волнений см. прессу: The Times (London) February 4, 1972, p.4, columns 1—4.

Глава 7

Майкл Бёрк. См. O. M. Burke, "Among the Dervishes" («Среди дервишей»), London, 1973; New York, 1975.

F.S. Harpold. "Mysticism" («Мистицизм»), London, 1963, pp. 218-219.

Фаридуддин Аттар. Фаридуддин Абу Хамид Мухаммад Аттар (ок. 1142—1220) Великий персидский суфий и классический поэт. Автор многих работ, включая

«Парламент Птиц». См. Idries Shah, "The Sufis" («Суфии»), London, New York 1964, pp 104.

Глава 8

Professor R. Littleton. См. "Lying Truths" («Лгущая истина»), под редакцией R. Duncan and W. Weston Smith, London, 1979.

Idries Shah / Documentation («Идрис Шах. Документы»), переиздание сборника

статей, Octagon Press, London, 1973 (9 томов, публиковавшиеся вплоть до 1979 г.) Rushbrook Williams, Professor L. F. (редактор) "Sufi Studies: East and West"

(«Суфийские Изучения: Восток и Запад»), London and New York, 1973. Статьи

двадцати четырех всемирно известных ученых, в которых отдается дань уважения

Идрис Шаху и отмечается его вклад. Издание приурочено к 700-летию со дня

смерти Джалаледдина Руми.

Professor Khalily. Ustad Khalilullah Khan Khalili, дипломат, придворный Воспитатель, выдающийся литератор Афганистана, см. "Quatrains of Khalilullah Khalili" /

«Четверостишия Халилулаха Халили», London, 1977 (Посвящены Идрису Шаху) Bio-data in: J. Prusek and J. Veska (редактора) Dictionary of Oriental Literatures, London, 1974, p. 103

Шах об ученых. См. Idries Shah: "Special Problems in the Study of Sufi Ideas" /

(«Особые проблемы в изучении суфийских идей») (Sussex University Seminar) London, 1966, 1968, 1974 etc.

Emeritus Professor Jacques Barzun. see T.Canlow and R.J. Mc Gee, "The Academic Marketplace" («Академический базар»), New York, 1965, Foreword by professor Barzun.

John Goss (Editor of the Times Literary Supplement) quoted by Victoria Glendenning "The high style of an English man of Letters" («Высокий стиль английского мастера слова»), in Sunday Times, London, December 13, 1981, p 40, column 3.

Глава 9

Машад (Машхад, Мешхед, Иран), место паломничества к мавзолею Имама Али ал-Риды или Али Разы, (умер в 818 г.), сына Мусы Аль Казима, предка Идриса Шаха: это место так почитается, что в одной персидской поэме о нем говорится

следующее:

Mashhad afzaltari rui zaminast

Ku anja nuri Rabb al-Alaminast

(На всей Земле не сыскать лучшего места, чем Машхад, Ибо здесь сияет свет Господа Миров).

Murray's Handbook for travelers in India and Pakistan, Nepal, Bangladesh and Sri Lanka («Путеводитель для путешественников по Индии и Пакистану, Непалу, Бангладеш и

Шри-Ланке»), 22 edition, London 1975, p 352.

В.К. Sen — индийский журналист. См: Hindustan Times, Delhi, March 11, 1973, "An Indian Philosopher" («Индийский философ») by В. К. Sen.

Islamic Culture, (журнал) "Idries Shah" in vol. L, № 4, October 1976, pp. 211-218.

Hyderabad.

The Voice of Islam (журнал). См. Dr. A.Arimovitch "Idries Shah in the Modern Science"

(«Идрис Шах в современной науке»), in vol. XXI, № 9, June 1973, pp. 411-425, Karachi.

Глава 10

Omar Khayyam. См. "Quatrains of Omar Khayyam" («Четверостишия Омара Хайяма»), перевод E.H.Whinfield, London, 1980. (Persian text p. 229, Quatrain 340).

New Yorker. См. Joseph Alsop's article on March 8, 1969, p. 52.

Глава 11

Professor L. Lewin. Редактор "The Elephant in the Dark and Other Writing on the diffusion of Sufi Ideas in the West" («Слон в темноте и другие работы о

распространении суфийских идей на Западе») by Idries Shah and Others, New York, 1976.

Хасан из Басры. Ал-Хасан б. Аби ал Хасан ас-Басри (642—728), суфийский мастер, родился в Медине, учил в Басре (Ирак). Он учил (по свидетельству Худжвири), что

так называемый аскетизм является ложной практикой, поскольку основан на

желании; терпение, как люди его понимают, на самом деле — удел малодушных, так как в его основе — страх. (Nicholson, Kasht, p 86).

Nabib Ajami. Хабиб б. Мухаммад Ал-Аджами. Суфийский мастер из Басры, живший в

XIII веке.

Ma'ruf Karkhi. Абу Ма'руф б. Фироз Ал-Каркхи. Суфийский святой из христианской

семьи. Умер в 815 г. в Багдаде.

Nuri. Абу ль Хиссейн Ахмад Б. Мухаммад Ал-Нури. Прославленный суфийский

святой Багдада, вел свое происхождение из Хорасана. Умер в 908 г.

Глава 12

Prince Dara Shikoh. Старший сын индийского императора Шаха Джахана; автор

произведения «Встреча двух океанов» и других работ, в которых утверждается, что

на высшем уровне суфизм и ведантизм идентичны. Обезглавлен в 1659 г. как

представляющий угрозу для ислама.

Глава 13

Хафиз. Ходжа (Мастер) Шамсуддин («Сын Веры») Ха-физ из Ширази (1325—1389).

Один из величайших персидских поэтов и суфиев. См. "Teaching of Hafiz" («Учения

Хафиза»), в английском переводе Gertrude Bell, London, 1979.

Abshar. "Abshar Monastery" (статья «Монастырь в Абшаре») by Julian Shaw, in the

"World of the Sufi" (Сборник «Мир Суфия) by P. L. Brent and Others, London 1979

(Джулиан Шоу — корреспондент, первым опубликовавший свой отчет о посещении

монастыря в Абшаре в лондонской газете The Times.

Divan Shamsi Tabriz, translated by Professor R. A. Nicholson, Cambridge 1952.

Needleman, Professor J. "The New Religions" («Новые религии»), New York 1970, London 1972 (Preface and p. 210).

Ордена — Турук, мн. число от Тарика, «Путь».

Mumi — мумиё, от арабского mumiya.

Кхариб-Наваз. Ходжа Муинуддин Чишти, в XII—XIII веках основал орден Чиштийя в

Армире, Индия. Несмотря на то, что вокруг его имени создано множество легенд, надежный источник информации об этом человеке отсутствует.

Глава 14

Бишр. Абу Наср Бишр б. ал Хариз Ал-Хафи из Мерва (Центральная Азия) и Багдада

(761—841). Влиятельный суфий, вел нищенский образ жизни, откуда и получил

прозвище «Босоногий».

J. T. T. Jamiyyam at-Ta'aruf w'at ta'lim at-Tasawwuf (Ассоциация по информированию

и обучению суфизму).

Сайт расширенного сознания...

www.soznanie.info